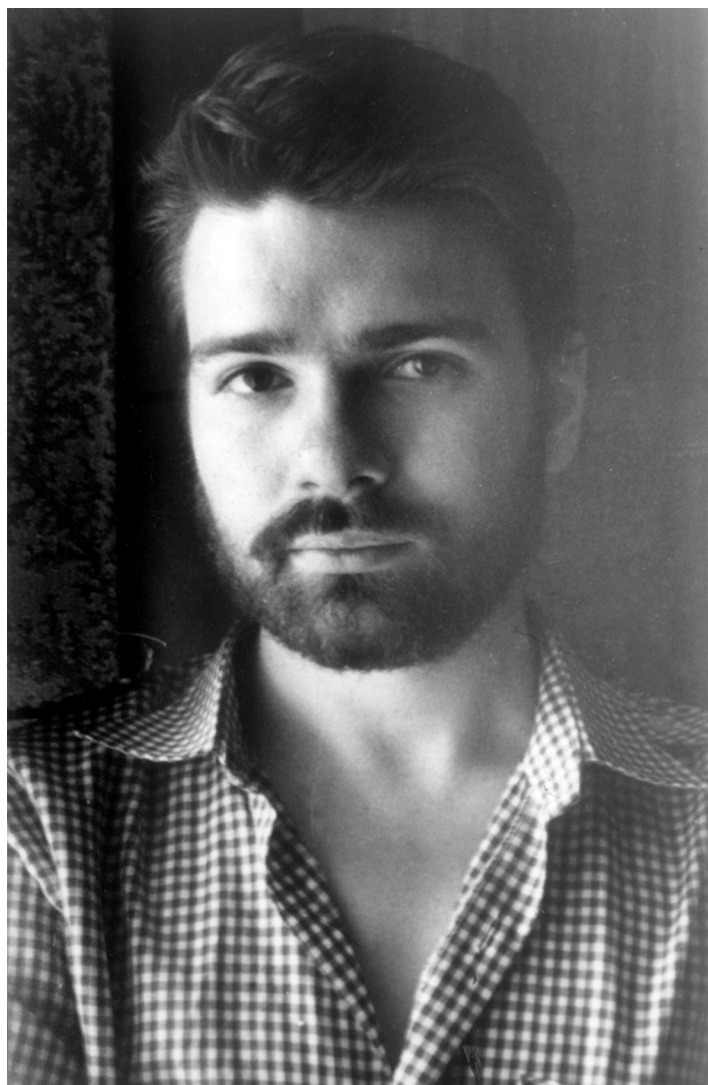

АЛЕКСАНДР
БАРДОДЫМ

РАСКАЛЕННОЕ
ВРЕМЯ

АЛЕКСАНДР
БАРДОДЫМ

СТИХИ
РАЗМЫШЛЕНИЯ

**РАСКАЛЕННОЕ
ВРЕМЯ**

АБГОСИЗДАТ – 2011

ББК 84(5Абх)6-5

Б 24

Бардодым А. В.

«Раскаленное время» (стихи, размышления). – Абгосиздат, 2011.
– 464 с.

Бардодым Александр Викторович (1966–1992) – поэт, журналист, переводчик. После окончания школы в 1984 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на факультет художественного перевода (абхазская группа). Учеба была прервана службой в армии. В 1991 году окончил институт. С 1991 по 1992 годы – сотрудник еженедельника «Куранты». Входил в литературную группу «Куртуазных маньеристов». В августе 1992 года в качестве корреспондента уехал в Абхазию. Воевал в рядах освободительной армии Абхазии. Погиб в 1992 году. Награжден орденом Леона (посмертно). Похоронен в Новом Афоне.

В 1993 году вышел его сборник стихов «Прорваться за грань» (издательство «Знание»), в 1999 году – книга стихов «След крыла» (издательство «Алашара»).

Стихи Александра Бардодыма вошли в антологию «Русская поэзия, XX век», выпущенную к 200-летию со дня рождения Пушкина (Москва. АЛМА-ПРЕСС. 1999 г.). В книге «Раскаленное время» представлены стихи разных лет, литературные статьи, интервью, переводы.

Составитель,
художественное оформление –
Маргарита Бардодым

© Бардодым А. В., наследники, 2011
© Бардодым В. Г., 2011
© Бардодым М. А., 2011
© Абгосиздат, 2011

ETHXN

Рисунок Саши Бардодыма

* * *

Ни сжечь, ни потушить.
Я продолжаю жить,
Чтоб снова вспоминать,
Чтоб заново начать
Встречаться и любить.
Надеяться и ждать.

1981

* * *

Кружатся в водовороте звуки,
И рокот,
О стену ударившись,
шепотом сходит.
Мир – ураган.

1981

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

Растворяются в дымке дали,
Тихий вечер спокоен и чист.
Нежно сумерки землю ласкали,
Опускаясь, как с дерева лист.

Ухнет филин из леса за прудом.
Ели хмуро шумят за окном.
Дышит печь древним русским уютом,
Наполняя всю избу теплом.

1981

ОТЧАЯНЬЕ

На белые плоские лица
Падает тень от стен,
И выпуклые глазницы
Глядят в полумертвый день.

И кажется, что сквозь белесый,
Рваный, как пакля, туман
Смотрит презрительно-косо
Сказочный великан.

Бури не будет. Не спится.
И серебристый свет
Падает на лица,
Будто в саван одет.

Наточенными бритвами
Режет глаза темнота,
И монотонными ритмами
Давит на слух пустота.

Ночь умирала тихо,
И осветил рассвет
Одинокие стены,
Где никого уже нет.

1981

* * *

Почему же белый свет таков,
Что сотворил жестоких дураков?
Не мудрено – с такими дураками
Погибнут все. Погибнут они сами.

И в хаосе галактик и светил
Исчезнет все, что разум сотворил.
Поэтому сейчас взываю к вам:
«Не дайте разгуляться дуракам!»

7 апреля 1981

ШОТЛАНДСКАЯ ПЕСНЯ

Я – бард. С волынкой за плечом
Хожу – и всё мне нипочем.
Мне ночью средь лесных дорог
Постелью служит мягкий мох,
А крышей – синева небес,
Стеною – гордый спящий лес.

Когда я вновь пойду вперед,
Мне ветер кудри разовьет.
В горах, где стадо облаков
Кочует в край лесных стрелков,
Здесь на волынки гордый зов
Ответит клич гуртовщиков.

Тут все усядутся в кружок
На перепутье трех дорог,
И звук услышать каждый рад
Стихов старинных и баллад.

1981

ВАКХАНАЛИЯ

Однажды как-то дон Хосе Мигель
Созвал друзей на праздничный коктейль.
И вот уже они сидят под тентом,
Расшитые роскошным позументом.
Но настроенье – дрянь. Ругаются сеньоры,
А потому, что выпивка не скоро,
А потому, что выпивка не скоро,
То ссорятся, ругаются сеньоры.

А потому дела вершит давно
На белом свете белое вино,
На белом свете белое вино
Все дела вершит давно.

А в Англии один английский лорд
Созвал гостей и был ужасно горд.
Там за столом сидел и ждал гостей
Надменный лорд и жиденький портвейн.
Окутала пришедших сеть интриг,
А потому, что выбор не велик,
И потому, что этот господин
На стол поставил слишком мало вин.

Во Франции собрались мушкетеры,
Затихли распри и затихли споры.
Ни стульев, ни закуски, ни стола,

Лишь бочка с элем под рукой была.
Наутро их заметили не скоро
(В Париже много пьяных мушкетеров).
Уж о гвардейцах мы не говорим,
Они вообще напились вдрызг и в дым.

А потому, что так заведено:
На белом свете белое вино,
На белом свете белое вино
Все дела вершит давно.

1981

ПЕСНЯ БОГАМСКИХ КОРСАРОВ

Нанизываем мили на бушприт
И оставляем волны за кормою.
Палаш у пояса безжизненно висит
До первой схватки, ожидая боя.

Но парусами полнится земля
И хлещет норд, как зверь, в лицо скребущий.
Мы подпираем доски корабля,
Наперерез волнам, ветрами пущенным.

Нам не страшна соленая вода.
И океан оплавится пожаром,
Когда горят зажженные суда,
И за удар парируют ударом.

Но парусами полнится земля
И хлещет норд, как зверь, в лицо скребущий.
Мы подпираем доски корабля,
Наперерез волнам, ветрами пущенным.

Кровь хлещет, abordаж и пули влет,
А паруса трещат над головою.
На abordаж! Быть может, повезет,
И я разделяюсь с проклятою нуждою.

Но парусами полнится земля
И хлещет норд, как зверь, в лицо скребущий.
Мы подпираем доски корабля,
Наперерез волнам, ветрами пущенным.

Пиратство – это бешенство морей!
Без злобы ненависть к испанцам и законам,
К бесправию жестоких королей
И непочтение к золотым коронам.

1981

* * *

На черном коне арабских кровей
Из рабства невольник скакал.
И негр серебром отливал при луне,
И конь серебром отливал.

Где он проскакал, там смыкалася ночь.
Нет сил уже больше скакать!
Зарница сверкала, желая помочь
И путь в темноте указать.

1981

БРЕД

Он отделился от стены, шатаясь,
И двинулся вперед, протяжно завывая.
Я сделал шаг назад, с деревьями сливаясь,
На миг забыв, что духов не бывает.
А он, рыча, направился ко мне,
В пути сооротив ужасающую мину.
Глаза, искрясь, светились при луне.
И я подумал, что, наверное, простыну.
Я б мог сказать и что-нибудь другое,
Но вижу – призрак на меня шагает.
И чтоб оставил он меня в покое,
Сказал ему, что духов не бывает.
«Как не бывает, – удивился он. –
Вы что, не знаете? Доказано научно».
Он извинился и растаял, словно сон.
А я решил – со мной он неотлучно.

1981

* * *

Когда услышишь, что пустые
Вокруг тебя слова звучат,
Вниз посмотри – одни блатные,
Посмотришь вверх – повсюду блат.

Года сменяются веками,
А дураки лишь только дураками.

1981

* * *

На свете много барахла
И так сочинено,
И нет желанья у меня
Писать еще одно.

1981

* * *

Как-то Том искал свой дом.
После того, как выпил он рома,
Ему нипочем не найти было дома.

Бедный Том,
Где твой дом?
Скитается Том
Бездомным котом.
А вдруг ему повезет,
И Том свой дом найдет?

Идет направо и видит: дом.
Ключ достает бедняга Том.
Вот тебе двор, вот и порог.
Только открыть бедняга не мог.

«Что за черт? – Том говорит. –
Вот на втором этаже свет горит!»
Но не открыть ему нипочем
Фонарный столб железным ключом.

1981

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ

Дон Педро был силен и смел.
И под балконом у сеньоры
Всю ночь ей серенады пел,
А дом обшаривали воры.

Свирепый рыцарь Бернтон Белч
Был зол, когда покинул дом.
Из ножен выхватил свой меч,
Пошел и сдал в металлолом.

«Враги идут! – услышал Говард. –
Без объявления войны!»
И смело выехал за город
(С другой, конечно, стороны).

Один индеец как-то раз
Увидел в джунглях кабана.
Пустил стрелу – попал в слона.
Вот что такое меткий глаз!

Один мошенник очень зол.
Наделал множество валюты
И продавать ее пошел,
Но был ограблен в две минуты.

Корсар погнался за фрегатом,
Чтоб взять его на abordаж.
Не повезло морским пиратам,
Ведь это был простой мираж.

Ковбой (не помню, как и звать),
Но не могли его поймать.
И потому лишь не ловили,
Что все давно о нем забыли.

Апрель 1981

ОТРЫВКИ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ БАЛЛАДЫ О ТЕДДИ ДЖЕЙЛЕ

Учтив, умен,
Роскошный франт,
Красив.
Отменный дуэлянт,
К тому же – горд,
Горяч и смел.
Вот что такое Тэдди Джейл!

.....

.....

В дождливый день
к дверям роскошного дворца
Судьба прислала
королевского гонца.

И, звонко латами звеня,
Поспешно спрыгнул он с коня.
Вот конюху поводья дал
И, ближе подойдя, сказал:
– Эй, конюх Джон, ты мне скажи,
Где здесь хозяин твой?
О нем всю правду расскажи –
Получишь золотой.
И если ты меня сейчас
К нему не проведешь,

Я так отделаю тебя, –
Костей не соберешь!
– О, что такое герцог Джейл,
Хозяин мой каков?
Его я личный конюх Грей.
Скажу без лишних слов:
Хозяин занят,
и я вас к нему не проведу.
Он с Богом через Библию
общается в саду.

– Плевать на Библию!
Три дня
Без устали скакать,
Загнать не одного коня,
Чтобы сидеть и ждать!

– Нет, право, чтобы я подох!
Теперь узнал я, кто твой Бог!

.....
.....

Я вольный рыцарь,
Мой удел – турниры и свобода.
Рожден я для великих дел
И дальнего похода.

На службе я у короля,
Но ровно через год
Моею будет вся земля
От Бори до Солфорд.

Мне лорд Вильям велел скакать,
Письмо доставить к Вам,
Особу вашу охранять
И оставаться там.

Но чем-то лорд
 взволнован был,
Когда письмо он мне
 вручил.
Письмо Вам передать берусь,
И в Вашем замке остаюсь.

– Как, ты от брата моего?!
Ну, как он там живет?

– Король помог ему врагов
Послать на эшафот.

.....
.....

Кинжал и меч мои друзья,
Отвага – верная подруга.

– Отлично, значит, ты и я
Нашли друзей из одного нам круга!

Так грозно герцог Роз сказал.
И вдруг, откуда ни возьмись,
Дик Брайтон в их беседу встрял:
– Эй, ты, свинья, заткнись!

По мне ты нагл,
 как сто чертей!
И мой тебе совет – убраться.
Не то ты можешь не собрать
 костей
И с головой немедленно
 расстаться.

Роз повернулся к наглецу
И бьет перчаткой по лицу.
Тут Брайтон Дик
Взревел, как бык.

.....
.....

– Быстрее, Тедди Джейл,
 пора и нам уйти,
Не то кинжалов острие
 блеснет в твоей груди.
Гляди, уже бегут сюда ублюдки
 Стена Роза,
По мне, их общество теперь
 противнее навоза.
И бросив взгляд на мертвеца,
Они бежали из дворца.

.....
.....

Погоня спешилась. Стрелки
 под дубом залегли.
Тут лесорубам Брайтон Дик
 скомандовал: – Вали!
И с мощным треском дуб упал,
 собою привалив
Двенадцать лучников. Из них
 никто уж не остался жив.

1981

* * *

И льется кровь краснее губ.
Шрапнелью расщепило дуб.
Лежат вповалку сосны, ели,
Не избежавшие шрапнели.
Летит, сшибая все подряд,
Железный точеный снаряд.
Разрывы, пламя, грохот, стоны.
Бессильны ружья и патроны.
И жутким ужасом объят,
В окоп вжимается солдат.

Вдруг стихло, и, чеканя шаг,
На роту наступает враг.
Шеренга оцепляет лес.
Белеет свастика, «СС».
Вдруг по шеренге прямо в лоб
Ударил автомат взмахом.
И тут, прорезав воздух воем,
Помчались пули диким роем.
Со свистом пуля вгрызалась в ель.
Солдат и смерть ведут дуэль.

1982

ДОЛБИ НАС ГРОМ

Это пел, бывало,
Старый Флинт.
Рому выпивал он
Много пинт.

Рому, и шабаш! –
Он был пират.
Шел на абордаж,
Как на парад.

Малый был не промах,
Этот Флинт.
Жизнь его крутила,
Словно винт.

Много-много плавал
И кутил.
Жизнь его сам дьявол
Закрутил.

Золота оставил
Славный куш.
На небо отправил
Сотни душ.

1982

АПОКАЛИПСИС

Череп проломлен.
Сыплются кости.
Мечется страх,
Как метель на погосте.

Черти сверкают
Рыжею шкурой,
Смерть называют
Старую дурой.

Ветер во лбы,
А метели – иглою.
Пахнут гробы
Свежесорванной хвоей.

Красное пламя
Хлещет из глаз.
Губы, как знамя,
Словно – алмаз.

Выстрел в упор
По горячему граду.
Взять бы топор,
Прорубиться из ада!

Черти смеются
Вслед надо мной.
Боги плюются
Белой слюной.

Красный от крови
Резанный бык.
Всем покажу
На прощанье язык.

1982

БУРЯ

Сквозь тучи вырвавшись на волю,
Ударил в землю мощный гром.
Лизнула молния по полю
Своим шершавым языком.

И резко и остервенело
Дождь рухнул из-под облаков,
Вонзая огненные стрелы
В кольчугу замерзших лесов.

Дубы, стоявшие столетья,
Валила буря под откос.
А ветер шел, срывая сети
Переплеставшихся берез.

1982

[illegible]

34

СЛОВА

О, Господи! Разбей печаль мою о камень!
Я с ней так жалок.
С печалью я похож на жаркий пламень
На фоне свалок.

О, Господи! Переверни нас кверху ж...
Покуда жив!
Мы сами стали серыми холопами
В краю олив.

Отдайте честь притонам дикой удали
И дураков.
Я сам не знаю, счастлив буду ли
Среди богов?

1982

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Притих ковыль. Проснулось поле.
Дружины с грохотом сошлись
И завязался бой. И боли
Никто не чувствовал. Неслись,
Сшибая пеших, кони в грохот,
И, ошалев в людской крови,
Бросались на ряды свои.
Как будто в бурю, шторм, цунами
Вдруг море вздыбилось волнами,
Бушует, мечется, ревет,
А ветер пену в клочья рвет.
И катит волны вал за валом
К спокойным крутобоким скалам,
Где, грохот бури перекрыв,
О скалы вдребезги разбив,
Бросает волны на обрыв.
Повсюду копоть, ярость, дым.
Вот воин пал. Уже над ним,
Сомкнувшись в ярости слепой,
Кипит громадный, жаркий бой.
Гуляет пламя. Гул стоит.
Щит ударяется о щит.

1982

РАССТРИГА

Темнота закрыла
Солнца желтый глаз.
Ветер Гавриила
На крещеный Спас.

Серое распятье,
Ржавые кресты.
Паутиной душу
Не укроешь ты.

Загаси лампадку.
Плюнь на образа.
По душе украдкой
Пробежит слеза.

Скоро вечереет,
Погляди окрест.
В темноте белеет
У дороги крест.

1982

* * *

Дождь лил из сумрачных небес
И землю наполнял ручьями.
Гром прокатился через лес,
Взорвавшись где-то за холмами.

Гуляет буря над полями,
Крушит дубы, посевы гнет,
Сверкает яркими огнями
И грозно в щит железный бьет.

Как вольный коршун над землею,
Застыл, раскинув два крыла,
Так туча, отгремев грозою,
На миг в полете замерла.

1982

ОДНА МИНУТА

Пусть узоры вплетаются в кожу,
А чугунными дисками – в голову.
Как нам хочется быть непохожими,
А исполнится – так это здорово!

Зашвырнем неудачи к чертям,
И продвинемся, хоть на минуту,
Но вперед. Очень хочется нам,
Чтобы жизнь не казалась нудною!

Чтобы солнце нас сверху долбило,
Чтобы горы гудели салютом.
Чтобы жизнь, наконец, подарила
Нам прозрение хоть на минуту.

Чтобы звоном гудела планета,
Чтобы жизнь нам была в упоенье.
Было в песнях бы тесно об этом.
Подари хоть минуту прозренья!

1982

★ ★ ★

Земля станет плакать,
Расстелется слякоть.
А тучи, как плиты,
К равнинам прибиты.

Как грязные лица
Холодных ночей,
Огонь отразится
В бельмах фонарей.

1982

ЛЕГЕНДА

За неведомой нирваной,
В чистоте запретных вод
Манит отблеск океана,
Ветер в гавани зовет.

Здесь прибежище русалок
В грозном царстве Нептуна.
Аромат лесных фиалок
Принесет с собой волна.

Слуги грозного смутьяна
Отдыхают на волнах,
С перламутром океана,
В фиолетовых жезлах.

1982

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОД

Картонные маски.
Повсюду серо.
Смотрю, словно в сказке,
Я сквозь серебро.

Оплеван туманом
Серебряных дней,
И рваная рана
Черней и черней.

Устал веселиться,
Как бешеный сброд.
Хочу утопиться
В серебряный год.

1982

* * *

Все дышит покоем.
Мороз и снега.
В сугроб головою
Забилась пурга.

В тень снежного ситца
Слетев на бегу.
Искрятся ресницы
На хрупком снегу.

Ветрами гонима,
Сырая зола
Серебряным дымом
На ели легла.

Усталость задула
Последний костер.
Здесь время уснуло
И спит до сих пор.

1982

Покидаю страну
 свиданий.
Очень жалко, что я
 один.
Я плюю меж сыпучих
 зданий
В жестяные бока
 машин.
Ухожу, не ругаясь,
 тихо,
А мечты ледяную
 небыль
Зашвырну я легко
 и лихо
Голубым поцелуем
 в небо.
И не жду голубого вздоха,
Не ругаясь: «Туды их
 в дышло!»
Очень жаль, если вышло
 плохо –
Я хотел, чтобы лучше
 вышло.

1982

* * *

Я живу, зря никого не трогая,
Друзей забытых я не узнаю.
А жизнь, она идет своей дорогою
И как из всех дорог найти свою.

И через кручи, буреломы, заросли
Я проберусь или погрязну в них,
Но сколько мне пройти еще осталось?
Какой он будет, мой последний стих?

11 июня 1982

ВОСТОЧНЫЙ ВЕЧЕР

Небо томно опустило
Золотистые ресницы.
Солнце землю опалило,
Проходя на колеснице.

Гаснет день. Уходят тени.
Время ласковые руки
В облаков лохматой пене
Растворяют мира звуки.

1982

УЖАС ПЕРЕД БУРЕЙ

Врываются в землю овраги.
На них распласталась трава.
И плоская, как на бумаге,
Висит надо всем синева.

Застыли деревья послушно,
Прижавшись ветвями к земле.
И стало вдруг тихо и душно
В тяжелом густом киселе.

Все таяло в пене тумана,
Сжималось в свинцовых тисках.
Все ужасы урагана
Сплелись в наплывающий страх.

Как гирями давит и водит
По мутной тяжелой воде.
И кто-то размеренно ходит
В тумана мучной слепоте.

1982

ОСЕННЯЯ МОСКВА

Туман над Москвой серебристый
Осядет на стеклах, как пар.
Желтеют и падают листья
Лицом на сырой тротуар.

А тихая осень склоняет
Деревья под сумрак густой,
И лишь силуэты мерцают
Печальной своей красотой.

1982

* * *

Ой, куда же он летит,
Этот конь залетный?
Промелькнет и прогорит
Полумрак болотный.

Крест зачем взвалил на плечи
Мученик-Христос?
По утрам морозит свечи
На небе мороз.

Ночи снегом отразятся,
Лягут на поля.
Звезды в проруби глядятся
В звоне хрусталя.

1982

БАЛЛАДА

Я монарх. В бороде свет-ковылъ.
Я хозяин болот и могилищ.
Для потехи на лунную пыль
Выпускаю колонны страшилищ.

Умывались русалки исчезнувшим днем,
Свежей влагой стекал он по лицам.
Очаровано небо, окутано сном,
Но усмешкой закат кривится.

Я – хозяин. Я – царь. Я – почти полубог.
Я играю ветрами лесными.
По болоту туманом расстелется мох
И исчезнет с лучами дневными.

1982

* * *

Сегодня лев в лесу сердит:
Нет места демократии!
Давно на шее он сидит
У всей звериной братии.

Что был не в духе царь зверей,
Понятно и ребенку.
Козел был пойман как трофей
И пущен на дубленку.

Хомяк барыгою прослыл
И как монополист.
А заяц им посажен был
За то, что пацифист.

А у нацистов он спилил
Любимый баобаб,
Там волк устроить порешил
Свой самый главный штаб.

За анархизм посажен кот,
А еж – за нигилизм.
Осел был просто идиот,
Сел за идиотизм.

Метались звери взад-вперед,
Нацист и пацифист.
Ушел в подполье старый крот,
Как каждый коммунист.

Но скоро шум в лесу утих.
И в целях безопасности,
Что рассказал сегодня стих –
Не предавали гласности.

1983

ГОЛУБАЯ ФЕЯ

Голубая фея,
Синие глаза.
На плече чернеет
Черная коса.

Голубая фея,
Розовый уют.
Отчего-то с горя
До рассвета пьют.

Серебром покрылись
Синие глаза.
Инеем умылись
В церкви образа.

Боже ты мой, Боже!
Ветер мимо глаз,
Отчего-то рожи
Красные у нас.

От затылка к темю –
Красная черта.
Время, мое время,
Ты летишь куда?

В суетливом взгляде
Пролетит быстрее
В голубом наряде
Голубая фея.

1983

* * *

Небо – как синий храм,
Где по углам серо.
По голубым кудрям
Рассыпано серебро.

Тихо по коже гладкой
Ночь провела ладонь.
Месяц зажег лампадкой
На небесах огонь.

Вижу Христа воочию
Обликом снеговым.
Переплеталось ночью
Черное с голубым.

1983

* * *

Здесь россыпь созвездий
Чужой суеты,
Алтынятся звезды,
Белеют кресты.

1983

* * *

Бой часов скользнул
по голубизне.
Замок, слыша гул,
корчится во сне.
Въедливая ночь.
Колоннада спит.
Тень проносится прочь.
Шорох, коридор,
впереди провал.
Этот мрачный вздор
нас околдовал.
Окружает нас
мрак былых времен.
Так проносится сон.
За стеною вдруг
слышен чей-то вой,
Вековой испуг,
мрак над головой.
Призраки былых,
уходите прочь!
Ты уносишься в ночь.

1983

* * *

Увидал я однажды дорогою,
Как туман по земле клубится.
Отчего ты такая убогая,
Дорогая моя столица?

У тебя лишь туман рваный,
Но и он никому не нужен.
Неужели поэт пьяный
Зафигачил тебя в лужу?

1983

* * *

За спину заката
Укрылся мороз.
Четыре квадрата –
Распятый Христос.

Тяжелые доски
Несет тишина.
Луну на полосы
Линует она.

Встает брат на брата
За этой спиной.
Легко в час заката
Осине одной.

1983

* * *

Отчего так прозрачны дни?
Ясно видишь в любимом взоре
Уходящие в даль огни
И тоски голубое море.

1983

* * *

В этот тревожный час,
Когда не видно ни зги,
Волки забудут нас,
Как только стихнут шаги.

1983

ЕСТЬ ЛИ

Словно спелая рожь,
Погребальная тьма
Окружает леса,
Окружает дома.

Как обычно сера
Все свалившая гарь.
На перчатке дыра.
На дороге фонарь.

А в стакане для бурь
Гневно дышит январь.
Окружает лазурь
Черно-белая хмарь.

Но конец январю.
Видно, вижу межу.
Может, косо смотрю?
Только пусто гляжу.

Я узрел дурака.
Но помочь не могу.
Может, спятил с круга.
Может, спился в кругу.

Может, правый неправ?
Или близко Сибирь?
Ничего не поняв,
Ухожу в монастырь.

1983

СТИХОТВОРЕНИЕ КАК ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Куда
летит
хмельной
поток?

Вода
умчит
сухой
песок.

Река
гранит
перевернет.

Века
бурлит
водоворот.

Но козырная масть –
Давно людская страсть!

1983

* * *

Посерел стольный град.
 Прозеленел насквозь.
На огромных домах языками балконы.
Я спокоен теперь.
 На душе улеглось.
На сырые поля ускакали бизоны.
Голубые дожди. Все как будто видней,
Все как будто видней. Это хватит на год.
Нет вокруг ничего, кроме пыльных
 арбатских степей.
Кроме пыльных степей,
 да зеленых болот.

1983

Когда я смотрю на тебя,
 мои глаза становятся голубыми.
 Золотыми родниками спадают
 на твои дивные плечи
 золотистые локоны.
 Золотистое.
 Все у нее золотистое.
 Это моя любовь.
 Моя любовь, не бросай меня!
 Не лишай рассудка,
 Как лишает рассудка караванщика
 в пустыне мираж.
 Прекрасный мираж.

66

ОДИНОКО

Мне теперь, господа, господа,
Одиноко.
Смотрит изнутри, в никуда
Чье-то око.

Сыплет звездами лебеда
Отголоски.
Режут небо в степи провода
На полоски.

Мне теперь, господа, господа,
Одиноко.
Сыплет звездами лебеда –
Путь далекий.

1983

БЕЗУМНАЯ ФЕЯ

Безумная фея
Нас гонит на скалы.
Пена все злее
У края бокала.

А фея все реже
Проносится мимо,
Движения свежи
И неумолимы.

А губы свежее
Лесных незабудок.
Безумная фея.
Холодный рассудок.

Наполнится ядом –
Ночным звероловом,
Холодным снарядом –
Отточенным словом.

1983

ПОЛЕНО

Догорала заря поленом.
В мутном небе осел нагар.
Я люблю, как Парис, Елену,
А еще я люблю «Будвар».

Мне сказали, что я помешанный,
Но смеются мои глаза.
Просто-напросто в жизни бешеной
Отказали у нас тормоза.

Наплюю я в лицо Всевышнему.
У меня только ты одна.
Дайте миру, насквозь прогнившему,
Стакан золотого вина!

1983

ЭПИТАФИЯ

Как ни крутись, не избежать
жребия!
Никакими словами
не выскажешь бессловия.
Человеческое отребье
вывалится потрохами
Из планеты, вспотевшей от крови.

1983

НОВЫЙ ИЕГУДИИЛ

Закатилась слеза
В пыль облаков.
Близится гроза.
Слышны вопли сов.

Нынче играю на все.
Жизнь ничего не значит.
На вороной грозе
Небо скачет.

В черную бурю сам
Я расшвыряю ноты.
Классику – к чертям!
Поэзию – за ворота!

Из-под небесной тверди я
Вышибу коня.
Эра милосердия –
Без меня!

Землю вдребезги розгами гроз
И на ветер посмертную славу.
Нам не нужен Иисус Христос.
Выпусти Варраву!

Разорву седины
Белых облаков,
В рожу церкви кину
Тридцать медяков.

Огненными лучами
К паперти прилипли.
Не соберешь ночами.
Вдрызг иудеи влипли.

Можешь лизнуть руками –
Не обожги ладони.
Рубит набат над нами
В их погребальном звоне.

1983

ПРИШЕСТВИЕ

Встать, безбожники!
Встать, богохульники!
Это я – властелин мира!
Что упали, как будто бульбухом
В вас попала моя мортира?!

Вынимайте пробки из жбанов.
Заменяйте вино водицей!
Поднимайте, попы, сутаны,
Я вам всыплю по ягодицам!

Низвергайте все ранги-звания.
К черту лысому всех царей!
Пойте, люди, одни сказания,
Те, что слышали от матерей.

1983

СУМЕРКИ

Алый октябрь в сумерках серых

Есть только стекло

холодный

парус.

Слабый огонь на огромных галерах

Светит,

как тысячеглазый

Аргус.

В легкую прозелень

дышит

Аргус.

Прячутся тени в ночных портьерах.

Есть только стекло

холодный

парус

На разгребающих мрак

галерах.

1983

* * *

В облаках растворился гром.
Вспоминаешь о том, что не было.
Голубым и прозрачным льдом
Затянута небо.

Исчезают в тумане века,
В лунной роще русалки плакали.
Ель пыталась достать облака
Своими лохматыми лапами.

Я давно не видал такое.
С тихим омутом небо слилось.
Может, белое и голубое,
А, может быть, мне это снилось.

1983

Если выпадет нам – на прощанье
замолвите слово,
Схороня
угольком у огня молодые года.
Пью до дна.
Чья вина, что тогда Вы
любили другого,
А меня
Вы ни дня не любили, увы,
никогда.
Голубою мечтой Вы меня иногда
вспоминайте.
И закат голубой
над недавно уснувшей Москвой.
Красотою холодной меня обманули,
но знайте:
Я теперь – для другой,
для других,
и немного другой.
Как полгода назад,
я сиреневый взгляд не замечу.
И признаюсь себе:
словно в русской избе
без огня.

Лишь слегка обернусь,
улыбнусь при нечаянной
встрече.
Но за это,
прошу, как поэта простите меня.

1983

ВЕДЬМЫ

Вы видели, когда на вас
Смотрят золотыми глазами
С белого, как молоко, неба
ведьмы?

То исчезают в небесной пене,
То выныривают на поверхность
И с любопытством, нагибая голову,
смотрят вниз.

И кажется, так мучительно хочется
Заглянуть по ту сторону неба.
Вздохнуть, когда за тобой сомкнется
Ослепительно-белое
небесное молоко.

Но жутко увидеть мрак
И копошащихся ведьм
по ту сторону,
Услышать из беззубых ртов
смех.

И стоишь, устремляя в муче
 безумный взгляд
На белую, как туман,
 опущенную пелену
 неба,
Сияясь разглядеть
 в надорванные края
Другую жизнь,
 другой мир –
 светлый.

1983

ЧЕРНАЯ КОШКА

На небе святых немало,
А ныне гуляет плеть.
Сегодня меня у вокзала
В губы целует смерть.

На небо легла дорожка,
А я и пожить не прочь.
Пушистая черная кошка
Перебегает ночь.

Теперь в заходящем блике
Мне чудится дикий конь.
Болотный огонь брусники
Упал на мою ладонь.

1983

* * *

Серое сукно.

Сверху пруда.

То, что внутри – то цветет и вянет.

Свежесть.

Тогда наступает утро.

Если назад, за дыру, не стянет.

Эй, разожмитесь хотя бы на миг,

Станьте огромною свежестью лица!

Если себе откушу язык,

Что тогда

без меня

случится?!

1983

ВЫБОР

Половина справа.
Половина слева.
Сточная канава.
Пресвятая дева.

Все места глухие.
Черт их подери!
Мать Иисус Мария
One, two, three.

Как часы на пузе,
Приглашение к мессе.
Не соврал Иисусе:
Истину воскресе.

Выбирай любые.
Хочешь – сразу две.
Девница Мария,
Я иду к тебе!

А если и здесь я лишний,
Тогда поверну назад.
По небу раздавлен вишней
Стекающий закат.

1983

ЗОЛОТЫЕ КОНИ

В переливчатом ветра стоне,
В голубом отражении берез
Золотые промчатся кони
Под цвет твоих волос.

Вот промчатся в ветрах-переливах,
Не посмеют уйти назад.
Я увижу, как в спутанных гривах
Запутался закат.

Вижу, как будто спадает на руки
Золотистых волос гроза.
Это мука, о, что за мука
Окунаться в твои глаза.

1983

ВЕЧЕРОК

Памяти С. Есенина

Пахнет деревней и городом
В сырости этой поры.
Хоть отпуская себе бороду
И уходи на костры.

Словно картинка лубочная,
Откуда она взялась,
По-деревенски сочная
Нетронутая грязь?!

Эту зелень серую
Так бесконечно люблю,
Что во Христа уверую
И захлебнусь во хмелю.

1983

* * *

Вы коней не загоните,
Разожмите свой кулак.
Полюбите, полюбите
Всех бездомных и бродяг.

Я уйду в края чужие,
Я иду, куда хочу.
И за косы золотые
Своей жизнью заплачу.

Я уйду в страну чужую,
А куда – не знаю сам,
Там, где нехристи тоскуют
По иконам и крестам.

Запрягу коней залетных,
Бубенцов навешаю,
Брошу нечистей болотных:
Убирайтесь к лешему!

1983

* * *

Брошу лиру и среди бродяг
Загуляю, как блудный сын.
Зачем миру второй Пастернак,
Когда был у него один?

1983

ГАРОЛЬД

Пой, моя песня, пой!
Герцог идет войной.
Словно тома в переплете,
Рыцари в каждой роте.
Панцири в позолоте.
Пой, моя песня, пой!

Пой, моя песня, пой!
Рыцарь идет в бой.
Рядом с седлом висит
Старый тяжелый щит.
Он серебром покрыт.
Пой, моя песня, пой!

Пой, моя песня, пой!
Воины идут стеной.
Много они прошли,
Лица под цвет земли.
Медные латы в пыли.
Пой, моя песня, пой!

Пой, моя песня, пой!
Герцог идет другой.
Ночь между ними с час.
Может, в последний раз
Никто не смыкает глаз.
Пой, моя песня, пой!

Пой, моя песня, пой!
День налетел грозой.
Меч налетел на меч.
Солнце печет, как печь.
Раненым негде лечь.
Пой, моя песня, пой!

Пой, моя песня, пой!
Каждый в бою герой.
Герцог в бою убит.
Как вековой гранит
Рядом дружина спит.
Пой, моя песня, пой!

Пой, моя песня, пой!
Рыцарь поник головой.
Под головой лежит
Кровью залитый щит.
Кровью закат залит.
Пой, моя песня, пой!

Пой, моя песня, пой!
Все не придут домой.
Будут по ним скорбеть.
Будут молитвы петь.
Мертвых не отогреть.
Пой, моя песня, пой!

1983

* * *

Здесь солнце багрово
И тень ядовита,
И эхо бывшего
По лесу разлито.

Здесь обрываются
Все концы.
Тут просыпаются
Мертвецы.

Мысль горячая,
Мозг сухой.
Здесь утрачу я
Свой покой.

И будто лиана –
Конкистадор.
Из-за тумана
Целюсь в упор.

Нет, не вернется
Солнца шар.
Им обернется
Мой кошмар.

Случится,
Что я сам
Дам разгуляться
Небесам.

1983

* * *

Расплескалась заря по небу,
Как волос непокорная прядь.
Где-то кони храпят под снегом,
И на месте не устоять.

Слышен тихий зари бубенчик.
Ты просыпь на ее ковер
Посеребряный лунный жемчуг
Из мешка голубых озер.

1983

ВОРОН

Нынче, как ночь, черен
Смотрит на нас ворон.

Прячась за дома,
Нас караулит тьма.

Как в тишине гроза,
Ужас плеснет в глаза.

Словно кинжал абрека
Увидишь из темноты,
Черным человеком
На крыше стоишь ты.

Жутко оскалив клык,
Смотрит в окно двойник.

Окна со всех сторон,
И отовсюду он.

Нынче, как ночь, черен,
Смотрит в глаза ворон.

В день своих похорон
Смотрит на нас он.

1983

ЗИМНЯЯ ФАНТАЗИЯ

Голубые мертвые торосы.
Нынче бельма выпучила вьюга
На тугие снежные заносы,
Серебром сдавившие друг друга.

По утрам о золотые крыши
Точит когти ветер-скандалист,
Да стекло из закоптелой ниши
Вышибает молодецкий свист.

1983

АРАБЕСКИ

Море дремлет в тихом всплеске,
Над водою тишина.
Арабески, Арабески,
Изумрудная волна...

Здесь пески покоем полны,
Грустно смотрит янычар
На сиреневые волны
По сиреневым ночам.

Сон наполнен дивным чудом.
Воздух, сверху посмотри,
Утопает изумрудом
В красном бархате зари.

Тихо спят на стенах фрески,
Не очнутся ото сна.
Арабески, Арабески,
Изумрудная волна.

1983

* * *

Останови, прохожий, караван,
Когда приедешь к нам в Узбекистан.
Я знаю – сразу в гости звать вас станут,
Но не ходи, они тебя обманут.
Окрутят, облапошат в пух и дым,
И не оставят ничего другим.
Поэтому настаиваю на том –
Зайди сначала в мой, прохожий, дом.

1983

* * *

Тихий стих любимой ради
Пел, наверно, сам Саади.
Эти чувственные груди
Утопают в нежном взгляде.

Синей кошкой вечер синий
Убегает за аллею.
И на гравии, белея,
Белый след от лап остался.
В этот час от страсти млею.

В этот час во всем Багдаде
Тихо ночь подходит сзади.
Эти чувственные груди
Утопают в нежном взгляде.

1983

СОЛДАТЫ ЭМИРА

Солдаты эмира, солдаты эмира,
Ведь это вы
Стоите под отблеском Альтаира
И синевы.

Чужих страданий, чужих страданий
Вам не понять.
Вы рождены для чужих желаний,
Их выполнять.

Солдаты эмира, солдаты эмира,
Зачем вам свет?
Но кто вы? Стражи покоя и мира?
А, может, нет?

Солдаты эмира, железные воины
У края стоят.
Их лица спокойны, их лица спокойны,
Спокоен взгляд.

1983

МИНАРЕТ

Над домами ночь сомкнет
Свой альков.
Тихой свежестью дохнет
С облаков.

Где сиреневый альков
Синий свет,
Исчезает в царстве снов
Минарет.

Словно слабый огонек
Из золы,
Разрывает тишину
Крик муллы.

Тихой грустию полны
Небеса.
Из неведомой страны
Голоса.

Отголосок давних дней
Им ответ.
Даже неба голубей
Минарет.

1983

* * *

Кроет паутиной
Зеркало прудов.
Тянет мертвечиной
Из чужих садов.

А тревожно глянешь
Ночью в небеса –
Разъедают звезды
Черные глаза.

Вот они уснули.
Дремлет голова.
Затыкают пули
Страшные слова.

Но от них ночами
Нет покоя вам.
Надо кирпичами
Бить по головам!

Только кирпичами!
Чтобы страх исчез.
Скалится ночами
Разъяренный лес.

1983

★ ★ ★

Над полями тает
Дней последних просинь.
Вместе с птичьей стаей
Улетает осень.

В сумерки, махая
Легкими крылами,
Небо улетает
Вместе с облаками.

Лес пуглив и страшен.
Перелески голы.
Вместе с гривой пашен
Улетают села.

Я стою у края.
Мне темно и зябко.
Я не улетаю –
Не пускает бабка.

Ноябрь–декабрь 1983

ГУНН

Степь. Утро. Гунн. На коренастой
гнедой кобыле.
Вспотевший хвост. Вспотевшие косицы
на висках у гунна,
Покрытые слоем пыли.
И будто не было царей, империй,
государств.
И короли не жили.
Весь свет сошелся лишь
на вспотевшем гунне с раскосыми
глазами
На коренастой гнедой кобыле.

1983

Из Шиллера

* * *

Мне тебя уж больше
Не в чем упрекнуть.
Обогрей другого,
Обо мне забудь.

Недостатки спрятав,
Добродетель дай.
Все равно исчезнут
И любовь, и рай.

1983

Из Шиллера

ПЕСНЯ ПУНША

Вот элементы
Связи едины:
Вечность и клетка,
Жизнь и картины.

Терпкий глоток
Смысла жизни не прост:
Выжать лимоном
Соки из звезд.

Сахару в легкий
Бросите сок,
Чтобы напиток
Силу берег.

Бурным потоком
Выльется влага.
Но успокоится
Пенная брага.

С духом собравшись,
Быстро нальем.
Жизнь – это жизнь,
И однажды живем!

Только остынет –
Черпай быстрее,
Алым ключом
На губах заалеет.

1983

* * *

Нынче снежные лохмотья
на себя напялил ветер
И рыдает: «Для кого я?»
И страдает,
В окнах тает.
Только пух морозный светел
Над Москвою,
над рекою.
Трое крести –
крест и тrefы,
А на стенах барельефы,
Что-то тихо напевают,
Вспоминают,
Засыпают.
Только ветер завывает
И твердит с усмешкой злою:
«Барельефы выпьются стеною,
Горельефы, как пузыри на воде.
Нигде».

1983

БУДДА

Мыслями разбились,
Словно звук набата.
Фонарями впились
В кадры заката.

Мыслями пронзаю
Таинство заката.
Всех вокруг прощаю:
Время виновато!

Если ты не пьяный,
Я трезвей не буду.
Надо мной смеется
Небесами Будда.

Чуда! Просим чуда!
Нам без чуда крышка!
Голубоглазый Будда,
Подкинь золотишка!

1983

ПЛЯСОВАЯ НАКАНУНЕ

На молитву приготовь
Что не проклято,
Ядовитая любовь
Нами пролита.

Я ее не потушу
И не выдержу.
Нынче ходим по ножу,
Как по Питеру.

Нынче вырву с языком
Слово страшное.
Не упрячешь под замком
Бесшабашное.

Залюблю тебя до слез,
Коль останешься.
Как зимою на мороз
Разрумянишься.

Сердце бьется во груди
Спелым яблочком.
По оврагам не ходи
Да по балочкам.

1983

ЛИРА

Пошли к чертям
 стальные рожи
С перерубленной пополам
 звнящей лирой.
Корпус вам,
 а струны я себе беру.
Пусть на миру умру,
А вы ступайте в конуру,
Мне ваша жизнь не по
 нутру.

Струны вы мои, струны!
Как по морю буруны,
Как по озеру рябь.
Точно осенью хлябь.
Как летящие гунны.

О, Господи, пошли все к чертям!
 Сам.

1983

RETRO

Дождь над домами ночной паутиной.
Мягкое золото тлеет в гостиной.

В старом камине быстрым огнем
Мысли сменяют одну за одной,
То набегают морскою волной,
То исчезают тихим дождем.

Время проходит вечером длинным,
Нежно заденет ночи ладонь.
Мягкое золото тлеет в гостиной.
В старом камине быстрый огонь.

1983

* * *

В окон осовелость
Сыпани известкой.
Захлебнулась серость
Золотой полоской.

Улыбнется свежесть
Пенистою чашей.
Голубая нежность
Небесами ляжет.

В озере глубоком
Осень отражалась.
На закате солнце
Лбом к нему прижалось.

1983

ВИЗИРЬ

Диких пчел лесные соты
Медом вымыли купырь.
Выезжает на охоту
В красном бархате визирь.

Солнце свет прозрачный сеет,
Тишиною лес объят,
И лишь только розовеет
Под седлом его закат.

Улеглись на траву тени
И прохладою полны.
Спят пугливые олени
В сладкой дреме тишины.

Конь ступает осторожно.
Под росой лист дрожит,
Но звенят стальные ножны
В мягкой поступи копыт.

1983

СВЕТЛОЕ УТРО

Утром в тонких руках отыграла свирель.
Тишину поцелую в усталые губы.
Льется музыка, словно спадающий хмель
На ветвях почерневшего дуба.

1983

ТРИ ДОРОГИ

На перекрестке трех дорог,
Где ветер воя,
Склоняет солнце на восток,
Висели трое.

Разбойник, еретик, пророк
Висели рядом,
Они глядели на восток
Остывшим взглядом.

Земля не ждет холодный прах.
Все трое лишни.
Их всех троих повесил страх,
Как осень вишни.

На них петлей одет покой,
Палач и плаха.
Они повешены толпой,
Словами страха.

За эти страшные слова,
Слова закона,
Я не прощу им Франсуа
Вийона.

1983

ЖЕСТЯНОЙ СНЕГ

Как в старой сказке, принимаю все как есть.
Бетон небес вчера упал на снега жечь.

А гордый коршун, залетая высоко,
Сосет у неба голубое молоко.
И так хотелось тоже к небу залететь
И тихо капать молоком на снега жечь.

И слушать, свесив ноги с облаков,
Стук капель,
 стук колес
 и стук подков.

1983

ХОЗЯИН ДОМА

Молодой и тяжелый взгляд,
А молчанье скосило рот.
Совершая немой обряд,
Он обычно наверх идет.

Ничего, что в руках ружье,
А у ног молчаливый пес.
Он опять обошел свое,
Ожидая немой вопрос.

Не смыкается желтый грот
Из спокойных дубовых плит.
Словно кто-то чего-то ждет,
Словно кто-то сегодня спит.

Над камином висит ружье.
Дождь неслышно скользит по крыше.
Он опять обошел свой
И опять никуда не вышел.

1983

СОЛНЕЧНАЯ МОСКВА

Москве не пристала
Арабская вязь.
Чтоб к вам не пристала
Арбатская грязь.

Сверните же, право, к Ордынке, кругом
Смотрите, направо – сиреневый дом.

Здесь Пушкин и Вяземский жили
вдвоем.
А может, об этом мы вам наплетем.
И станет так сладко и нежно
во рту,
Что можно безбрежно молоть ерунду.
И так же любить и молоть красоту,
Легко, словно шарик, словить на лету.

1983

SAKE – MUNO

Когда над берегом скалистым
Встает предутренний туман,
Я знаю, что рожден буддистом,
Что предо мною океан
Раскинул крылья из песка.
Луна. Луна и облака
Неслышным обликом печали
Вокруг проносятся вначале.
Потом, тоскою обуян,
Передо мною океан,
Устав валами в берег биться,
Ревет и воет, как волчица,
И снова лезет напролом,
Сгребая все в единый ком,
Как в час ночного кутежа.
И звуки, в воздухе дрожа,
Впились в отравленный хаос.
Но вдруг, как гром среди берез,
Безумно рухнул напролом,
Прибив к земле литым гвоздем.
И эту чашу я поднял.
Она бурлила между скал,
Как порожденье темных сил.

Из этой чаши я испил
Бурлящий пенистый прибой.
В душе пожар. Вокруг покой
И мной отвергнутый Коран.
Лишь мысли, скалы, океан.

1983

ЭТЮД

Над холмами спит сирень.
Дремлют боги.
Синевой отскочит день
От дороги.

А в пыли огромных туч
Ярким светом
Золотой сверкает луч,
Как монета.

1983

* * *

Солнце режет клыками
Доски неба над нами.
Как живем дураками,
Так умрем дураками.

В жизни все очень сложно,
Нет законов безбожной.
Если жить безнадежно –
Умереть безнадежней.

1983

* * *

Предо мною сняли шапки
Все холмы и перелески.
Я на черной Бессарабке
В черкеске, и в черкеске.

А леса вокруг стеною, –
Ни тропинки и ни дома.
Вдруг встают передо мною
Золоченые хоромы.

Тут мой конь остановился –
Дальше ехать невозможно.
В этот терем я влюбился
Беззаветно, безнадежно.

Где тут пеший или конный?
Ведь построен для кого-то
Этот терем золоченый,
Золоченые ворота.

Все места вокруг глухие,
Здесь меня до утра скройте.
Вы ворота золотые
Приоткройте, приоткройте.

Подождал я: «Что же будет?»
А дело кончилось дракой.
Мне навстречу вышли люди
С топорами и собакой.

Никого здесь не любили.
Видно, в жизни дал я маху!
Вороной моей кобыле
Сходу врезали по паху.

Ах, зачем сюда заехал?
Непонятно, непонятно.
А теперь мне не до смеха:
Ни туда и ни обратно!

1984

ПРИСТАНИ

Может, к лучшему все изменится.
Белый ветер ушедших лет
Дунет холодом – зелень вспенится
И с шипеньем сойдет на нет.

Погружен в пустоту безбрежную,
Я пытаюсь увидеть пристани,
Где сверкнет красотой свежей
И застынет росой чистой.

1984

* * *

Я ушел далеко
 от своих дорог,
И не знаю, где проходит
 мой путь теперь.
Я не вижу, где я,
 и от звезд далек
И свободен, как в осени
 дикий зверь.

1984

Как посмел не поверить
поэту
В чистоту его хмурых
идей!
В то, что люди взрывают
планету,
А планета взрывает
людей.
Грохот веков,
тысячелетий море
Могут под толщей льдов
кануть,
Исчезнуть во времени
вскоре
И не оставить следов.
А вдруг над ними полыхнет
зарницей,
Льды разрывая светом.
Над океаном
может явиться
Новое время
планеты.

1984

* * *

Там, где смерти нет –
Не нужна броня.
Я просто поэт –
Не стреляйте в меня!

1984

* * *

Я же вижу, я вижу,
 вижу,
Как ты смотришь
 в мои глаза.
Ты хотела, чтоб стал я
 ближе,
Но я главного не сказал.
Не сказал, что люблю
 другую,
Как топлюсь я в ее
 глазах...
Черт возьми, но никак
 не могу я
Побороть эту робость и страх.
Я научен не верить взгляду.
Им нельзя ничего достичь.
Так любовь, словно барс с засады,
Разрывает на части дичь.

1984

* * *

Где ты? Одно лишь слово! Грозу
Скоро затянет мраком.
Хочешь, я все остальные выгрызу
Впившимся вурдалаком?!

Что мне делать, скажи,
Что же мне для тебя сделать? Мне,
Кипящему в полный рост?
Хочешь, я выпотрошу всех золотых коней
Гирляндой наточенных звезд?!

Было. Это уже было.
Колокол наполнил бокалы
Колокольного звона.
Чокнулись. Звона не стало.
Лишь черные шарики гудками
Катались по трубке телефона.

1984

* * *

Постойте, леди! Вы куда спешите?
...Я не нахал!.. Нам, может, по пути?
Зачем так грубо!.. Ладно, извините.
Какой кошмар! К б...ям не подойти!

1984

СЫРОСТЬ

Метелью годов
Залетают опять
Хлопья слов
В пустую тетрадь.

Летят незримо.
Не слышна поступь.
Я вспомнил зиму
И снега россыпь.

Как рассыпаясь,
Искрясь навстречу,
Хрустит, слипаясь,
Молочный вечер.

Умрет, мерцая,
В костре заката.

.....
.....
.....

Я тоже, тая,
Лечу куда-то.

1984

УЗОРЫ НА СТЕНЕ

Ясный взгляд сегодня сбросит
В холод глаза пыль ресниц.
Липкий скрип шаги уносят,
Отодрав от половиц.

Каждый ими набьет мешок,
Перекинув себе на спину.
Деревянный стекает сок
Через пыльную мешковину.

Липкий скрип у меня зальет
Деревянные половицы.
На спокойный холодный лед
Осыпают стихов ресницы.

1984

ПОЛДЕНЬ В КАНЬОНЕ

Точеным искрящимся светом
Расточен полями раскрытый.
Бивней слоновых Тибетом
Выситься каменным плитам.

Лишнее сбито до сердца.
Мечены красным проскалы.
Бьется по солнечной дверце
Взрыва блеснувшим металлом.

1984

В ВАГОНЕ

Умейте, умейте, умейте
С разбегу втыкаться в цели.
Успейте, успейте, успейте
Просачиваться в щели.

Мне кажется – я в вагоне.
Все выучено и готово.
Скользя на зеленом фоне,
Глазами хватаю слово.

По плоскости раскатали
Привычную серость дыма.
Я тесно смотрю в детали
И вижу бегущих мимо.

Как резко они рванули!
Затерта в дыму основа.
Мне хочется кинуть пулю
Заменой сухого слова.

Застыньте! Глаза закройте
Спадающими замками!
Постойте, постойте, постойте,
Я снова с вами...

1984

ПРОЗРАЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Прозрачный троллейбус.
Повсюду свежо.
И кажется,
Что в темноте хорошо.

Лишь мягко белеет
Меж красочных пятен
Снег белый и чистый,
Он очень приятен.

Светла и наивна
Такая картинка.
Меня посетила муза.
Она блондинка.

Март 1984

В МЕНЯ ЛЬЮТСЯ КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ

Глоток горячей жадной краски
Впитают красные глаза.
В бурлящей пене вспыхнет сказка
И стынет, точно небеса.

Потом из глуби эхом взрыва
Наружу красный жар поперет
Через открытый кругом рот.
Не нравится? Зато красиво!

27 апреля 1984

ЗВЕРЬ И НАЧАЛО ОСЕНИ

Прет сентябрь, зрачками вертит,
Отсыревший чернозем
В травяной мохнатой шерсти
Лижет красным языком.

И земля, сгребая в кучу,
Жмет остатки красоты:
Переломанные сучья,
Перетертые листья.

А сентябрь, деревья чистя,
Ей отплеживает в синь:
«Пережуй сухие листья!
Кожу серую накинь!»

1984

НЕ ТАК!

Здесь я все время занят делом,
Очень, наверное, странным.
Хочу, чтоб меня не назвали белым,
А может быть, и стеклянным.

Смотрю сквозь затертую пыль тумана
Насколько глаза раскинутся,
Как через блестящую просеребь крана
Вода алюминится.

Я знаю, что мне видней.
Смотрите! Неумолимо
Базарная россыпь дней
Проходит, шатаясь, мимо.

Шурша по скупой траве,
Кусая сухие баранки,
Вращает глаза в голове,
Как ручку старой шарманки...

Я б тоже ушел по сухой траве.
Бог с вами! Пишите лучше!
Но где-то в моей надувной голове
Топорщится шерсть колючек.

1984

ГОРОДСКОЙ ЭТЮД

Двое зеленых мимо ворот.
Дом наклонился желтым вперед.

Рот перекошен. Взгляд неумелый.
Рядом прошел бородатый и белый.

1984

* * *

Все свои надежды, все свои желанья
Люди доверяют небесам.
Барышням писали нежные посланья,
Что теперь истлели по ларцам.

А в одной усадьбе, в липовой аллее
Затянулся ряской старый пруд.
Здесь любовь пропала, губы опалила,
И давно уж никого не ждут.

А однажды утром нехотя откроют
Позабытый брошенный роман:
Был какой-то конюх с черной бородой
И степной казачий атаман.

Нежною рукою наносило рану.
«Нет» – сказала, в кудри пряча взгляд.
Не пускайте утром в поле атамана!
Жизнь не возвращается назад.

Расстелите душу во широкой степи,
Прогони коней по ней, казак!
На душе пропащей разорвите цепи,
Зашвырните в пыль и в солончак!

Распростиись навеки с мыслями о Боге –
Бога нет, и выдуман Коран.
Конюх затерялся на большой дороге.
Пулей сбит казацкий атаман.

Новую аллею ливнями умыли,
И теперь ты, может, скажешь так:
Как-то двое были, были – отлюбили:
Конюх и лихой степной казак.

Не вздыхайте с болью
 о прошедшем снеге,
Жизнь уйдет,
 как утренний туман.
Только жалко все же,
 что в лихом набеге
Пулей сбит казацкий атаман.

1984

ПАРУС

Я теперь не тот, что прежде.
Я совсем иной.
Налились пустые вежды
Полною луной.

Вежды лезут что есть мочи,
Точно паруса.
Видно, в сумраке полночи
Рассекались глаза.

Топот зверя, посвист птицы,
Словно дикий сад
Прорубает из глазницы
Свой зеленый взгляд.

Я теперь не тот, что прежде
Я совсем иной.
Налились пустые вежды
Полною луною.

1984

* * *

Ставки готовы.
Карты на месте.
Нам выпадает
Дамочка крести.

Кто там играет?
Кто так гадает?
В бито лишь козыри
Не пролетают.

А пролетают
В винт или покер.
Им улыбнется
Дядюшка Джоккер.

Тихо оскалив
Белые зубы,
Нам улыбнется
Дамочка буби.

Шелест сукна
И дорожка от мела.
Что пролетело,
То пролетело.

Карта на кон,
И поручик смеется:
Все-таки дама
Нам отдается.

Лезу ва-банк,
Но поручик упрямый
Хочет отдать
Три семерки и даму.

Старый король
Истекает слезами:
Козырь не бьется
Даже тузами.

Но короли
Не составят колоду.
Сколько за ставку
Бьется народу!

Те же обличья,
Те же порядки,
Те же приличья –
Сдачи да взятки.

В нас отдается
То, что невинно.
А остается
Туз, Акулина.

Каждому место,
Каждому роль.
Нам улыбнется
Старый король.

1984

ЧЕРНОКНИЖНИК

Топчу булыжник.
Не прячу взгляд.
Я – чернокнижник,
Ученый фат.

Встречаю рысью
Страниц пургу.
Своею мыслью
Я книгу жгу.

Ваш взгляд белее
Сухой травы.
Скажу, зверея,
Чем жжете вы?

Топчу булыжник.
Не прячу взгляд.
Я – чернокнижник,
Ученый фат.

1984

* * *

Где тает пламя былой агонии
И плещет серым пустой прибой,
Я слышал ровную симфонию,
Облитую белизной.

Она застыла волной неловкой,
А рядом, выплыв издалека,
В душе, как небо, пустой и легкой,
Переливалась белая тоска.

И понял я – не изведать вечности,
Коснувшись незримых путей назад.

.....
.....

У тех, кто свиделся с бесконечностью,
В пустое небо уходит взгляд.

Октябрь 1984

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

Отрывок (в переложении)

I

Семь лет в стране испанской

воевал

Великий Карл среди лесов и скал.

Весь горный край до моря покорил,

Взял города и замки разорил,

Поверг их стены, башни разметал.

Лишь только Сарагосу Карл не взял.

Марсилий-нехристь там царит

и правит,

Чтит Магомета, Аполлона славит,

Но не уйдет он от Господней кары!

Аой!

II

Марсилий Сарагосский как-то в зной

Пошел в прохладный сад плодовый свой.

На мраморное ложе он прилег.

Вкруг мавры опустились на песок.

Он герцогам и графам говорит:

Карл-император нам бедой грозит.

О нашем горе знайте, господа:

Идет из Франции войной сюда,

А у меня нет силы для отпора.

Как избежать мне смерти и позора?

Для боя не хватает мне людей.
Как быть? Совет подайте мне скорей!
Молчат ему язычники в ответ,
Лишь Блакондрен Вальфондский
дал совет.

III
Средь мавров рыцарь Блакондрен умен.
Совет царю подал охотно он.
В сражении Блакондрен – боец лихой.
Он говорит: – Оставьте страх пустой.
Отправьте к Карлу-гордецу послов,
Клянитесь в дружбе, не жалея слов.
Пошлите в дар ему медведей, львов,
Линялых десять сотен соколов,
Верблюдов, с золотой казной мулов,
Что не свезут и пятьдесят возов.
Наемникам пускай король заплатит,
С него войны и разорений хватит.
Пора ему вернуться в Ахен вновь.
Там примете и вы завет Христов.
Скажите, что в Михайлов день
святой
Вы Карлу честным станете слугой.
Захочет он заложников – пошлем.
Хоть двадцать их отправим Карлу
в дом.
Сынов своих отправим в стан его.
Пошлю я первый на смерть своего.
Уж лучше там им не сносить голов,
Чем нам утратить славу, земли, кров,

И не иметь в кармане медный
 грош.
 Аой!
Язычники в ответ: – Совет хорош!

IV
Воскликнул Блакондрен: – Клянусь я вам –
Французы разбредутся по домам!
Клянусь своим мечом и бородой –
Во Францию уйдут, в свой край родной!
И не вернуться им уже назад.
Карл в Ахен возвратится, в стольный град.
Святого Михаила день придет,
Отпразднуем его. Но срок минет,
От нас же не получит он вестей.
Страшна во гневе воля королей!
И снимет головы заложникам он с плеч,
Но лучше уж им мертвым в землю лечь,
Чем потерять нам край испанский свой
Да горе мыкать с нищенской сумой.
Язычники в ответ: – Он прав, как видно!

V
На свой Совет Марсильи бросил взгляд:
Этрамарен и Эндропен спешат,
К нему Кларен из Баагета зван,
И Приамон, и бородач Горлан,
С Магеем-дядей смелый Машине,
Мальбен Заморский, витязь Жоюнье
И Блакондрен, что речь держал.
Марсильи всем злодеям так сказал:

Отправьтесь к Карлу, господа, спешите,
И ветвь масличную в руках несите.
Он осаждает Кордову сейчас.
Коль с королем вы примирите нас,
Я дам вам золота и серебра,
Земель, феодов, всякого добра.

Они в ответ: – Заслужим, государь!
Аой!

1984

ДВИЖЕНИЕ ВЕТРА В УСНУВШЕМ ГОРОДЕ

Поэма

I
Дома остыли
Легко и блекло.
Белеют мутно
Слепые стекла.

Торчат деревьев
Сухие кисти.
Тяжелой пылью
Закрыты листья.

А над домами
И за оврагом
Пустует вечер
Забытым флагом.

Вдруг крепким взрывом
Туман распорот.
Холодный ветер
Идет на город.

Скользит походкой
Лихого беса
И треплет шкуру
Сырого леса.

Визжат осины.
Он в этом визге
Скользит по лесу
И сыплет брызги.

И пыль все легче.
Пустой недавно
Стекает вечер,
Бледнеет плавно.

А там, где ветром
Пробило глобус,
Как рыжий выстрел
Сверкнул автобус.

Я жаждал встречи.
Мой жест роскошен.
Оставлен вечер
И дом заброшен.

Вдыхаю шире,
Застыв на месте,
Глотаю рыжую
Осень жести.

Сгребая ярость,
Ныряю круто,
Лечу запаян,
Дробя минуты.

Догонит ветер.
Зацепит с хрипом,
Ослепит белым
Стеклянным скрипом.

Леса по краю
По фарам влепят,
В глаза хлестая
Зеленый трепет.

Уходит с блеском.
Дышу полетом.
Лес вырос резко
За поворотом.

Но здесь он стар.
Трава поблекла.
Тяжелый жар
Упал на стекла.

Вдруг ясно вижу
Сквозь свет неровный –
Закрыв дорогу,
Стоит огромный.

Сверля по-волчьи
Перед собой,
Стынет молча
Мраморный зной.

Шедевром прошлых
Граненых храмов.
Литым портретом
В суровых рамах.

Над гирляндой тем,
Над ревушим слогом...
Кто такой? Зачем
Мне закрыл дорогу?!

Убирайся сам!
Не сверли зрачками!
Я сегодня к вам,
Значит, снова с вами.

II

.....
.....

Слепящим горном
Играют блики.
Деревья в черном.
Цветы – гвоздики.

Вокруг сереет.
И лишь над нами
Табло звереет
Двумя мазками.

Грызет и лижет
Куски металла.
Я ясно вижу,
Но вижу мало.

Рекою время,
Тоской припева.
Но что же справа?
И что же слева?

И если время
Уносит круто,
То где же память?
И где минуты?

Минуты – капли
Безликой темени
Стекают в кучу
Сырого времени.

Толпится время,
Скользит досадуя,
В пустую темень
Глотками падая.

III
Там пахнет камнем
Большим и серым.
Я в меру резок.
Спокоен в меру.

Из шахты вылез
И вновь уснул
Налитый соком
Тяжелый гул.

Удар – и поезд
Покорно замер,
Сверкнув распахнутыми
Глазами.

Щелчок – и кресла
В четыре ряда
Цвета липкого
Шоколада.

Толпа застыла,
Собрала силы,
Дробясь раскрылась,
Вагон забила.

И тут за нами
Дохнуло древним.
Слетевшим эхом
Грядет деревня.

Сочный голос.
Сама – сметана.
Вьется волос
Как дробь “love cuna”.

Но куда ни лезь –
Лишь тоска во взгляде:
Что ты делаешь здесь,
На сыром шоколаде?

И зачем ты прешь
На чужие рожи?!
Может, что-то ждешь,
А вокруг все то же...

А вокруг лишь звон
Дребезжащей клетки,
И пропавший сон,
И погасший ветер.

И я ударил,
Как полдень летом,
Зрачки ошпарил
Горячим светом.

Разбился пестрой
Бурлящей пляской,
Вагон до края
Наполнив краской.

Она скакала,
Как кровь по венам.
В туннель сбегала
И липла к стенам.

Вдруг серый кто-то
Сорвался лихо.
Метнулись люди
За ним на выход.

Исчезли, словно
Шальные пули.
А я остался,
Как снег в июле.

Иду экранюсь
Путем незримым.
В глазах туманюсь
Бардовым дымом.

И жду – с размаху
Ударит фактом.
Колонны хрустнут
Морозным трактом.

Навстречу рухнут,
Свинцом налиты,
С прозрачным свистом
Седые плиты.

И искры мраморного пуха
Залепят мыслей сухое кружево...
Но тут – мне дунули и пощекотали за ухом,
Как щенку веселому и неуклюжему.

А рядом изящная черная дама,
В толпе застывшая, словно сажа.
Глянула шелковыми глазами
И улыбнулась тонко, как пряжа.

Я мягко таял
Словами ретро:
«Позвольте выйти
Навстречу ветру».

IV
На лицах тает
Холодный ветер.
Толпа сверкает,
Как рыжий сеттер.

Я молча вышел.
Шагнул и сразу
Швырнул под ноги
Пустую фразу.

Швырнул и вижу –
Шагаю легче.
До дома ближе,
Движенья резче.

А каждое слово,
Что я перечислю,
Обтянуто новой
Доверчивой мыслью.

И вдруг я вижу – в нелепой позе
Сидит у дома в такую тишь
Кто-то огромный и глупый, как озеро,
Не спеша жующее камыш...

Пожуй и выплюнь!
Сурово лезу.
Я мало бил вас
И мало резал!

Дрожащим зверем
Ты шкуру носишь.
Пока я верю,
Меня не сбросишь!

1984–1985

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Утром в светлом небосклоне
Солнце красно.
Черный хлеб на нежном фоне
Виден ясно.

Днем на свежем небосклоне
Он окреп.
На зеленом теплом фоне
Черный хлеб.

Поздно ночью с небом темным,
Нем и слеп.
Растворяется в огромном
Черный хлеб.

1985

У МОРЯ...

Молоком разлилось небо.
Так устало и степенно,
Как скользит по гладким волнам
Пышно брошенная пена.

Я смотрел – я видел пристань
И бродил в густых приливах,
Стал волною серебристой,
Разбиваясь на обрывах.

«Жизнь уходит, – мне кричали, –
Промелькнет в прозрачной бездне!
В море Черное отчалит,
Легким парусом исчезнет...»

Только ветер, словно птица,
То вернется, то растает.
То устало, как страницы,
Волны свежие листает...

Июль 1985

* * *

Тихо. Пусто. Дождь стучится.
Воздух бледный и сырой.
Мысли длинной вереницей
Вянут, тянут за собой.

И ложатся, как туманы,
Как тяжелые валы
На холодные диваны
Опустевшие столы.

Вечер сонно затерялся.
Пусто. Тихо. Только раз
На тугих часах сорвался
И разбился пятый час.

1985

ОСТРОВИТЯНКЕ

Еще не высох янтарь на твоих волосах
И свободны в глазах твоих полные волны.
Не смотри на море...
В протяжных его голосах
Тоскуют далекие блики,
исчезающие в легко-синем просторе.

Попугаи зеленые реют в твоих лесах,
Тает в ярких цветах свежий ветер,
и тени полны...
Не смотри на море, пока на твоих волосах
Не высохнет влажный янтарь
и в глазах не улягутся волны.

1985

ЭТЮД УХОДЯЩЕГО ЛЕТА

Раскалилась черепица
И трещат по травам трели.
В бочках меда липкий полдень
Пошевеливает хмелем.

Было, не было ли, полно,
Лето кончилось и слито,
Лишь, шурша, ошепчут волны
Деревянное корыто.

Сохнут листья. Крепче меда
Смуглый запах на полянах.

1985

* * *

Я думал, провожая взглядом
Корабль, растаявший в дали:
«Куда несется вместе с нами
Одна шестая часть Земли?»

1985

* * *

Вспомнил, как сверкает снег московский
В черную ночь перед Новым годом.
Двадцать какое-то число.
Блестят, дробятся цветные рекламы, отражаясь.
Колючий снег.
Морозит.
По асфальту бегут поземки.

1986

Новград-Волынский

* * *

Льются россыпи дней
В новогодней ночи.
Время мчится быстрее,
Служба станет короче.

За окном Новый год
Залетит и не спросится.
Наша служба идет,
Наше время проносится.

1986
г. Бердичев
Армия

* * *

Вечер застыл
 над лесом,
Сумрачен и багров.
Треплет легкую шкуру
Синих семи ветров.

А эти синие ветры
 улетят навеки
За белоснежные горы
 и голубые реки.
По опустевшим лесам
Ворвется февральский ветер,
 унося меня в зиму.

1986

* * *

На морозе ступени
 окрылись льдом.
Я хочу увидеть метель
 за окном.

Только пуст и огромен
 последний ночлег,
И на крыше, наверно,
 лежит снег.

Зазвенел и неслышно
 разбился свет.
Так прозрачно и тихо.
 Давно меня нет.

1986

* * *

Волчья стая
 гоняла
 зверей по лесам.
А волчонок
 пошел на охоту
 сам.
Он ушел
 на рассвете,
 его не возвратишь,
И никто не сказал ему
 вслед: «Осторожно, малыш!»
Как легки и беспечны
 его шаги!
Он не знал,
 что у идущих
 есть враги.
Он об этом не знал,
 он не в курсе дел.
Он сегодня доверчив,
 наивен и смел.
Он купался в росе.
 Он свято верил,
 что такой, как все,
 и друзья его звери.
Он ушел на закат,
 где его не найти.

Я прошу вас
 не встать
 на его пути.
Не мешайте ему,
 опустите обрез,
Чтобы он успел до черты,
 где кончается лес.

1986

ПЕСНИ БЗЫБСКИХ АБХАЗОВ

НОЧЬ БЕЛОГО ВОЛКА – 1

Метались ночные птицы,
Кричали, что все промчалось,
Что утро не возвратится,
И с солнцем, крича, прощались.

И в сумерки ночи долгой,
Где звезды чисты и дики,
Уйду одиноким волком
С зрачками цвета черники.

В горах, где блестят металлом
Густые листы ореха,
Я буду бродить по скалам,
Пугая быстрое эхо.

Искрясь белоснежной шкурой,
Меняя свое обличье,
И гордая поступь тура
Мне будет теперь добыча.

И буду к морю сбегая
Волчьей ночной тропой,
Пить, клыки обжигая,
Пламя его голубое.

И видеть, как гасят волны
Разбитые птичьи крики,
Пока не растает полночь
В зрачках цвета черники.

Декабрь 1986

НОЧЬ БЕЛОГО ВОЛКА – 2

Я волком брежу
На запах псины,
На побережье,
Как волны синем,

Где в море берег
Летит обрывом,
Рычащим зверем,
Как черт, красивым.

Резцы сверкают,
Мой шаг короче,
Зрачки пылают,
Как звезды ночью.

Здесь легче снега
Полет косули.
Клыки с разбега
Всажу, как пули.

Порву на части,
Сдавлив рычанье.
В кровавой пасти
Горит дыханье...

...Уходит месяц
За горы гордо.
Я вновь тоскую,
Вернувшись в город.

Мой город – прежний,
Как рой осиный...
Я волком брежу
На запах псины.

1987

ДЕВУШКИ ИЗ СЕЛЕНИЙ И АЖВЕЙПШ¹

Утром ходили в горы
Девушки из селений.
Они набирали воду
Из родника оленей.

Они обжигали руки,
Срывая огонь камелий.
А следом за ними крался
Мрачный хозяин ущелий.

Который бродит ночами,
Бросаясь на каждый шорох.
Там, у сырых расщелин,
В мхах проросших норах.

Селянки смотрели в пропасть,
Смеясь, не страшась разбиться,
И головы их кружились,
Как в вихре морские птицы.

¹ Ажвейпш – в абхазской мифологии хозяин гор и леса, лесной царь.

Но, выбрав одну из юных,
Выждав за перевалом,
Прямо в глаза ей глянул
Хозяин бездонных провалов.

И, возвратившись в селенье,
Она, не слышна как ветер,
Вечером тихо гасла
И умерла на рассвете.

О! Не ходите в горы,
Девушки из селений.
Там прячется мрак и гибель,
Скрываясь за каждой тенью.

Они стерегут ночами,
Бросаясь на каждый шорох.
Там, у сырых расщелин,
В мхах проросших норах.

1987

СНЕЖНЫЙ ВСАДНИК

На снеговых вершинах,
Где реки берут истоки,
Живет белоснежный всадник,
Далекий и одинокий.

И кажется, что за горами,
В часы, когда гаснут тучи,
Копыта звенят ручьями
По гулким морозным кручам...

Когда он мчится ночами
По буре и бездорожью,
Как волны рычат лавины,
Обрушиваясь к подножью.

Туда, где в глубинах полночь,
Где звезды бродят, как рыбы,
Где дышат устало волки
И ветры ложатся на глыбы.

А утром, когда по тропам,
Сверкая, летит заря,
К вершинам бредут монахи
Афонского монастыря.

И если оставят силы,
И кажется – все напрасно,
Он пролетит над ними –
Ослепительный и прекрасный.

И сразу веришь в победу,
Стремишься туда, где не был...
А волки идут по следу,
И ветры уходят в небо.

1987

* * *

Верю,
Когда-нибудь
В горах я встречу девушку
С корзиной спелых ягод.

1987

* * *

Звереют волны,
И ветер крут,
Но поднял парус
Султан Махмуд.

Повел эскаду,
С ветрами споря,
К чужому берегу
Через море.

*Из неоконченного
стихотворения
о царе Абхазии Келешбее
1987*

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Враг для врага – смертелен.
Бойцами, после допроса,
Выведен и расстрелян
Полковник Артуро Росса.

Не дожидаясь рассвета,
Расправив мокрые спины,
Наставили на эполеты
Черные карабины.

Понял – прошла удача,
Смуглый и белобрысый.
«Вот она – смерть собачья,
А вы помрете, как крысы!

Бешено, что есть силы,
Проклял и ненавижу!
Станут наши могилы
Горстью болотной жижи...»

А солнце теперь палило,
Жарко искрилось мехом.
Плакали крокодилы,
Трелью дрожало эхо.

А на западе полный
Рио Гранде-Коррубьо
Медленно катит волны,
Дышит песком и глубиью.

Здесь каждую ночь свобода,
Из джунглей придя украдкой,
Черпает гнилую воду,
Мучаясь лихорадкой.

1987

Что – человек? Лишь только
попугай,
Который повторяет за природой,
Не зная смысла слов,
Не зная суть вещей.

185

К НЕЙ

Мое пробужденье встречая, гибко
Нагнувшись к изголовью,
По горлу сверкнув ледяной улыбкой,
Умылась горячей кровью.

Метнувшись в небо, пронзая огнями
Ночь, пролитую отвесно,
Она распахнула багровое пламя
Над моим еще сонным лесом.

И птицы в полете падали ниц,
Как будто под ноги брошены,
Крошили сбитые звезды вниз
И отражались в крошечке.

И, в звонкое эхо слетев струной,
Сверкая в зареве свежем,
Мой конь промчался, прощаясь со мной,
Ржание с кровью смешивая.

Я слеп на коленях, огнем дыша,
Я искрой взлетел вертеться.
Но все сохраняла моя душа,
Живая в раненом сердце.

1987

* * *

Твоя победа так легка,
А мне – взлететь или сорваться...
Так золотого мотылька
Убили, чтобы любоваться.

Я оживаю, лишь взглянув,
И замечаю, боль не скроя,
Как то приблизив, то смахнув,
Играешь легкою рукою.

И, может, я кричу в пустыню?
Слова – пустые побрякушки...
Меня простите за гордыню –
Я слишком дерзкий для игрушки.

1987

* * *

Наступает вечер. Луна проплывает вновь.
Одиноко, как парусник, словно спеша уйти.
Любовь давно в эту сказку превращена.
Выхожу из дома, пытаюсь ее найти.

1987

* * *

Горели огни в витринах
 огромных прозрачных улиц.
В ночи огни, казалось,
 играли на черных свирелях.
Под тонкую дрожь трамвая
 звук пролетал неслышен,
А рядом луна, сверкая,
 бродила по мокрым крышам.

1987

* * *

Я из окна дорогу увидел:
Она была огромна,
словно поле.

1987

* * *

А судьба удила
 забрала себе,
Вместе с собой унесла
 по ночной тропе.
Время учит сомненьям,
 но лучше без,
И бросало оленям
 наперерез.
Не найти пути
 к прожитым годам,
Я устал идти
 по чужим следам!
Остается лишь
 повернуть назад...
Его не вернешь,
 он ушел на закат.

1987

МОСКОВСКИМ ХУДОЖНИКАМ

Любой вернисаж осмотрев едва,
Вступая во храмы, как гордый безбожник,
Я хочу увидеть свою любовь, музыку
И слова, которые нарисовал художник.

Я увижу, что крылья его легки
И летит он, не зная в своем движенье
О том, что ничтожен, поверив одной из стихий,
Но будет прославлен в ее отраженье.

И когда он прозреет, что век один,
Что все исчезнет и гаснут чувства,
Тогда я пою о живописи ста картин,
В которых люди видят искусство.

Апрель 1987

* * *

Я тогда прикинул:
 много лет пройдет,
И отсюда отчалит
 огромный флот.
Катера улетят по его следам,
И останется только одна вода.

Но не зря, наверно,
 так устроен мир,
Что я на причале
 только пассажир.
Я бы не грустил
 о былых мечтах,
Если б были все
 на своих местах.

1987

* * *

Ножны путали стремя,
Ржали бешено кони,
Раскаленное время
Мы черпали с ладони.

И от крови пшеница
Поднималась сырая.
Солнце билось, как птица.
На закате сгорая.

Вспыхнув золотом пыли
По накатанной глине...
Мы свободу растили
На ветрах и полыни.

Где по степи носило
Нас от края до края,
Я сверкну, над Россией
Пролетая, сгорая.

Или в грохоте боя
Рухну срезанный влет,
Если острой стрелой
Горло прошьет.

Если полночь раскрашу,
Брызнув кровью на стремя,
Поднесите мне в чаше
Раскаленное время!

1988

* * *

Белый цвет – это цвет
 зимы.
Мы зимой не знаем,
 какие мы.
Нам не надо тепла
 замерзающих рек,
Наши души сковал лед
 и закрыл снег.

Мы сливаемся с небом,
 пустым как степь,
Видим сон, как добро
 побеждает зло,
Но, проснувшись ночью,
 открыв глаза,
Мы глядим, как усталое время
 идет назад.

Неужели такими
 мы были
 раньше?

Неужели такими
уйдем
навсегда?
В наших душах устала
светить ночная
звезда.

1988

КАПИТАН

Когда потемнеет небо
И ветер сорвет туман,
Очнувшись, смотрит на город
Бронзовый капитан.

Я вздрагиваю, где бы ни был,
Тревоги своей не скроя,
Как будто меня по имени
Окликнули за спиною.

И тут же меня закружит
И понесет над машинами
Через пустые площади
С распахнутыми витринами.

Осколки прозрачных улиц
Осыпят меня огнями...
А он расстилает карту
С драконами и кораблями.

И я в ночи, словно птица,
Найду знакомое место,
Где треуголка пылится,
Изрезанная Норд-Вестом.

Никто меня не удержит
И остановит едва ли.
Я верю, спешу и еду
Избавиться от печали.

Свободна к нему дорога
Для тех, кто прожил без веры...
Он ждет и вертит сигару,
Как бронзовый кабальеро.

1988

ПЕСНЯ ЛЕСА

Перелетая, о камень река бьет.
Полдень наполнил глубь. В глубине мед.
Свежие пчелы, на тонком луче дрожа,
Падают каплей живой с острия ножа.

Холод ключа глотая, лесной пан
Пасть распахнул, алую, как тюльпан.
Только, скользнув по шерсти, вода слетит
И разобьется, сверкая, о лак копыт.

1988

* * *

Мы летим,
 где хотим
На крыльях ветра,
 куда угодно.
Что прошло –
 позади.
Всегда в движеньи –
 всегда свободны.
В прозрачном небе
 легко и плавно.
А ветер треплет
 седую гриву.
Оттуда сверху
 земля забавна,
Она огромна,
 она красива.

1988

* * *

День прошел, а я
Даже не заметил.
Свет звезды и ночь
Будет впереди.
Если утром роса,
Если утром ветер,
Ты останься со мной
и не уходи.

Осень, холод, дождь
Будут скоро сниться.
А пока в глазах
Плещет синий май.
Скоро жизнь промелькнет
Перелетной птицей.
Ты ко мне вернись,
Ты меня спасай.

Ночь еще длинна,
Ясный месяц молод.
Отчего тогда
На ресницах дрожь?
Оставайся со мной,
Вместе встретим холод.
Я сойду с ума,
Если ты уйдешь.

1988

* * *

Холодны ваши речи.
Ваши глаза устали,
Тает там, словно свечи,
Блеск вороненой стали.

Милая, это ты ли?
Мы ли такими стали?
Наши души остыли,
Наши слова растаяли.

1988

* * *

Я дурак. Я поверил в любовь надолго.

Я теперь вспоминаю, родная, твои слова:

– Ах, мой мальчик, любовь –

это вечно сбивает с толку.

И мне грустно признаться, но ты, как всегда, права!

1988

* * *

Обожженный свежим ядом,
Понимая, что погиб,
Обреченно ловит взглядом
Полуломанный изгиб.

И, отдав тоске звериной,
Жизнь, потраченную зря,
Бьет, впечатывая в глину
Душу гордого царя.

1988

* * *

А ночь искрилась серебром
И тишиною наполняла
Весь этот мир,
Тот старый дом,
Где яхта дремлет у причала.

1988

ПАМЯТИ «КИАРАЗА» И НЕСТОРА ЛАКОБЫ

1

На перевале стрельба и скрежет,
Мрак карабины грозою режут.

Кони заржали и косят глазом.
Пули проносятся над Киаразом.

Травы копытами в землю вбиты.
К Черному морю летят джигиты.

Сабли сверкают. Лакоба рядом.
Скоро к Сухуму придут отряды.

2

Солнце задумчиво на закате.
Греки орудие медленно катят.

В цепь пулеметы. Готовы сразу
Резать свинцом башлыки Киаразу.

Греки, зачем вы дома покинули?
Щурясь, фуражки на брови сдвинули?

Скоро абхазец, нахмуря брови,
Брызнет по сумеркам вашей кровью.

Головы ваши под пышным флагом
Сгинут, порубанные, по оврагам.

3 – 4

Город, разбуженный на рассвете.
Море, шаланды и свежий ветер.

Берег, кустарниками поросший.
Выстрелы небо на гравий крошат.

.....
.....

Полно кружиться! Для обороны,
Красный Киараз, береги патроны!

Слушай, Лакоба, поправив стремя, –
Скоро настанет другое время!

Ружей направленных пасть разинув,
Будут расстреливать вас грузины.

Солнце ослепнет, увидит зрячий
Горькие слезы в крови горячей...

5

Новый хозяин сумел воцариться.
Ездишь теперь отдыхать на Рицу.

Медленно дремлешь, прищулив глаз.
Слышишь, спускается с гор Киараз?

Видишь зарницы? Смотри в оба!
В город ворвался отряд Лакобы.

По мостовой, меж домов и зарев,
Дробь прокатилась, в окно ударив.

Старый пройдоха с повадкой лисьей,
Здесь не поможет тебе Тбилиси!

Прячься, скрывайся, тебя здесь нету!
Слышишь шаги к твоему кабинету?

Шпарь огородами до вокзала!
Дверь распахнулась. Пустая зала.

Нестор вошел, молодой и строгий:
«Дайте воды. Я устал с дороги».

1988

Постарел Урызмаг, пролетели года,
Лишь горит серебром у него борода.
Ноги старые долгий не выдержат путь,
И нет силы в руках тетиву натянуть.

1988

ПЛАЧ НА СМЕРТЬ БУРА-БАТОНА

Плачьте, женщины Кавказа!
Плачьте, юноши и старцы!
В час вечернего намаза
Закатилось наше солнце.
Черным коршуном печали
Горе крылья распахнуло,
Пролетело и задуло
Те огни, что освещали
Край сурового Кавказа.

1988

ОБРАЩЕНИЕ К МАХАДЖИРАМ¹

Людей уводящий за море, одетый в доспехи черные,
Прощаясь молитвой последнею,

вздروгни и обернись:

Уже из пещеры прошлого

дети твои обреченные

С гор осыпаюся в море,

словно песок

вниз.

Скоро подточит нас подданный ночи – вампир,

И осень покинет лес печальной душой оленя...

Хищные птицы без наций

слетятся собрать пир

И растерзать время, отпущенное на моление.

Повороты обратно воинов своих, князь!

Дарует вам Бог

славу на поле боя.

Но войско под копий звон,

сплетаясь, крутятся, в вязь,

¹ Махаджиры – горцы, изгнанные со своих земель в период русско-кавказской войны

Катится в глубину,
 черное и спелое.
А в башнях, врагу подаренных,
 расселится саранча его.
Но живы пока еще стражники,
 кинжалы свои ощерь!
И дышат пещеры прошлого холодным клинком
 отчаянного,
Который замер над берегом, как мрак в глубине
 пещер.

1989

* * *

Только ветер прощаться не будет,
 он уходит вперед.
Он плевал на ночь,
 он сметает снег,
 он ломает холодный лед.
И, как пилигрим, ты иди за ним,
 он приведет туда,
Где нельзя стареть,
 где должна гореть
 ночная звезда.
Ты тогда поймешь,
 что неправильно жил,
Различать начнешь
 вдалеке миража.
И тогда забудь навсегда
 исчезающий снег.

1989

* * *

Тихо, в травах рассыпаясь,
Слезы умирали.
Жду, а мысли потерялись
В облаке печали.

Вдалеке собаки лают,
Замолчали птицы.
Только ветер, пролетая,
В небе растворится.

1989

* * *

Звезды гроздью винограда
Опускаются все ниже.
Только мне сегодня
 грустно.
Боль неслышно сердце
 лижет.

1989

* * *

Дух нации должен быть хищен и мудр,
Судьей беспощадным отрядам.
Он коброю спрячет в зрачке перламутр,
Он буйвол с недвижимым взглядом.

В краю, где от крови багровы мечи,
Не ищет трусливых решений.
Он ястреб, считающий мирных мужчин
В горячее время сражений.

А счет его точен, как точен размах
В движении неистребимом:
Чем меньше мужчин, выбирающих страх,
Тем выше полет ястребиный.

1990

* * *

А в каждой капле горной воды,
Искрящейся между скал,
Горит отражение той звезды,
Которую он искал.

1990

* * *

Тихо опустит руки
Над колыбелью мать –
Так перестанут ветки
В окна твои стучать.

1990

* * *

А на земле прекращают спать,
Очнутся, и лишь тогда
Они пытаются отыскать
Исчезнувшее без следа.

1990

* * *

Путник, прошедший рядом,
Вдали растаял.
Пыль поднимает ветер,
Уносит в поле.

* * *

Вышел к реке и подумал вдруг,
Глядя на дальний берег:
«Ночью уже не увидеть мне
Лилии отражень».

* * *

Прощаясь,
Слежу за полетом птицы, –
Неподвижное небо.

* * *

Воин домой вернулся,
Окрыленный победой, –
Скоро весна.

* * *

Ветер. И легкой тенью
Закрыло солнце...
Кто повстречает мою
Беспокойную душу?

1990

* * *

Как галька, скрипят на зубах слова,
И струны не держат строй.
А строчки горят, как горит трава
В июльский тяжелый зной.

1990

* * *

Солнце звенит, словно щит: «Боль!»
Земля гудит от копыт врага.
Это степь на бегу лбом
Разбила белые облака.

Но у подножия гор бой
Дан, и встали плечом к плечу
Три сотни джигитов. Их за собой
Привели три брата из рода Чу.

Росой рассыпался блеск клинков,
А пуля срезала с коня в упор,
И было на десять степенных волков
По барсу с покрытых снегами гор.

Чертили выстрелы синеву,
А ветер, сорвавшись, ушел в аллюр.
Но младший скатился звездой в траву,
И старший пал, как в горах тур.

В тот день добычею воронья
Стали тысячи богатырей.
А средний брат повернул коня
И ушел по тропам лесных зверей.

Туда, где скрывает следы мрак,
А эхо крик приравняет к трем,
Туда, где в ущелье выбит знак
Древний над каменным алтарем.

Он думал: «Братьев унес бой,
А я рожден для иных дел.
Я буду тих, как в горах мох,
Сердцем чувствуя каждый миг,
Жить буду так, как живет Бог,
И я узнаю его язык.

Узнаю и превращу в лед
Слово, несущее нам пожар.
Тогда я один сохраню род
И людям мир принесу в дар.

Тогда покой на земле спасен,
Забудут люди о черных днях...
Дай Бог однажды прочесть все,
Что здесь начертано на камнях!»

И час пробил, взошла луна,
На камне дрогнули письмена,
И засверкала, слепя огнями,
Громада неба над ледниками,
Распалось небо пред ним воочию,
Открылся космос, рожденный ночью:

«Теперь струною пройдет грань,
Но если ее сожгут –
Тогда мы прикажем тебе: «Встань!»
И ты поскачешь на наш суд.

А если сон победит месть,
И прорвется натянутая струна,
Тогда исчезнут борьба и честь,
Останутся разум и тишина.

Тогда гордись – это твой час!
Тебя не коснется твоя вина.
Но это люди решат за нас.
Такие споры решать не нам».

И вот, словно ветер, исчез конь...
Что дальше? Не знаю. Легенда молчит.
Но в каждом доме горит огонь
И пляшет по комнате тень свечи...

1990

* * *

Сейчас изменишь все то, что есть,
Но это будет твоя вина,
Когда исчезнут борьба и честь,
Останутся разум и тишина.

Не мной разделен мир пополам.
Есть час рассвета и ночи час.
Что лучше? Это решать не нам,
Пускай другие решат за нас.

Пусть каждый решает, что дороже ему.

1990

* * *

Там ночью созвездья,
Следя за тобой,
Как ветер играют
Твоею судьбой.

1991

ПЕСНЯ ГЕНИОХОВ¹

Чье-то судно с ветром спорит,
Паруса, как волны, серы.
Это кормчий через море
К нам привел свои галеры.

С ним надежная охрана,
Чтобы в порт войти угрюмо,
Взять самшит, руно барана
И набить рабами трюмы.

Будут стрелы и ножи им!
Раз – и рядом воду режем,
Рассчитаться за чужие
Города по побережьям.

За набег и потравы,
За самшит под топорами,
Чтобы знали, кто по праву
Правит морем и горами.

¹ Гениохи – в абхазо-адыгской транскрипции «береговые разбойники». Слово прочно вошло в древнегреческий лексикон.

А когда причалим ближе,
Чтобы их рука дрожала...
Скоро волны жадно слижут
Кровь на лезвии кинжала.

Будут стрелы мчаться стаяй,
Жечь, не ведая различий,
Скоро мы в ночи растаем,
Унося свою добычу...

Круче ветер, тучи ниже,
Мчимся, скорость набирая,
Только берега не вижу –
Ночь от края и до края...

Неужели бурей встречен,
Подчиняясь этой власти,
Обречен скитаться вечно,
Хищно гребни рвать на части.

Море плачет от бессилья,
Обжигая ночь волною,
И парит, раскинув крылья,
Черный парус надо мною.

1990

АНГЕЛ

В час, когда мы дышим снами,
О печали позабыв,
Появляется над нами
Ангел Мести и Судьбы.

Изо льда его наряды.
Он, как гром, неумолим,
Поражая из засады
Цель, намеченную им.

Хлопнув крыльями по-птичьи,
Полуангел, полузмея
Унесет свою добычу
В царство, полное теней.

Там, в пучине океана,
Существует он один,
Изменяясь постоянно,
Появляясь из глубин.

То прозрачен и безлик он,
То пожара горячей,
Отразится алым бликом
На сверкающем мече.

И народ, дома оставив,
Посреди лихих стихий,
Осеньется крестами,
Прячет старые грехи.

Ждет, толпясь, моля о чуде:
«Боже, душу сохрани!»
Лишь о нем слепые люди
Забывают в эти дни.

В час, когда звучит молебен,
Светом залит аналой,
Он посвистывает в небе,
Точно пущенный стрелой.

1990

СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ ДЛЯ ДИКТАТОРА

Диктатор под шорох тяжелых кулис,
Где в складках бархата гаснет пламя,
Из ложи гордо смотрел вниз,
Четко очерченный зеркалами.

На сцену хлынули прожектора.
Еще мгновение – оркестр утонет.
Но вздрогнули, и началась игра,
Словно мороз, обожгла ладони.

А боль отточенным острием
В грудь вонзилась, сломала плечи,
И нет терпенья найти ее
В сердце, брошенном ей навстречу.

А музыка продолжает расти,
Слепящая до головокружения...
И он уже хочет, не может уйти,
Как армия, терпящая поражение.

Так завораживает блеск ножа.
А он, бросающий поле боя,
Чуть повернется, еще держа
Нервы острою тетивую.

И вдруг, сорвавшись взхлеб на плач,
По зеркалам боль и слезы пряча,
Он увидит, как черная птица грач
Перечеркнет отражение плача.

И сразу стали артисты гибки,
Метались, как тени в его подвале.
Они терзали кричащие скрипки,
Смычками тонкими полосовали.

Казалось – они пытали их,
Спешили, дрожащие от усердия...
Только звуки на струнах таяли
Легкой улыбкой сестры милосердия.

1991

ЗАЧЕМ ТЫ ПОСТРОИЛ ХРАМ

Я знаю – ты раньше здесь не был,
Пришедший путем ночным.
Ты захотел, чтобы небо
Стало твоим, ручным.

Ты строил высокие башни,
Стены из кирпича.
Но забыл, что солнце
Прячется по ночам.

Высветил наши судьбы отблесками костра...
«Скажи мне, мастер, зачем ты построил храм?!»

Кто долго смотрел на солнце,
Теперь навсегда ослеп.
Ты строил дворец ради счастья ближних –
Построил огромный склеп.

Весь день развевались флаги,
А вечером ветер стих.
Охрипли твои монахи,
Певшие для глухих.

Ты вышел и запер двери, оставив ключи ворах:
«Скажи мне, мастер, зачем ты построил храм?!»

Ты захотел, чтобы в Бога
Поверили сразу все.
Но уводит твоя дорога
В сторону от шоссе.

Для нас ты расставил знаки,
Оглядываться запретил.
Я правильно шел по карте,
Которую ты чертил,

А вышел в пустое поле, открытое всем ветрам:
«Скажи мне, мастер, где ты построил храм?!»

1991

ЛОВЧИЙ

Душа, словно лист, улетит во сне,
Забудет, кружась, о нас.
А ловчий, скрывшийся в глубине,
Уже открывает глаз.

Уже по следам ее мчатся псы,
Дремавшие до поры...
А ловчий остановит часы
И ждет начала игры.

Нельзя уйти от этих собак –
Настигнув, собьют. Теперь
Он погружает ее во мрак
И запирает дверь.

Душа не знает, куда лететь,
В ней нарастает страх.
Так эхо, ослепшее в темноте,
Бродит в ночных горах.

Так без пощады идет игра
Свечки и мотылька.
Просыпаются те, кто уснул вчера, –
В сердце у них тоска.

Они пытаются жить, как все,
Но прошлого не вернешь.
Их закружит невидимая карусель,
Ночь принесет дрожь.

Ты сразу узнаешь тех, кого страх
Покоя и сна лишил.
Прочтешь безумие в их глазах,
Но не найдешь души.

1991

* * *

Сегодня жизнь, как игра,
А ты, как лист на ветру,
Но скучно играть
 в одну и ту же игру,
Если кто-то заставил
Играть без правил.

И ты играешь,
 как играет любой.
Ты сегодня не знаешь,
 что будет с тобой.

Но жизнь неумолима,
 как лесоповал,
И ты проходишь мимо,
 опять проиграв,

Устав от фальши,
 решив, что все – вранье...
А жизнь уходит дальше,
Ты не видишь ее.

И исчезнет, как лужи,
 если день будет чист.
А ветер снова закружит
 одинокий лист...

1991

* * *

Нам такое проклятие дарят ночные ветра,
И морозы ударят, как только им скажут: «Пора».
Но я все-таки верю,
 Что к нам не придет беда,
Пока в небе еще не замерла
 моя звезда.

1991

ГИБЕЛЬ ОСЕНИ

1

Осень в холодном лесу прожить не смогла бы...
Ветер проснется молча

и бьет по слабым.

Звери, прочь! Охота!

Кровь на снегу читая,

Самый грамотный из людей знает –

позади стая.

Уходя по снегу – беги,

даже лист рыжий

Дрожит, когда человек подойдет ближе...

А когда крик тревожный птиц мы с собой

приносим,

Он сорвется, ляжет и ждет осень.

2

Осень тиха, а ноябрь багров.

Но туча, закрывшая перевалы,

Мощно и медленно, словно огромное стадо

коров,

Пришла с востока, и осень пала.

Пала, как падает щит из рук

В бою, обрываемом лишь на вдох...

Хлопья снега, как всадники,

проносились вперед, и вдруг

Лес задрожал и осыпался...
 «С нами Бог!» –
 Так крикнет последний рыцарь, роняя
 багровую кровь,
 Но уже, подмяв под себя поле,
 Наступает декабрь. Он вновь
 Не знает пощады и боли,
 Когда показалось –
 снега теперь
 Царят над равнинами и городами,
 Через поле прошел одинокий зверь,
 Обжигая покров следами.

1991

Сижу в квартире, скучаю один,
Вдруг раздается звонок: «дин-дин!»
Я поднимаюсь, иду на звук –
У-ВАП-ШЮ-ВАП – приходит друг.

Теперь мы с другом сидим вдвоем,
Немного танцуем, слегка поем.
Не обижайтесь на шум и свист –
У-ВАП-ШЮ-ВАП – танцуем твист!

Соседей стебают такие дела,
И снизу приходит крутая герла.
Кричит, что ночью не спится маме –
У-ВАП-ШЮ-ВАП – танцует с нами!

Наш рок-н-рол гремит на весь дом.
Приходит участковый, приходит управдом.
И даже сверху пришел сосед.
У-ВАП-ШЮ-ВАП – танцуем все!

Гремит наша музыка – будь здоров!
Сбежались люди с других дворов.
Не сосчитаешь – two, three, fore, five.
У-ВАП-ШЮ-ВАП – приходит кайф!

1991

ПОСЛЕДНЕЕ RENDEZ-VOUS

Над площадью плыло лето
И плавно листву листало,
А зной погружало в недра
Фонтана со львом усталым.

Прохожие... Столик липкий,
Печенье, сигареты,
И он обнажил улыбку,
Беспечный, как звон монеты.

Изящный, как парижанин...
Но вот шоколад разлили –
И стала любовь обожаньем
Тяжелым, как запах лилий.

Густой шоколад глотала,
Волна разлилась, душила,
Пила, обожглась, дрожала,
И вновь пригубить спешила.

Был полдень, как звон бокала,
Прозрачным огнем играющий,
Прощаясь, не замечала
Движенье слезы исчезающей.

1991

Простите, леди, я совсем
не с Монте-Карло.
Я с вами нежен, но
характер мой суров.
Я срок тянул на Калыме,
как папа Карло,
За то, что тряс
в Одессе-маме фраеров.
Не дай вам Бог узнать
про лагеря и нары,
Когда тебя обратно ждет
одна лишь мать.
Пусть что-то варят
государству
сталевары,
А мы навариваем,
чтобы прогулять.

248

ШУТНИКУ-ИНКВИЗИТОРУ

*«Сегодня в нашем клубе будут танцы...»
(из ранней советской попсы)*

Я юн, я свеж, я полон оптимизма,
И я играю, ближних веселя,
Когда в хрустальном замке менъеризма
Касаюсь звонкой шпорой хрусталя.

И звук «динь-дон» плывет по галерее...
А я такой – срифмую и «динь-дон»,
А чтоб скандал забылся поскорее,
Торжественно раскланяюсь: «Пардон!»

Здесь архикардинал плетет интриги,
Свою епитимью кладет на стих,
А я кручу серебряные фиги
И позолотой покрываю их.

Спит Нелли – удивительная крошка.
Переливаясь, тает звездопад...
Сейчас срифмую: «крошка» и «бомбежка».
Я Дракула! Я Брут! Я ренегат!

Нет, надо так писать, чтоб стало жутко,
А дамы трепетали на груди...
В строку ложится рифма: «проститутка».
Откуда ты, родная? Уходи!

Хотя постой! Откуда? От Магистра?!
Как он тебя по-русски называл?
Не может быть! Теперь исчезни быстро,
А то услышит архикардинал.

А, впрочем, оставайся – будет клево!
Сегодня в нашем замке маскарад.
Вновь прозвучат рулады Степанцова,
Вновь кардинал в бокалы бросит яд.

А если я смеяться перестану,
Начну грустить, нести унылый бред,
Тогда скорее черную сутану
Накиньте на роскошный эполет!

1991

ДЕРЗКИЙ ВЫЗОВ

Допивая искристое «Кьянти»
На приеме у герцога N,
В этом Богом забытом Брабанте
Я увидел графиню Мадлен.

Я сразил ее огненным взглядом.
“Mon amour” – сорвалось с ее губ.
Бледный муж, находившийся рядом,
Был, естественно, гадок и глуп.

С грациозностью раненой птицы
Протянула мне розу Мадлен,
И она заалела в петлице
Сюртука от маэстро Карден.

Муж безумно глядел через столик
И, естественно, приревновал.
Он с презреньем сказал: «Алкоголик»,
Я с усмешкой наполнил бокал.

В окруженьи принцесс и маркизов
Я одернул манжет, а затем
Графу бросил перчатку и вызов,
А графине – букет хризантем.

Я сказал: «Есть большая поляна
За заброшенной виллой в саду...
Для тебя этот день, обезьяна,
Станет черным, как ночь в Катманду!

Ты расплатишься, словно в сберкассе,
Алой кровью за гнусный поклеп,
И тяжелая пуля расквасит
Твой набитый опилками лоб.

А когда за заброшенной виллой
Ты умрешь, как паршивый шакал,
Над твоей одинокой могилой
Я напью шампанским бокал!»

1991

МОЙ IMAGE

Очарует рифм розарий
Куртизанку и святую.
В Петербурге я гусарю,
На Кавказе джигитую.

Грациозным иностранцем,
Ветреным до обалдения,
Бейбе с трепетным румянцем
Я наполню сновиденья.

Миг – и сон ее украден.
Даже при случайной встрече
Сексуально беспощаден
И блистательно беспечен.

Бойтесь, барышни, джигита!
Словно ветра дуновенье,
Налетит, и жизнь разбита
От его прикосновенья.

1991

СМУГЛЫЙ ЭМИССАР

Твой тихий голос в телефоне
Был восхитительно красив:
«Мой милый, у меня в районе
Портвейн «Анапа», но... в разлив».

Я молвил тоном де Бриссара:
«No problems, baby, все фигня!
Уже давно пылится тара
В пустой гостиной у меня».

Я взял хрустальную канистру
И сел в случайное авто.
Кружился иней серебристый
Над влагой нежно-золотой.

А рядом, прячась за цистерну,
Считал рубли седой грузин.
И вот к тебе крылатой серной
Летит шикарный лимузин.

Ты распахнула мне объятия
(Уже была навеселе).
Как часто буду вспоминать я
Портвейн и свечи на столе!

Как ты была зеленоглаза,
Шептала: «Милый де Бриссар...»
Будь счастлив миг, когда с Кавказа
К нам прибыл смуглый эмиссар!

1991

МИЛЫЙ ШАБАШ

Я пил, ловя губами льдинки,
Разнежась в кресле, словно морж,
Когда прекрасную блондинку
К нам приволок несносный Джордж.

Моя душа была открыта.
Откинув с ног шотландский плед,
Сказал: «Останьтесь, сеньорита,
Вы наш украсите банкет!»

С лихой галантностью гусара
Смахнул окурки со стола...
Теперь я знаю – это шмара
У нас все пиво сожрала.

На удивленье нам, баронам,
Она, весельем полна,
Смешала виски с самогоном
И тоже выпила до дна.

Хватила Джорджа канделябром.
Накинув мой шотландский плед,
На хрустале, легко и храбро,
Устроила кардебалет.

«Она колдунья из леса!» –
Подумал я, и в тот же миг
В моих друзей вселились бесы
И мне показывали язык.

К ней устремились рой за роем,
В прозрачном воздухе скользя.
Джордж встал, как Цезарь перед боем,
И молвил: «Победить и взять!»

Она кричала: «Пидорасы,
Не прикасайтесь ко мне!»
Кругом летали ананасы,
Как птички в роще по весне...

Я понял – это есть гадюшник.
Вокруг ругались и свистели.
И Джордж напился, как биндюжник
В портовом городе Марселе.

Он соколом взвивался в выси,
Гася соседей налету,
Как на концерте AC/DC
В советском аэропорту.

Он проносился с нею рядом
И развевался, словно флаг,
Когда вошел с усталым взглядом
Наш участковый Железняк...

А я смотрел с улыбкой странной
На эту дикую картину
И философски пил «Чинзано»
В просторном кресле у камина.

Так всадник в огненном наряде
В День Гнева может повстречаться,
И ты не знаешь, в очи глядя,
Погибнуть или любоваться.

Летит, бряцая стремями,
А вы стоите безучастны...
Порою бури и цунами
Так ослепительно прекрасны!

1991

* * *

За то, что ты опять со мной, моя принцесса,
Я подарю тебе шикарный ресторан.
С тобой я прежний с юмором повеса,
Как Бельмондо, пришедший снова на экран.

Давай гулять, давай резвиться, эх, на воле,
Чтоб стало жарко нынче местным фраерам.
Но жаль годов мне, зря потраченных, до боли.
Я все припомню и сполна должок отдам.

1991

* * *

В моей постели черный коннетабль.
Он слаще орлеанского эклера.
Недавно я попал на корабль
Веселого лихого флибустьера.

Мой папа провожал меня в вояж
(как он рыдал!)
В порту колониального Сиднея.
Пират корабль пренагло взял на бордаж
и прошептал:
«Графиня, будьте навсегда моею!»

Мой муж в палате лордов
консерватор.
Отец – колониальный губернатор.
А я живу, сама не понимая,
В кого я непослушная такая.

Мой коннетабль дерзок был и прям.
Он погрузил мне розу в локон белый.
Теперь мы вместе бродим по морям
И грабим золотые каравеллы.

Прощайте, папа! Родина, прощай!
Теперь я озорная флибустьерка.
Дрожат Коломбо, Дели и Шанхай
От нашего лихого фейерверка.

1991

* * *

И уже я на чужбине.
Вновь очнусь, забывши страх,
Коброй в бронзовой пустыне,
Барсом раненым в горах.

Или, гордый и богатый,
Покоритель дальних стран,
Волосато-бородатый
И лихой, как ураган.

Мой кинжал багров от крови,
Карабин от пыли сер.
И ложится в изголовье
Тигр, как преданный нукер.

А когда за цепью горной,
Посреди дремучих чащ
Пронесется всадник черный,
Развернется черный плащ,

Я лечу в лучах эфира
Одиноким Робинзоном,
И шикарная квартира
Встретит ласковым музоном.

Стол в гостиной залит светом,
В хрустале трепещет блик.
Я и сладкая Жоржетта
Смотрим супербоевик.

Разогретый поцелуем,
Упакованный в фирму,
Почему-то я тоскую,
Сам не знаю, почему.

Отчего душа не тает,
Встретив темно-синий взгляд?
И уже не вдохновляет
Ни «Клико», ни шоколад.

Отчего «фигней» страдаю
И имею бледный вид?
Чу! Красотка молодая,
Слышишь цоканье копыт?

Видишь, всадник на пороге
Грациозен и блестящ?
Вот меня, как ночь в дороге,
Накрывает черный плащ.

Снова выбрит и подстрижен.
Полюби меня, Жоржетта!
Ноблюдаю в телевижен
За развитием сюжета:

Мужики друг друга грузят
И из свалок не вылазят,
Недострелянных мутузят,
Отмутузенных дубасят.

Я люблю свою Жоржетту,
Я люблю такие ленты,
Парики, ризницы, кареты,
Полный зал, аплодисменты.

1991

ПОЛКОВНИКУ НИКТО НЕ ПИШЕТ

Полковнику никто не пишет,
А в чем причина – он не знает.
Он ждет. Зимой на стекла дышит
И смотрит в даль. Не помогает.

Но нет, не пишут! Это странно...
А впрочем, было бы не слабо,
Когда с курьером утром рано
Пришла б депеша из генштаба.

Или любовная записка,
Пусть небольшая – пара строчек,
А в ней какая-нибудь киска
В углу поставит вензелечек.

Полковник смотрит вдаль упрямо.
Пусть Розалинда или Маша
Пришлют с вокзала телеграмму:
«Встречайте, я навеки ваша».

А вдруг письмо придет под вечер
С эскортом черных бэтээров,
И в нем укажут место встречи
Однополчан-легионеров.

Он вспомнит старые делишки,
Его медали забренчат,
Ему герл-скауты – малышки
Розаны свежие вручат...

Все тщетно. Ночь прохладой дышит.
Окно. Бинобль. И чистый лист.
Полковнику никто не пишет,
Но он, однако, оптимист.

1991

* * *

Ямагути-гуми¹ – это я могу:
Я ударю табуреткой по врагу.
Харакири я устрою подлецу!
Засадил я ему я пяткой по лицу.
Отлежался и ушел на свой линкор.
Не видала я миленочка с тех пор!

Ой, японки-девочки, слушайте – спою
Про любовь про забубенную мою!
Не гуляйте по японской по реке,
Не любите с кем попало в бамбуке.
От себя гоните, милые, взашей
Окаянных англичанских алкашей!
Я себе, мои подружки, повстречаю
Хоть какого, но родного самурая.

1991

¹ Ямагути-гуми – японская мафия.

ИТАЛЬЯНСКОМУ ПАРЛАМЕНТАРИЮ ИЛЛОНЕ СТАЛЛЕР, ИЛИ ПРЕКРАСНОЙ ЧИЧОЛИНЕ

Голосок – как звонкий талер.
Губки – спелая малина.
Я люблю Иллону Сталлер,
Крошку донью Чичолину.

Я пошлю за ней карету,
Искры вышибут подковы.
Приезжай, мечта поэта,
В наш парламент бестолковый!

Я ее сначала встречу,
Отвезу ее в свой замок.
Будут нежны наши речи
За бутылкою «Чинзано».

Если б был я Хасбулатов,
Я бы после этой пьянки
Разогнал бы демократов
Ради крошки-итальянки.

На нее решу поставить.
Русичи! Гордитесь мною!
Лишь она сумеет править
Сексуальною страной.

А когда забудет горе
Даже русская природа,
Прошепчу ей: «Ми, аморе!»
От лица всего народа.

Ласково поднимет веки,
Губки маком заалеют,
Полюблю ее навеки,
И она не пожалеет!

1992

АННЕТ

«На днях будучи у Эллен...»

Шатобриан

Этот фейс отвратительный ленин
Я забыл у прекрасной Аннет.
Ну, зачем появился олений
Ее мужа в дверях силуэт?

Где ты был, очарованный странник,
Когда даме я сделал визит?
Я всего лишь счастливый избранник,
Я на волю хочу, паразит!

Я владею изысканным слогом.
Ты владеешь искусством «ушу».
Я не знал, что роман с эпилогом,
Отпусти меня, очень прошу...

А Аннет мотыльком попорхает
И обратно придет, наконец.
Ведь она не такая плохая,
Это Сталин бандит и подлец!

Взяв супругу за стан за осиный,
Обо мне навсегда позабудь...
Что ж ты хлопаешь дрыном осиным
О мою благородную грудь?!

1992

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сарафан синий,
Сама бела.
Не была красива,
Была мила.

Приворожила,
Любила всласть,
Но закружила
И унеслась.

А ветер ленты
На плечи бросил.
Так волны летом
Летят от весел.

Так чья-то воля
Уносит стаю,
И роща в поле
Стоит пустая.

Лес обреченный
Опережая,
Такая черная
И чужая.

1992

ПИСЬМО АБХАЗСКИМ ДРУЗЬЯМ

Заскучать. Взять билет небрежно...
Холод. Поле аэродрома.
И увидеть, как в жизни прежней,
Зиму, горной тропы изломы.

Здесь печаль не имеет веса...
Эхо звонкое над деревней
Разольется дождем по лесу,
Над глубинами башни древней.

Ты спускаешься. Вечер синий.
Тени тонки, как балерины.
И закружится хрупкий иней
На густых листьях мандарина.

Море свежее в даль открыто...
На причале замри и слушай,
Как волна, словно хищник сытый,
Осторожно коснется суши.

И крадется на пышных лапах...
Ты почувствуешь – это свобода...
Мандарина оранжевый запах –
Запах нового года.

Январь 1992

VOILA – ЖАКЛИН

Спит Жаклин. Свой локон уронила
Мне на грудь. В гостиной полумрак.
Помнишь, как впервые посетила
На бульваре скромный особняк?

Я сказал, к плечу склонившись гибко:
«Здесь не Елисейские поля...»
«Voilà», – сказала ты с улыбкой.
Я ответил нежно: «Voilà».

«Voilà – Жаклин», – такое имя
Я тебе придумал в этот час,
В час, когда судьба соединила
И не разлучит навеки нас.

В ласках и любви не зная меры,
Скрылись в будуаре от людей,
Но через багровые портьеры
Пробивался голос площадей.

За окном толпились демократы.
Ельцин ездил на броневике...
Я стоял с улыбкой, виновато
Прикасаясь к маленькой руке.

Мон ами, мы в странном государстве!
Здесь у нас сюрпризы каждый день.
Никогда парижское лекарство
Не излечит русскую мигрень!

Спруты, адвокаты терразини,
Бары, шмары, фикусы в вине...
Блеск и нищета буржуазии
В этой удивительной стране.

Оттого, в уста тебя лобзая,
Дум твоих тревожить не хочу.
Что же дальше? Видит Бог, не знаю!
А когда узнаю – промолчу.

Причитанья о талоне, хлебе
Недостойны истинных мужчин!
Спи, моя изысканная бэби,
Voilà, по имени Жаклин.

1992

* * *

Звук африканского напева
Над парком чист и серебрист.
В покоях черной королевы
Спит молодой авантюрист.

Уж ей о чести думать поздно.
Ее ласкает лунный свет,
И ниспадает грациозно
Душистый локон на манжет.

Это джунгли Мадагаскара.
Это чужая страна.
В сумрачных дебрях дыханье кошмара,
Дикая ночь без сна.

Уже в ночи его убийцы
Ждут по приказу короля.
Здесь на пощаду не надейся,
Им не понять твоей тоски.
И жаждут крови европейца
Их обнаженные клинки.

Это джунгли Мадагаскара.
Это чужая страна.
В сумрачных дебрях дыханье кошмара,
Дикая ночь без сна.

Герой погибнет, полный гнева,
В бою, похожий на грозы,
И молодая королева
Прольет хрустальную слезу.

Ее глаза от горя серы.
Рассвет над берегом, замри!
Так погибают флибустьеры
В лучах израненной зари.

Это джунгли Мадагаскара.
Это чужая страна.
В сумрачных дебрях дыханье кошмара,
Дикая ночь без сна.

1992

ДИКИЙ УЖИН

Я гулял по замерзшей аллее
В шубе пышного баргузина.
Вдруг увидел прекрасную фею
В свалке около магазина.

Я достал ее нежно оттуда,
Отряхнул и сказал себе: «Ах!»
Изумителен блеск изумруда
В этих темно-зеленых глазах!

Мои ami, я, как Цезарь, бесстрашен,
А рассердишь – я злой, как Малюта!
Так идем же в кафе «Sorry Russian»,
Даже хрен там, и тот на валюту.

Отдохнем от колбасных истерик
И увидим, под звон мандалин,
Лимонада лазоревый берег
И тоску шоколадных долин.

Франсуа на моем лимузине,
Словно ветер, доставил нас в бар,
И уже серебро баргузина
Принимает усталый швейцар.

Что я вижу, войдя в помещение,
Вы меня не поймете. Куда вам!
Я не помню сильней ощущенья
Даже в детстве у клетки с удавом.

Рижский рынок, три грязных вокзала,
Город Люберцы, злая Чечня –
Все вместила просторная зала,
Все недобро глядит на меня.

Кто-то мрачный, как в видике «Шокер»,
К нам подкрался и, выждав момент,
Прошептал мне с улыбкой: «Я брокер...
Скоро сделаю вам менеджмент...»

Я все понял. Схватил свою фею,
Обернулся и крикнул: «Не дам!»
Но, с ужимками Бармалея,
Он унес ее по проводам.

В страшном гневе нахмурились брови,
Я нахлынувших чувств не сдержал.
Я возжаждал немедленной крови,
Обнажив свой абхазский кинжал.

Засверкал он, а эти макаки
Налетели, как ночью пурга.
Я отбил три слепые атаки
И забыл его в сердце врага.

Был подобен стремительной буре,
Проклял Родину, жизнь и судьбу.
Вслед моей уходящей фигуре
Рэкетеры открыли стрельбу...

Как индеец, я шел разукрашен.
За доллары – такая фигня!
Никогда в кабаке «Sorry Russian»
Вы не встретите больше меня...

1992

СНЫ ЧЕРНОГО ГРАНД-КОННЕТАБЛЯ

ПЕРВЫЙ СОН ЧЕРНОГО ГРАНД-КОННЕТАБЛЯ

I
Тает манго на подносе,
И бургундское разлито.
Коннетабль будет в восемь,
Вместе с ним прибудет свита.

Восемь. Ветер по портьерам.
Распахнулись двери резко.
Это входят офицеры,
Особняк наполнив блеском.

Вот слуга с шампанским замер,
Их улыбка тонет в пене,
И фужер летит на мрамор
Полированных ступеней.

Звон стекла.
Проходят в залу.
Герцог их встречает гордо.
Он срывает им устало
Три роскошные аккорда

За роялем белоснежным...
Задрожала скрипок стая
Звуком трепетным и нежным,
В фейерверк перерастая...

Все смешалось: аксельбанты,
Эполеты и кинжалы...
Осторожно музыканты
Скрипки легкие держали.

И летал смычок, как локон
Легкой юной балерины.
Проносились мимо окон
Феи в пышном кринолине.

Опустился вечер синий.
Свечи плавилась устало.
Появилась герцогиня
С блеском королевы бала.

Покровительница граций,
Вся, как музыка Корелли...
За нее он будет драться
Завтра утром на дуэли.

В полдень, в удаленном месте
Станет частью пейзажа
Образец французской чести –
Профиль гордого «Лепаж»¹.

Он украшен перламутром,
Никогда не даст осечки...
Не забыть бы только утром
Про дуэль на Черной речке.

ВТОРОЙ СОН ЧЕРНОГО ГРАНД-КОННЕТАБЛЯ

II
А теперь, читатель,
Коннетаблю снится:
Ночью неприятель
Перешел границу.

Подлый, как Иуда,
Мощный, как гора,
Наступает всюду,
И кричит: «Ура!»

¹ Лепаж – французский дуэльный пистолет XIX века.

Защищаться поздно,
Но не Коннетаблю!
Он встает и грозно
Обнажает саблю.

Грузит автоматы,
Чистит сапоги,
Близок час расплаты,
Гнусные враги!

А враги кидают
Бомбы с дирижабля,
Но не испугают
Этим Коннетабля!

Он на вражью стаю
Падает орлом.
Рубит и стреляет.
Близок перелом.

Грозный, как Атилла,
Сеет смерть и страх.
Тает вражья сила,
Наступает крах.

«Уничтожить банду
Всю одним ударом!»
Он дает команду
Преданным гусарам.

На большое дело,
За простой народ
Полетели смело
Всадники вперед.

Пусто поле боя,
Враг бежит разбитый.
Вот они, герои!
Вот они, джигиты!

Дамы шепчут нежно:
«Слава Коннетаблю!»
Он стоит небрежно,
Опершись на саблю.
Дерзкий на дуэли,
Грозный на войне...
А и в самом деле –
Слава, слава мне!

Июль 1992

НЕОКОНЧЕННЫЙ ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ВИЛЬГЕЛЬМ БУШ,
МАКС И МОРИЦ

(История мальчишек в семи проделках)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто упрям и непослушен
Прочитай или послушай!
Я начну издалека:
Жили два озорника,
Эта парочка могла
Делать добрые дела,
Но она бралась умело
Только за плохое дело.
Обо всем расскажет стих.
Макс и Мориц звали их.
Люди стонут, звери плачут,
Почему? Что это значит?
Кто чужому горю рад?
Кто залез в соседский сад?
Даже в церкви, даже в школе
Выступает в скверной роли?
Это два моих героя.
Их в конце, от вас не скрою,
За проделки ждет расплата.

А послушные ребята
Пусть теперь посмотрят сами,
Что случилось с шалунами.

ПРОДЕЛКА ПЕРВАЯ

Человек привык трудиться.
Он разводит дома птицу,
Чтобы для его стола
Яйца свежие несла;
Во-вторых, она такое
Аппетитное жаркое!
В-третьих, пух или перо
Тоже нужное добро,
Потому что он привык
Лечь на мягкий пуховик.

Фрау Болът была вдова.
Одинока, как сова.
Все богатство у старушки –
Петушок и три несушки.
Макс и Мориц тут как тут.
Быстро хлеб они несут,
Мелко режут на кусочки
Петушку и каждой квочке.
Что за странная забава
Во дворе у доброй фрау?
Притаившись у калитки,
Хлеб привязывают на нитки.
Нитки связывают крестом,
Оставляют под кустом.

Петушок гуляет. Вдруг
Видит хлеб, зовет подруг:
«Ко-ко-ко, скорей сюда,
Здесь отличная еда!»

В общем, птицы спозаранку
Проглотили всю приманку.
Но опомнились, и вот –
Не назад и не вперед.
Не направо, не кругом,
Не отдельно, не вдвоем.

С перепугу птицы ввысь
Над забором поднялись.
Но повисли на суку –
Вот и все «Ку-кареку».
Стали шеи их длиннее,
А кудахканье слабее.
Так несушки и петух
Испустили птичий дух.

Спит вдова спокойным сном.
Что за звуки за окном?
Смотрит вверх – какой кошмар!
Мог хватить ее удар.
Ведь она любила их
Птичек ласковых своих.
И старушка вся в слезах
Причитает: «Ох» да «Ах!»
Глубоко огорчена
В дом опять идет она.

Нож приносит из кладовки,
Режет крепкие веревки.
И, качая головой,
Мертвых птиц несет домой.

ПРОДЕЛКА ВТОРАЯ

Наша бедная вдова
Долго плакала сперва,
Но потом решила – что ж
Раз от жизни не уйдешь,
Надо все принять как есть,
Птиц пожарить, после съесть.

Дальше дело было так:
Плача, разожгла очаг,
Плача, ощипала их,
Бедных курочек своих,
Вспоминая, как они
Пели в солнечные дни.
А теперь на кухне в ряд
Бездыханные лежат.
Не жалела фрау слез,
Рядом с ней крутился пес.

Макс и Мориц, это слыша,
Забираются на крышу,
Забираются, и вот –
Смотрят через дымоход.
Видят – курицы-красотки
Жарятся на сковородке.

В очаге горят дрова.
Только бедная вдова
Отойти решила снова,
Взять капусту для жаркого.
И спускается в подвал.
Для мальчишек час настал.

Было времени полно.
Приготовились давно.
Макс удилище берет,
Опускает в дымоход.
Курица – вот это да! –
Исчезает без следа.
Вот так да! – Теперь смотри:
Исчезают целых три.
Остается – вот так да! –
Чистая сковорода.
«Петуха кто-то унес!» –
Удивленно лает пес.
Но мальчишкам все равно –
Их на крыше нет давно.

Но о них потом. Сперва
Как назад пришла вдова.
Смотрит фрау – что за бред?
Есть гарнир, жаркого нет.
Где жаркое? Вот вопрос!
И она решила – «пес!»
Ах ты вор и негодяй!
За жаркое получай!
И устроила на славу

Над собакою расправу.
Ей досталось хорошо
Поварешкою большой.

ПРОДЕЛКА ТРЕТЬЯ

Жил портной в одном из сел,
По фамилии «Козел».
Для него проблемы нет
Сшить пальто или жилет,
Модный галстук или фрак,
Брюки и любой пиджак,
Повседневный, выходной –
Все пошьет Козел портной.

Если было что пошить,
Брал иголку, мерил нить,
Штопал или пришивал –
Никогда не уставал.
Пришивал на радость нам
Даже пуговицы к штанам.
Постоянно шил, кроил.
Это дело он любил.
Был портной всеобщий друг,
Его знали все вокруг.

Макс и Мориц вместе снова.
Проучить хотят портного,
Насолить хотят ему.
Он живет в большом дому.
Дом построен у реки.

Через речку есть мостки.
Два моих озорника,
Взяв пилу, исподтишка
На мостках с усмешкой злою
Их подпиливают пилою.

Шьет портной, в душе покой,
Слышит крики за рекой:
«Эй, козлиная нога,
Покажи свои рога!»
Все Козел стерпеть готов,
Но от этих гнусных слов
Он линейку сжал в руке
И бегом бежит к реке.

1992

* * *

Мне приносит этим летом
Телеграмму почтальон:
«Срочно требую поэта
К новой жертве. Аполлон».

Я проверил – все ли дома?
Все. Но пишут мне опять:
«В семь хороним домового.
Приезжайте. Будем ждать».

Еле скрыл свое волнение.
Вдруг депеша, словно гром:
«Помню чудное мгновение.
Все подробности письмом».

1992

* * *

Прогремела гроза над пустой равниной.
Она зимой укутана шубою соболиной.
Она зимой румяная и молодая
И звенит бубенцами от Питера до Валдая.

А теперь где Валдай? Близко ли,
далеко ли?
Только гром прогремит гулко в пустом поле
Да в сухом ковыле, как ребра, торчат овраги.
Даже волки в степи не хищники,
а бродяги.

Значит, сам виноват, что степь называл
страною.
По степи гроза никогда не пройдет
стороною.

1992

* * *

Все меняется в этом мире.
Только вечером одиноко
Иногда по своей квартире
Бродит тень Александра Блока.

Кутежи и веселье в доме,
Жест раскован и хохот громок.
Александр печально ловит
Взгляды ветреных незнакомок.

1992

ТРИПТИХ

1

Сердце осенью очистив,
Понимаешь год от года
По полету мертвых листьев
Равнодушие природы.

Все равно исчезнет слово.
Осень рыжая растает.
Станет лес печален, словно
Колыбель ее пустая.

Но полет листе не страшен,
Время бурь и революций
Тает. Только души наши
Эхом чистым остаются.

2

Чувствую: скоро настанет последний день
Или пизец (простите за выражение),
Только пока не знаю, когда и где
Встречу приказ: «Всё! Прекратить движенье!»

Всё! Ударили по тормозам.
Стану бесчувствен, холоден, неподвижен.

И хотя ослепнут мои глаза,
Я буду видеть то, что сейчас не вижу.
Мне пространство и время
 не будут уже мешать.
Я останусь здесь и одновременно
 исчезну,
Потому что движение, гармония
 и душа
Сольются и вновь
 образуют бездну.

З
Знать о будущем и былом
Опаснейшая из затей.
Черный грач зачеркнет крылом
Образ твоих детей.

Коснется крылом твоего плеча...
Лучше не ворожить!
Пока твой ангел не заскучал,
Можешь еще пожить.

Можешь прорваться за грань – туда,
Обратно не проскочить...
Ангел скучает. Летит звезда
Птицей слепой в ночи.

Написано в ночь перед отъездом в Абхазию
15 августа 1992

* * *

Спешу на рассвете к вершинам в тумане,
Лечу за сияньем звенящей волны.
Меня мои горы в пути не обманут –
Они мне навеки с рожденья даны.

Кавказ седоглавый, овеянный славой,
Другого такого нигде не сыскать!
В нем жизни истоки, в нем сердцу дороги,
Кавказ седоглавый спешу я обнять.

О, горская песня – орлиные крылья,
Ты мне подарила любовь и покой.
О, горская песня, старинные были,
Ты к сердцу стремишься поющей волной.

Умчусь от тебя я, вдали затеряюсь,
Но только сквозь эхо кавказских хребтов
К тебе все равно я домой возвращаюсь,
Мой край самый добрый и самый святой...

Август 1992

ПЕСНЯ БАТАЛЬОНА ШАМИЛЯ

Над Грозным городом раскаты,
Гуляет буря между скал.
Мы заряжаем автоматы
И переходим перевал.

В страну, где зверствуют бандиты,
Горит свободная земля,
Приходят мстители-джигиты
Тропой имама Шамиля.

Врага отвага поражала
В лихих отчаянных делах.
В бою на лезвии кинжала
Напишем кровью: «Мой Аллах!»

Помянем тех, кто были с нами,
Кого судьба не сберегла.
Их души тают над горами,
Как след орлиного крыла.

Август 1992

ПЕРЕВОДЫ ИЗ АБХАЗСКОЙ ПОЭЗИИ

ПАСТУШЕСКАЯ СВИРЕЛЬ

Когда бродили зубры по горам Абхазии, а волки брали пищу с рук Охотника-Гудисы, осень выходила из леса и спускалась по виноградникам к морю.

И теперь, в это время, чертят ночное небо «летающие святилица – аныхи», сбивая макушки деревьев роскошным огненным хвостом.

Такой я вижу Абхазию, где язычество жило в душе династии Великого Абхазского царя Леона, доставшись ему вместе с кровью его предков – гениехов, – славных пиратов – «ашхаруа», от одного имени которых заливался слезами грозный Цезарь и в бессилии бил кулаком по расстеленной на столе карте Понта Авксинского – «моря негостеприимного», ошетилившего кинжалы навстречу гостям-завоевателям.

Здесь бродил царь Леон II, разбив наголову персов и арабов, отделившись от своего двоюродного брата Базилевса Византийского, не пришедшего на помощь абхазскому государю.

Здесь скрывались у его наследников последние оставшиеся в живых претенденты на грузинской престол – два брата, бежавшие от Мурвана Глухого – турецкого султана Махмуда, без пощады прошедшего через всю Грузию и остановленного на границах Великого Абхазского царства армией непобедимых «нарттов».

И по сей день не умолкает звон клинков и грохот выстрелов в дебрях цвета бордо – непроходимых джунглях абхазской осени,

в которых потерялось время, появляясь в виде двадцатиметрового удава, пугающего далеко ушедших в ущелья лесорубов, то в виде дракона – агулщапа, не знающего, что его время ушло вперед на несколько миллионов лет.

Это царство лесного бога Ажвейпша, посылающего добычу тем, в ком живы честь и отвага славных абхазских лучников, разум и зрение колдунов-философов, склонившихся над письменами камней-дольменов, христианских фресок времени зарождения христианства и причудливой вязью исламской молитвы, занесенной сюда полтора столетия назад имамами Шамиля.

На этом переплетении религий, веков и культур стоит Абхазия. Время посылает новых джигитов на смену павшим, как осень, гибнущая в самом начале зимы, оживает ровно через год в спелых кистях винограда, а эхо со звоном упавшего клинка, пролетев по дебрям древними подземными лабиринтами – «пещерными городами царя Леона», уходит в джунгли Латинской Америки, в Абиссинию («Апснию») и Египет (Мсра), чтобы отозвались эхом сердца далеких, ищущих свободу «абреков».

Теперь, после сказанного, мне будет легче перейти к поэзии Абхазии. Прошу рассматривать эти мои попытки как начало создания антологии абхазской поэзии, пускай субъективной антологии, но все же особого рода собрания стихов любившихся мне поэтов.

Александр Бардодым

Баграт Шинкуба

АЧАРПЫН¹

Жил пастух на белом свете.
За трудами поседел,
И не видели соседи
От него недобрых дел.

Скромно жил до урожая,
Пас овец, имел семью,
И не плакал, провожая,
Бедный, молодость свою.

Но за что такая участь? –
Нет детей, ребенка нет.
Ожиданьем долгим мучась,
Он прожил тринадцать лет.

Поседевший раньше срока,
Погружен в свою беду,
Вечерами одиноко
Он встречал закат в саду.

¹ Ачарпын(абх.) – пастушеская свирель

«Подлый мир, зачем обманом
Ты поил детей своих?
Для одних ты стал желанным
И жестоким для других.

Голоса, что здесь звучали,
Отзвенели и остыли,
Бросив женщину в печали,
Словно жернова пустые.

Суждено – наследник станет
Даже грешнику прощеньем.
Сына нет – и жизнь растает
И не будет возвращенья.

А когда уходит сам он,
Кто тогда, душа какая
Обернет в холодный саван,
Сердце плачем согревая?

Я с рожденья, ежечасно
Думал: мир подобен раю...
Неужели жил напрасно
И напрасно умираю?»

* * *

Так душа его кричала
Все сильнее и сильней...
И тогда жена зачала
От него в один из дней.

Потерявши сон и веру,
Изменился в эти дни,
И в глазах, от горя серых,
Снова ожили огни.

«Боже мой, твоею властью
В нашем доме будут дети!»
А ребенок рос для счастья,
Словно солнце на рассвете.

* * *

Раз пастух большое стадо
Гнал за перевал.
Сын его крутился рядом,
Часто повторял:

«Дад, хочу пойти с тобою,
Горы в даль манят...
На лугах с густой травой
Я бы пас козлят.

Я сыграю на свирели –
Станет им легко.
Разогрею, встав с постели,
Утром молоко.

А когда придешь уставший,
Пот смахнешь с лица,
Поднесу тебе пропахший
Дымом ахырца¹.

Звездной ночью рядом ляжешь,
Если мне не спится,
О Сасрыкве² мне расскажешь
Были-небылицы.

Разольется в небе темном
Тихий свет луны
В час, когда ударов сонных
Голоса слышны.

Я усну, глаза закрою,
Помолюсь богам.
Дад, возьми меня с собою
В горы на луга!»

Над ружьем отец нагнулся,
Меряя заряд,
Чуть заметно улыбнулся:
«Ну, конечно, дад!»

¹ Ахырца – абхазский пастушеский напиток. Мацони разбавляют водой и кидают в кружку раскаленные камешки.

² Сасрыква – богатырь, герой «Эпоса о Нартах».

Так пастух послушал сына,
Взял его с собой,
В край, где горные вершины
Манят белизной.

Повели они отару
Мимо круч и скал
Ввысь, где имя «Куабчара»
Носит перевал.

Там холодная река
Падает с обрыва.
Словно серна, облака
Дикие и пугливы.

А теперь далекий край,
Затаившись, слушал
Детский смех, собачий лай,
Окрики пастушьи.

Как собаки, если вдруг
Волки бродят где-то,
Собирают стадо в круг,
Лая до рассвета.

А пастух ходил по кручам,
Пас овец в тени,
Но случился странный случай
На охоте с ним.

Где ущелья смотрят хмуро.
Шум обвала глух,
Там, в горах, большого тура
Застрелил пастух.

Рухнул зверь, слетев с обрыва,
На крутой карниз,
И охотник торопливо
Стал спускаться вниз.

А когда дошел до цели,
Обнажил кинжал,
Тур сорвался, и в ущелье,
Раненый, упал.

Что ж... Назад пастух вернулся,
Сел, загоревал:
«Почему я промахнулся,
В сердце не попал?»

Вдруг все стадо, что в округе
На лугу паслось,
Закружилось, словно выюга,
В пропасть понеслось.

«Где же зверь, который стадо
Напугал мое?»
Обводя округу взглядом,
Взял пастух ружье.

И засыпал порох свежий,
Чтоб наверняка...
Видит силуэт медвежий
В дебрях тростника.

Выстрел. Горец напряженно
Пот смахнул с лица...
Боже! Сын лежит сраженный
Пулею отца.

Тростника нарезал ворох
Мальчик для свирели.
Оттого услышав шорох,
Овцы ошалели.

Не в обычае джигита
Плакать от тоски.
Но как быть, когда разбито
Сердце на куски?

Положив на бурку сына,
Залитого кровью,
Заиграл на ачарпыне,
Сев у изголовья:

«Мир, ты вновь чернее ночи,
Вновь твой горек хлеб!
У меня погасли очи,
Словно я ослеп!

Сын ушел, как плач свирели,
В небо далеко.
Не услышит звонкой трели
Горных родников...

А в долине месяц ясный.
Шьет черкеску мать.
Как ей жить теперь, несчастной,
Что от жизни ждать?

Шьет она, в руках проворно
Пряжу теребя...
Скоро ей на бурке черной
Принесут тебя!»

* * *

И, гулявшие на воле,
Овцы присмирели,
Слыша, как летит над полем
Музыка свирели.

Как рыдал ручей в овраге,
Как стонали скалы...
Утром сердце у бедняги
Биться перестало.

Как свеча, оно сгорело
Над убитым сыном.
Эхом тихим отзвенела
Песня ачарпына.

Анатолий Аджинджал

* * *

Стук копыт до нас донесся утром рано,
Тихий и чудесный, словно сон.
Это появился из тумана
И исчез старинный фаэтон.

Он исчез, как легкое виденье,
Как дыханье свежее росы,
Оставляя сладость сновиденья
В эти предрассветные часы.

А когда, взбираясь на вершины,
Вышло солнце, мир преобразив,
Понеслись по улицам машины,
Оставляя копоть и бензин.

Но ничто бесследно не уходит –
Вновь переплетутся времена...
Так янтарь однажды на восходе
Нам приносит синяя волна.

Мушни Ласуриа

БАТАКУА

Его брат пастух Батакуа
Был сыном гор.

И. Когониа. «Абаата Беслан»

Батакуа, Батакуа,
Ты вечен, словно сталь.
Со мной поделишь радость,
Поймешь мою печаль.

Всегда ты утро ясное
Встречаешь на меже,
И самое прекрасное
Хранишь в своей душе.

Всегда гостей обнимешь,
Всегда твой враг бежал.
Настанет час – поднимешь
За правду свой кинжал.

Когда святыни рушили,
Над нами щелкнул бич.
Ты первый взял оружие
И в Лыхны шел на клич.

Когда, рыча проклятья,
Ты уставал в борьбе,
Слетались нарты-братья
На выручку тебе.

Пушай придется туго,
Но ты, покуда жив,
И с севера, и с юга
Удержишь рубежи.

Когда торговцев свора
Сюда нагрянет вдруг –
Спасешь леса и горы
От их недобрых рук.

Душа твоя открыта
Для чести и добра,
Она прочней гранита
И чище серебра.

Ты стал в труде и битве
Опорой для страны.
Тебе мои молитвы
Всегда посвящены.

Снеся любую муку,
Надежный, словно меч,
Ты донесешь до внука
Родную нашу речь.

...И в каждом доме вечно
Горит своя свеча.
Ты в детстве бесконечно
Мне снился по ночам.

Я выдержу любое,
Не пропаду в огне.
Ты волей и борьбою
Наполнил сердце мне!

Таиф Аджба

СОН

Камень, тронутый росой,
Я обжег камчою.
Гунда¹ с длинною косой
Вышла предо мной.

Вот лежит еще один!
Я ударил снова –
Мне явился из былин
Богатырь Нарджхеу².

В третий раз от плети злой
Искры понеслись –
И с натянутой стрелой
Ожил Хважарпыс³.

^{1,9,10} Согласно «Эпосу о Нартах» красавица Гунда и дравшиеся из-за нее герои Нарджхеу и Хважарпыс были прокляты и окаменели.

Кто еще, узнать хочу,
Камнем обернулся?
Подошел, поднял камчу,
Вздрагнул... и проснулся.

Сколько я бы разбудил,
Глыбами укрытых,
Из неведомых могил,
Ныне позабытых!

Анатолий Лагулаа

ДУМАЯ О МАХАДЖИРАХ

Листья дерева порою
Кружит ветер над землею,
А за морем, как попало,
Буря листья раскидала.

Унесла. Они отныне
Спят в безжизненной пустыне.
Им хотелось снова в стаю
Прежде, чем они растают,

Обрести, что потеряли.
И в тоске они шептали:
Разве смерть срывает грубо
У корней родного дуба?

Не сумев привыкнуть к пыли,
О весне они молили.

Игорь Хварцкия

ЦЕНА МОЛЧАНИЯ

Утром в горы бросил крик.
Голос мой летел и рос,
Прыгал, бился об утес.
Поразился, как он рос,
Тот, кто слушал в этот миг.

Голос рвался, полный сил,
Словно выстрел, ударял
О молчанье древних скал,
Но ответ мне прозвучал:
Кто же, кто же нас убил?

Раскололись и дробились
Камни в грохоте обвала,
Лишь теперь мне ясно стало:
Тишина их охраняла,
Мне молчание открылось...

СУДЬБА

*Есть растение, которое цветет
Раз в жизни и умирает после этого*

Пускай на нем лежит проклятье
И губельно его цветенье,
Весна приходит – и опять он
Живет надеждой на спасенье.

Живет среди других, страдая,
Когда вокруг весна ликтует,
Своей судьбы не принимая,
На светлом празднике тоскуя.

Но он дышал весной безбрежной,
Когда однажды на рассвете
Оделся в траур белоснежный
И умер, смерти не заметив.

Он был рожден, годами мучась,
Соединить в одно мгновенье
Свою немислимую участь –
Печаль могилы и цветенье.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Рисунок Саши Бардодыма

ПОНЯТИЕ ИСТИНЫ ПО ЕВАНГЕЛИЮ У ТОЛСТОГО И ДОСТОЕВСКОГО

Христос по Евангелию многолик. Его идеи получили громадное распространение по всей территории Европы, благодаря книгам божественного и философского содержания.

Кроме чисто религиозных идей, Евангелие содержит в себе огромный философский смысл. Символика, изобилующая в Евангелии, открывает в нем множество проблем философского характера и дает возможность пересмотреть Евангелие с чисто философской точки зрения.

Центральной фигурой Евангелия предстает Иисус Христос Назарей. Это делает его главным носителем всех философских идей этой книги.

К Евангелию, как к носителю высших духовных и философских основ, обращалось множество деятелей мировой культуры.

Неудивительно, что им заинтересовались и такие два великих классика русской литературы, как Толстой и Достоевский. Образ Христа раскрылся каждому из них по-своему, ибо даже по самому Евангелию Христос многолик и неоднозначен.

Например, в Евангелии от Матфея, глава V (39, 44) Иисус говорит: «А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». И тут же в главе XVIII (6): «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской». Тем самым Христос в этом случае призывает ответить насилием на насилие, которое выше отрицал и проповедывал «не противиться злему».

Поэтому нет ничего удивительного, что трактовка Христа у двух авторов разная. У Достоевского Христос – очищение, страдание, всепрощение. У Толстого – правда, закон, мысль. В общих чертах это выглядит так.

Толстой понимал Христову истину по Евангелию с точки зрения разума. Его герои постигают истину не чувствами, не восприятием, как у Достоевского, а разумом, рассудком. Примером тому может служить цитата из «Воскресения». В финале романа читающему Нехлюдову открывается истина, к которой он шел на протяжении всей книги: «Случилось то, что мысль, представлявшаяся ему сначала как странность, как парадокс, даже как шутка, все чаще и чаще находя себе подтверждение в жизни, вдруг предстала ему как самая простая, несомненная истина». Истина у Толстого всегда приходит к человеку со стороны разума через мысль и слово. «Как это случается со многими и многими, читающими Евангелие в первый раз, читая, понимал во всем их значении слова, много раз читанные и незамеченные». Образ Христа часто появляется у Толстого в виде нищих, бродяг и юродивых. Например, в романе «Воскресение» в облике Христа выведен старик, увиденный Нехлюдовым на пароме. Старик появляется в переломный момент жизни Нехлюдова. Нехлюдов после разговора с Симонсоном и Катюшей Масловой заново ищет духовный смысл жизни, увидев невозможность искупления своих грехов через женитьбу на Масловой. Неслучайно он оказывается на пароме как бы между двумя берегами. Отчалив от одного и еще не пристав к другому, Нехлюдов находится в состоянии выбора и нравственного поиска. Этому сопутствует вечная картина, которая открывается ему в этот момент. Река, на которую обращен его взор, олицетворяет вечность («Нехлюдов стоял...» и т.д.). Перед устремленным в вечность Нехлюдовым мысленно проходят два образа – Крыльцова и Катюши Масловой – смерти

и жизни. И в момент духовного выбора, когда для Нехлюдова решалась судьба, перед ним является образ Христа в виде нищего старика. Старик, появившийся на пароме, впоследствии натолкнет его на истину, которую он постигнет, читая Евангелие.

1983

* * *

Вечность неразрывно связана с тем великим и огромным, сквозь которое, словно через колоссальную плотину, протекает река Времени, постепенно сливаясь в единое целое, что получило название «Вечность». Эта колоссальная плотина и есть Мир.

1984

* * *

Смысл жизни очень далек от самой жизни.
Жить так, чтобы что-то было выше,
Чем сама жизнь – чувствовать это и знать.
Чувствовать – значит есть душа.
Знать – это уже философия.

19 февраля 1985

* * *

Вся деятельность человека – это стремление жить, удовлетворение тех всеобъемлющих чувств, которые нас переполняют, в нас содержатся.

То великое как бы посеяно в человеческую почву, занесено извне и проявляется животным человеческим путем. Как не в силах вырваться из оболочки, так мысль несовершенна.

Чем объяснить чувства человека к прекрасному, его желание украшать жилье (и так бы прожил) или варварское желание то же самое разрушить. Это зависит от чувства – от «души».

Что такое плохо? Что хорошо по отношению к тому, что от человека не зависит? Нельзя наказывать за зло, как бесполезно бить пол, о который ты ударился и на котором ты все-таки стоишь.

1985

* * *

Человек весь состоит из чувств. И любовь, страх и т. д. – такие же полноценные чувства, как обоняние, осязание.

Они так же необходимы в жизни человека, они на одном уровне. Человек буквально переполнен чувствами. Есть чувства основные, которые необходимы человеку, и есть чувства производные, но ставшие неотъемлемой частью человеческого существа. Такие, как ненависть (порожденная страхом), нежность, любовь и т.д., то есть есть чувства условные и безусловные. Характер человека – это сплетение в определенной пропорции всех его чувств. Причем чего-то может быть больше, а чего-то меньше.

Скажем, у слепого сильно развито осязание (за счет слуха), и если недостаток, скажем, нежности, то избыток суровости или еще чего-нибудь, что по каким-то, еще неизвестным, причинам заменяет одно чувство другим. Ведь человек конечен, стало быть запас этих, так назовем, бесконечных качеств у него должен быть в определенной пропорции.

Безусловно, на характер влияют не только внутренние, скрытые и нам неизвестные процессы, но и внешние, например, можно добиться путем какого-либо воздействия, чтобы человек изменился, потерял или приобрел определенные качества, но это неизбежно влечет за собой изменение всего характера человека. Ведь все в природе находится в неразрывной связи и, убирая вглубь одно из качеств, мы не знаем, в какую комбинацию от этого изменения в структуре сложатся остальные. Часто от этого характер меняется коренным образом, хотя, казалось бы, должна измениться одна его деталь.

Человек конечен, но, окруженный понятиями бесконечными (природой), он сам содержит в себе качества бесконечные, которые находятся в постоянном сплетении, борьбе с его конечной сущностью, поэтому человек есть огромный химический процесс, идущий с переменным успехом и бесконечно формирующийся. Но, вместе с тем, процесс этот не имеет ничего общего с химией. Это – то, чего человек не поймет никогда или... оставит далеко позади. Человек конечен и бесконечен одновременно. Абсурд? Напротив, в природе все сплетено теснее, чем мы представляем. Поэтому в движении находится абсолютно все.

Движение – вот неоспоримое качество вселенной, исключаящее наличие каких-либо постоянных законов. Вы спросите: почему же у нас существуют законы физики, химии и т.д. Но сначала ответьте мне – что такое время? В этом и будет разгадка, если она, конечно, существует.

* * *

Слитность революции и христианства – идея цельного мира, который сопротивлялся и не хотел поддаваться идеям Есенина-миротворца.

У каждого поэта должна быть своя философия (это фундамент, о котором говорил Блок), почва. Даже если она потом рухнет, он продолжает быть гениальным, благодаря остаткам разрушенной философии, как Есенин.

Просто описательные стихи никому не нужны. Особенно сейчас, когда их бездна.

Мир оказался не целен. Эпоха раскола. Трагедия Есенина – со своей философией он родился именно на гребне эпохи раскола 20 века.

1985

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА ЕСЕНИНА

Поэзия Есенина далека от всяких традиций русской литературы вообще. То есть она возникла самостоятельно, опираясь лишь на чисто народные, деревенские истоки. Это хорошо видно хотя бы на примере удивительной ритмики ранних стихов Есенина. Европейская ритмика, утвержденная русской поэтической школой, полностью отсутствует в лирике раннего Есенина. Это либо ритм шагов, либо ритм песни. Есенин самостоятельно открывает для себя новую ритмику.

Основная тема есенинского творчества – идея цельного мира. Мира, построенного на всемирной гармонии и переплетении вековых устоев культуры – христианства и языческой Руси. Как раз из слияния этих двух колоссальных основ и рождается философия есенинского творчества, то есть храма всемирной гармонии. У каждого гениального поэта должна быть своя философия, тот фундамент, о котором говорил Блок, называя его темой (25 марта 1913 года). Даже если этот фундамент потом уйдет из-под ног, окажется отброшенным жизнью, поэт не перестает быть гениальным, ибо он до конца останется на «тонущем корабле».

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком в кольце иголок
Мне мерещится Иисус.

Земля и небо у Есенина переплетены. Идея слитности и всемирной гармонии – центральная есенинская тема. Неслучайно рожден этой идеей и образ путника, странника, калики. У стран-

ника нет связей ни с одним из миров, он как бы посредник между небом и землей, не отягощенный никаким материальным грузом: «Я пришел на эту землю нищим».

Есенин выступает в своих произведениях как странник, рожденный для лицезрения гармонии цельного мира. Именно поэтому почти в каждом стихотворении звучит мотив картинности. Начиная с самых первых и кончая последними. Но в последних уже крах философии. Жизнь меняется, и пока «странник ходил», она перевернула устои и уничтожила святыни есенинской веры. Под давлением страшной правды жизни не оставила она в прежнем состоянии и самого странника. Хочет он того или нет, жизнь распоряжается его судьбой помимо воли поэта. Закинутый на самое дно, мир и философия Есенина рушатся в «Москве кабацкой», не находя в неподвижности ни святости, ни почвы. Поэтому трагедия Есенина в том, что со своей идеей объединения ради всемирной гармонии он родился именно на гребне «эпохи раскола». Эпохи революции, эпохи стихии. И трагедией Есенина стал разрыв. Разрыв неба и земли, христианства и революции.

Движение героя в неподвижности, в вековых устоях, в отправной истине, когда вперед движется только герой-странник, а мир остается на месте без изменений, было остановлено, а мир в свою очередь устремился вперед.

1985

ИЗ ПИСЬМА К ВИОЛЕ ВИНОКАН

Москва, 17.09.85

... Итак, у меня все вроде бы нормально. Успешно сдал сессию. Перешел на второй курс. Сразу после экзаменов меня направили проходить практику в Абхазию, корреспондентом одной из абхазских газет. К тому же, я был приписан к местному Союзу писателей и изредка, вместе с абхазскими поэтами, выезжал на концерты. Жил я там в Сухуми, и, надо сказать, местная жизнь не радовала своим разнообразием. Вставал в двенадцать, в час шел обедать в Союз писателей, заодно проходил по всем кабинетам, узнавал последние сухумские новости и шел на море, но на пляж попадал редко – по дороге меня обычно перехватывал какой-нибудь знакомый писатель или художник и вел в кафе выпить с ним пару чашечек кофе. Потом перехватывал еще один, потом еще один, а потом я мог уже совсем не выходить из кафе, так как все равно бы не пролез в дверь – а la Винни-пух.

Через некоторое время я решил ненадолго уехать из Сухуми (и правильно, а то народ останется совсем без кофе) и отправился в Новый Афон к абхазскому художнику и первооткрывателю знаменитых Новоафонских пещер Гиви Смыру. Там снарядили небольшую экспедицию в еще малоисследованную пещеру абхазских гор – Акую. Где-то несколько миллионов лет назад там жили люди и пещерные медведи, но в результате мощного землетрясения вход был завален и единственный путь в Акую – через трещину в куполе, выходящую на поверхность. Так что спуск получился вертикальный, на глубину около ста метров. Стены скользкие, все в плесени, пальцы все время скользят.

Один раз сорвался без страховки, это уже на подъеме, решил не пристегиваться – сэкономил время, – и пролетел довольно-таки не слабо, слава Богу, реакция сработала – успел намотать трос вокруг правой руки и затормозил, ногами упершись в стену. А так, вообще, все прошло all rite. Пещера огромная, с гигантскими сталактитами на стенах, потолка «лунного молока». Среди гигантских обломков и глыб величиной с двухэтажный дом кое-где рассыпан «пещерный жемчуг» (это окаменевшие малюски). Очень красивые «яичницы». Это все спелеологические термины, они на нормальный язык не переводятся, так что пусть себе живут, как хотят. Но самое потрясающее – это в глубине пещеры – гигантское кладбище пещерных медведей. Перемолотые землетрясением кости торчат из скал, многие уже окаменели и грудой рассыпаны на поверхности. Это кладбище по типу кладбища мамонтов в Сибири и динозавров в Монголии. Так же загадочно и необъяснимо, как и то – каким образом такое большое количество «мишек» (ростом около трех метров) попало в эту пещеру, когда они, насколько известно науке, стаями не жили и, наверное, не собирались.

«На свете есть такое, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!» Шекспир прав, как всегда.

«АЖВЕЙПШАА» ИЗ АЧАНДАРЫ

Не успели смолкнуть аплодисменты, предваряющие начало выступления, как из глубины сцены уже полетели звуки старинной абхазской охотничьей песни о грозном и справедливом хозяине гор – лесном царе Ажвейпше. Песня ширилась, росла, наконец заполнила собой зал, и тогда на сцену вышли сами исполнители – одетые в национальные костюмы крестьяне из абхазского села Ачандара. Впереди шел согнувшийся под тяжестью добычи охотник. Остановившись посредине эстрады, он с силой вонзил алабашу в деревянный пол сцены концертного зала института имени Гнесиных. Так началось выступление абхазского фольклорного ансамбля из Абхазии «Ажвейпшаа».

После выступления мне удалось встретиться с артистами и с Вадимом Ашуба – аспирантом государственной консерватории имени Чайковского, инициатором приезда «Ажвейпшаа» в Москву.

Оказалось, что цель приезда – запись на фирме «Мелодия» долгоиграющей пластинки, в которую вошли двадцать абхазских народных песен в исполнении этого самобытного коллектива. Запись проходила под руководством Вадима Ашуба. Работать приходилось много, достаточно сказать, что в этот день пели артисты с утра и до пяти вечера. А в половине шестого – концерт в Гнесинском институте.

И вот теперь, когда концерт окончен, я, беседуя с Вадимом, узнаю, что занимается он изучением абхазских этнографических коллективов уже давно, а именно этот коллектив привлек его внимание своей особенной самобытностью, своей

непохожестью на другие фольклорные ансамбли. К тому же, «Ажвейпшаа» – лауреат Всесоюзного конкурса фольклорных коллективов, проходившего в Сухуме в 1985 году.

Что же заставляет абхазцев петь и поныне старинные народные песни, передавая их из уст в уста, из поколения в поколение?

«Потому, что люди хотят петь, душа у них поет, – отвечает Вадим Ашуба. – Абхазцы не хотят терять связь со своей землей, со своей историей, отсюда и исполнительская любовь к своим песням, легендам, преданиям. Неслучайно до сих пор в исполнении народных песен обязательно присутствует элемент творчества. По желанию певцов песня может стать короткой или длинной, резкой или протяжной. Можно сказать, что с каждым исполнением она как бы заново рождается прямо на ваших глазах...»

Запись пластинки уже окончена, ансамбль возвращается к себе в Ачандару, а нам хочется пожелать этому талантливому коллективу успехов в творчестве, крепкого здоровья и традиционного абхазского долголетия.

*Александр Бардодым,
студент Литературного
института им. А. М. Горького*

1985

ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ

Первым поэтическим осмыслением войны была поэма «Василий Теркин». Поэма писалась практически на линии фронта. Твардовский сам не раз в качестве фронтового корреспондента бывал под огнем, делил горе и радость с теми, кто на своих плечах вынес победу. Поэтому неслучайно в центре поэмы стоит образ простого солдата. Пристальное внимание к человеку как личности во многом характеризует стиль и сегодняшних поэтов, пишущих о Великой Отечественной войне.

В их числе замечательные поэты: Слуцкий, Самойлов, Винокуров, Окуджава, плеяду которых можно назвать плеядой «поэтов-фронтовиков». Они непосредственно принимали участие в боевых действиях, знают цену товарищества, истинную цену человеческой жизни.

Человек на войне – вот основной мотив, проходящий через все их творчество.

Поэты послевоенные. Они не слышали гула разрывов, не ходили в атаку, но прошлое все равно входит в их быт, становится частицей настоящего.

1985

БУНИН

Бунин даже по происхождению русский классический писатель. Он родился в начале 70-х годов XIX века в русской черноземной зоне, в обедневшей дворянской семье. И уже хотя бы одно это ставило его в ряд основной, если так можно выразиться, дороги русской литературы.

Его кумир – Толстой («Брат Яков», «Сто верст»). Рассказы, повести до семнадцатого года – классический стиль. Но уже тогда Бунин – последователь толстовского письма. Душа человека, природа, человек – едины («Антоновские яблоки»). Обедневшее дворянство – запах антоновских яблок.

«Старуха», «Господин из Сан-Франциско» – притчевость позднего Толстого.

«Братья» – восток – он и позже проявлялся у него в его маленьких рассказах – почти стих в прозе.

Тема смерти – гибель как катарсис и барьер у Толстого. Барьер у Бунина почти всегда переход – жизнь продолжается. Вообще накалить сюжет до трагедийности – в характере Бунина. Он максималист. Все или ничего.

Любовь у Бунина. Это один из немногих писателей, который пишет о физической любви не пошло. Если у Толстого однозначно все физическое – похоть, то у Бунина физическая любовь – продолжение духовной.

Случайность и предопределенность.

Переводы – дух главное.

1988

А. С. ПУШКИН. «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Начнем с того, что «Медный всадник» – одна из последних поэм Пушкина, раскрывающая идейно-художественные проблематики, возможна, на мой взгляд, лишь в контексте трансформации идей Пушкина. В частности, идею свободы начал Пушкин с идеи свободы как «пира» – его ранние вакхические песни («Сижу ль меж юношей безумных»). Затем свобода от общества – романтизм («Узник»), затем свобода как борьба с миром («Кинжал») и уже в период изгнания, когда Пушкин остро чувствовал лишение его свободы, сравнивая себя с Овидием, в его творчестве возник крах идеи свободы («Свободы сеятель...»). И с этого периода вообще для Пушкина характерно – резкий уход от романтизма (романтизма – литературного монолога). И вместе с вечным вопросом – почему Пушкин и стал Пушкиным – ввел в литературу неоднозначность, диалогичность, противопоставление.

«Медный всадник» – личность и государство.

Петр неоднозначен (Россия – на дыбы).

Евгений – параллельно с государством – маленький человек.

Свобода личности и государство.

Государство у Пушкина – стихия. «Плетью обуха не перешибешь».

Мистицизм – поиск Пушкиным ответа через осознание, неведомое («Я понять тебя хочу...»).

ПУШКИН И ШАРЛЬ НОДЬЕ

(Две повести)

То, что А. С. Пушкин был знаком с творчеством Шарля Нодье, не вызывает сомнений. Написанная им в 1830 году повесть «Барышня-крестьянка» отвечает на этот вопрос уже тем, что молодой Берестов называет своего пса именем одного из наиболее популярных героев Нодье – Сбогар. «Жан Сбогар» – популярная повесть Шарля Нодье. Образ благородного разбойника, овеянного романтическим ореолом, безнадежно влюбленного в богатую и знатную девушку, притом прекрасную и изысканную, занимала в 20–30-е годы 19-го столетия воображение и русских читателей. Не случаен и интерес А. С. Пушкина к популярному сюжету.

Французскими и английскими романами зачитывалась образованная часть российского общества. Сам Пушкин хотя и признавал, что влияние французов на отечественную словесность очень сильное, однако сам он не разделял восторгов тех ценителей французской литературы, которые противопоставляли ее всякой иной литературе. В письме к М. П. Погодину от сентября 1832 года по поводу программы будущего пушкинского журнала («Современник») Александр Сергеевич вполне определенно высказал свое отношение к французам: «Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нонешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Beranger не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, то есть истины; что роман А. Vigny хуже романов Загоскина, что их журналы невежды...» И именно подобное отношение, именно дух сравнения, конкуренция с Европой, с иными авторами, а также желание открыть для читателя свою русскую литературу было, на мой

взгляд, одним из наиболее весомых стимулов к творчеству отечественного классика.

То, что Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью», было еще и соревнованием, желанием Пушкина показать, что русские литераторы могут на сходном сюжете вывести вещь ничуть не хуже, а то и лучше своих европейских коллег. Этим вызваны и прямые заимствования сюжетов. Так, скажем, «Пир во время чумы» – пушкинская вариация Джона Вильсона «Чумной город», а «Сказка о золотом петушке» – вариант «Легенды об арабском астрологе» Вашингтона Ирвинга. Поэтому нет ничего удивительного, что и в романе Пушкина «Дубровский» явно прослеживаются некоторые параллели с классическими «разбойничьими» романами, а именно с произведением Шарля Нодье «Жан Сбогар», который в то время пользовался особенной популярностью. Сюжет «Дубровского» был подсказан Пушкину Нащокиным, по свидетельству Бертенева и письму самого Пушкина Наталье Николаевне от 30 сентября 1832 года. Однако в сюжете «Дубровского» ясно прослеживаются «разбойничьи» традиции романов европейских авторов и особенно, как мне кажется, Нодье.

Начнем с биографий главных героев – Дубровского и Сбогара. Оба с юных лет избрали себе карьеру военного. Жан Сбогар, как пишет Нодье, «еще почти ребенком перешел на службу к туркам, а потом присоединился к восставшим сербам, где быстро приобрел громкую военную славу». Военным был и Владимир Дубровский. «Владимир Дубровский воспитывался в кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию». (Правда, здесь у Пушкина есть некоторое разночтение, ибо несколькими строками ранее он пишет, что Дубровский служил «в одном из гвардейских пехотных полков», а звание корнет – первый офицерский чин в конных полках, соответствующий подпоручику пехотных полков. Но это не так важно.)

Далее по идентичным канонам развития сюжета оба, силою обстоятельств, оказываются лишенными наследства. Пушкин как реалист указывает обстоятельства с большим жизненным натурализмом, нежели Нодье. У Нодье Сбогар вернулся на родину и узнал, что его лишили наследства. Привыкнув к жизни, полной опасностей и терзаний, как видно, с мрачными неукротимыми страстями, он ухватился за первую же возможность, чтобы стать вечным мятежником. Причем оба они как бы «чужие» в стане разбойников. Духовно атамана и его команду не связывает почти ничего. Иной раз они даже вынуждены бывают действовать вопреки желанию своих подчиненных, упуская из рук явную возможность пожить. В «Сбогаре» это спасение Антонию при нападении банды на дилижанс. В этом случае, как и в «Дубровском», атаман разбойников спасает не только предмет своей страсти, но и всех находящихся в карете пассажиров, запретив своим людям брать даже мелочь из их имущества.

Вместе с тем, рядом с героем подобных романов действует обычно его доверенное лицо, человек, как правило, грубый, могучий и простой, совершающий злодеяние от имени атамана, но без его ведома. В «Жане Сбогаре» его зовут Жижка, а в «Дубровском» – кузнец Архип. К тому же надо отметить и схожесть любовной линии в обоих произведениях, где главный герой неожиданно встречает девушку из богатого дворянского рода и безумно в нее влюбляется. Оставляя своих людей в роще (именно в роще), атаман ищет способ ближе познакомиться с предметом своей страсти. Для этой цели он выдает себя за другое лицо, а именно за иностранца, очаровывает бедную девушку и в момент объяснения, жестоко страдая, исчезает.

Далее в «Дубровском» следует женитьба Маши и князя Верейского, делающая невозможным счастье ее и Дубровского. В «Жане Сбогаре» такая невозможность продиктована чисто ро-

мантическими домыслами и, стало быть, для пушкинского реалистического повествования неприемлема.

Но на этом, однако, не заканчивается замысел «Дубровского». Если внимательно прочесть план дальнейшего повествования, не продолженного Александром Сергеевичем по причине увлечения сюжетом «Капитанской дочки», то можно найти параллели и в финале этих близких по сюжету произведений.

У Нодье героиня волей случая похищена и оказывается в логове разбойников Жана Сбогара. Повесть кончается большим сражением, сумасшествием героини и поимкой самого Сбогара.

У Пушкина в плане финальных сцен мы читаем: «Похищение. Хижина в лесу, команда, сражение. Франс. Сумасшествие. Распущенная шайка» и далее: «Москва, лекарь, уединение, кабак, извет. Подозрения, полицмейстер». Причем нет никаких оснований считать, что сумасшествие относится к самому Дубровскому, так как после этого следует роспуск шайки и переезд в Москву, что само по себе требует присутствия трезвого ума у нашего героя. Скорее можно допустить, что сумасшествие, по аналогии с «Жаном Сбогаром», относится именно к Маше как к существу, несомненно, нежному и хрупкому.

В заключение я хотел бы повторить еще раз, что в данной работе целью моей было лишь показать развитие вышеуказанного пушкинского сюжета в рамках традиций классического «разбойничьего» романа. Гений Пушкина в подтверждении не нуждается. Насколько Александр Сергеевич отошел от традиций и как на русской почве сумел он развернуть традиционный «разбойничий» сюжет, видно из самого его романа. Вышеупомянутые аналогии просто показались мне любопытными.

1988

ОДНО МНЕНИЕ О СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНО-АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Латиноамериканская литература, в частности поэзия, к концу XIX века отметившая свой 300-летний юбилей, всегда представляла немалый интерес для советских читателей и литературоведов. В наши дни произведения латиноамериканских поэтов пользуются особенно большим спросом, что, по мнению многих историков литературы, обуславливается бурным развитием поэзии, «поэтическим взрывом», охватившим многие страны Южной Америки во второй половине XX века.

Наша публика не раз имела возможность познакомиться с произведениями многих латиноамериканских классиков. Романы Маркеса, стихи и поэмы Пабло Неруды и С. Вальехо переводились и неоднократно переиздавались в СССР. Однако относительно природы тех или иных литературных течений, причин их возникновения и особенностей развития на современном этапе до сих пор не может сложиться однозначное, объективное мнение. Дело осложняется тем, что общность языка народов Южной Америки позволяет судить о единстве их литературных традиций. Тем не менее любая, даже самая маленькая страна создает свою литературу, рисуящую историю своего народа, и литература эта характеризуется исключительными, присущими только этой стране чертами.

Учитывая внимание, с которым советские читатели следят за развитием художественного слова в Южной Америке, я попросил ответить на несколько вопросов начинающего костариканского поэта Альбаро Бонилья.

Корр.: – В истории нашей литературы были всевозможные направления, начиная от классицизма и кончая реализмом.

Существовали ли они у вас и в каком порядке развивались? Может, были какие-либо расхождения?

Альбаро Бонилья: – Нет. Наш процесс литературного развития вполне соответствовал европейскому. Принципиальных расхождений не было до тех пор, пока совсем недавно не появился *realismos moravios*. Этот термин ввел кубинский писатель Карпентьер. В переводе на русский это значит «магический реализм». Наилучшим образом это течение представлено в прозе, у Маркеса, например.

Корр.: – А было ли что-нибудь подобное в поэзии?

Альбаро Бонилья: – Поэзия сама по себе мистика. Нет, «магический реализм» все-таки больше относится к прозе. В годы, предшествующие появлению латиноамериканской прозы и поэзии на мировой арене, в литературе уже господствовали такие течения, как «новый роман» во Франции и социалистический реализм в социалистических странах. С появлением «Ста лет одиночества» Маркеса к ним присоединился латиноамериканский «магический реализм». Появление этого стиля именно у нас объясняется тем, что в Латинской Америке особенно плотное смешение культур, смешение эпох... Скажем, «модернисты» начала века во главе с Рубеном Дарио сочетали в своей поэзии совершенно различные течения от античности и испанской классики до Уитмена и символистов.

Корр.: – Это и стало причиной вашего нынешнего литературного подъема?

Альбаро Бонилья: – Да. Процесс этот начался со второй половины XX века.

Корр.: – Значит, все еще впереди, и ваша литература стоит на пути своего самобытного развития?

Альбаро Бонилья: – Да, но это не значит, что раньше ее не было.

Корр.: – А как ты лично видишь пути развития вашей литературы?

Альбаро Бонилья: – Я думаю, что в ней могут одновременно сосуществовать несколько направлений, но среди прочих будут обязательно присутствовать «магический реализм» (направление глубоко национальное) и более общее, космополитичное направление аргентинского писателя Х. Борхеса.

Корр.: – Кто сейчас из ваших поэтов наиболее популярен?

Альбаро Бонилья: – Октавио Пас.

Корр.: – Принадлежит ли он к какой-либо поэтической школе?

Альбаро Бонилья: – Школы как таковой не было. По духу его поэзия принадлежит к первой половине XX века, и сейчас близка людям его поколения. В настоящее время Пас – самая значительная величина в нашей поэзии.

Корр.: – Как ты считаешь, Альбаро, есть сегодня что-нибудь общее в современной латиноамериканской и советской поэзии?

Альбаро Бонилья: – По-моему, нет. И вот почему: наши исторические процессы протекали неодинаково. У нас за спиной нет Пушкина и Достоевского, мы не можем похвастаться той огромной поэтической культурой, которая есть у вас. Однако сейчас мы находимся в преддверии золотой эпохи поэзии. Думается, что, если нечто подобное и возникнет в вашей стране, то только в XXI веке, поскольку для литературы этот век, можно сказать, уже кончился, и если за последние десять лет и появятся выдающиеся авторы, то по духу и развитию они будут принадлежать уже следующему столетию.

Корр.: – Какие русские или советские поэты наиболее читаемы в Латинской Америке?

Альбаро Бонилья: – Мы плохо знаем ваших поэтов. За последнее время они потеряли связь с западной культурой, в

том числе и с нашей. Мы не верим, что у вас нет поэтов, кроме Евтушенко и Вознесенского.

Корр.: – Значит, по-твоему, наша поэзия сейчас тоже живет в ожидании подъема?

Альбаро Бонилья: – Я думаю, что да. В этом я оптимист.

Корр.: – А вообще, какие поэты у вас наиболее популярны и читаемы?

Альбаро Бонилья: – Из наших, я думаю, Сесар Вальехо. Он учит нас писать. У него еще многому можно научиться, ведь он своему времени не принадлежит. Он ушел далеко вперед. Затем, конечно, Пабло Неруда и Октавио Пас. Большой популярностью пользуется американская и английская поэзия модерна, из испанцев – Лорка и Мачадо. Читать советских поэтов мешают плохие переводы, потом, конечно, внутренняя проблема поиска – есть поэты, творчество которых неоднозначно и сложно для понимания.

Корр.: – Существует ли у вас разделение на различные литературные группы, скажем, метафористы, концептуалисты и т.д.?

Альбаро Бонилья: – Я думаю, что нет. И вообще, считаю, что если группа и возникает, то исключительно в целях противостояния чему-либо, чтобы противопоставить себя другому, уже существующему. Сейчас не возникает необходимости отделяться, наша поэзия, наоборот, стремится к созиданию и объединению. Может быть, спустя некоторое время, полвека, допустим, будут появляться признаки каких-то новых течений, но пока вопросы теории не играют первостепенной роли. У вас эти течения виднее, так как противопоставляют себя классическим и нарушают по форме или содержанию поэтические традиции. Поэтому у них есть теоретическая часть, благодаря которой они оправдывают свою поэтическую манеру. А в Латинской Америке все это было в начале века, кстати, так же, как и у вас в это же время, но

ваши течения искусственно исчезли – им был противопоставлен социалистический реализм.

Корр.: – Значит у вас, в отличие от наших разрозненных течений, идет «сплошной поток»? Но можно ли его также делить на периоды, как, скажем, период классицизма, романтизма, или ваша поэзия миновала какие-то из этих этапов?

Альбаро Бонилья: – Нет. Наша поэзия возникла еще в XVII – XVIII веках и находилась в рамках классицизма. Романтизм у нас появился в начале века вместе Рубеном Дарио (Никарагуа), это был первый латиноамериканец, учивший испанцев писать. Раньше было наоборот, поэтому Дарио стал первым классиком латиноамериканской поэзии. А вообще, всю европейскую поэзию я бы сейчас охарактеризовал как поэзию «модернизма». Это поэзия поиска новой формы, сюжета... Однако время метафористов и концептуалистов у нас и на Западе уже прошло. А ваша официальная, традиционная поэзия после поколения Пастернака, Цветаевой, Блока не имеет сейчас достойной замены. Конечно, есть хорошие поэты, но они не говорят ничего нового.

Корр.: – А как же Жданов, Парщиков, Еременко и другие?

Альбаро Бонилья: – Они, бесспорно, интересны своей смелостью, но они только начало вашего литературного процесса. Скажем, Еременко из всех ближе к сегодняшней реальной жизни, а Парщиков, на мой взгляд, очень талантливый верлибрист. И вообще, я считаю, что даже просто талантливые поэты способны двигать вперед определенный литературный процесс.

Корр.: – У нас сейчас в молодой поэзии идет волна поэтов-«иронистов»: Еременко, Коркия, Степанцов... Как ты к ним относишься?

Альбаро Бонилья: – Я считаю, что это естественная реакция литературы на свержение фальшивых духовных ценностей, которые в ней насаждались.

Корр.: – А как ты думаешь – эта «волна» пришла надолго или это временное явление?

Альбаро Бонилья: – Я считаю, что любая политическая поэзия – временна. Лично я не помню ни одного политического поэта любой эпохи, которого бы читали следующие поколения. Они читаются только современниками.

Корр.: – А Маяковский?

Альбаро Бонилья: – Маяковский был не просто политический поэт.

Корр.: – Значит, можно писать о политике и не «временные» вещи?

Альбаро Бонилья: – Несомненно, но тогда на первый план должна ставиться художественность. Как, скажем, у Данте в «Божественной комедии». Это ведь тоже политическая вещь, но сейчас читается исключительно как художественная.

Корр.: – А как ты думаешь, если сегодня латиноамериканцы познакомятся с современной советской поэзией, они будут ее читать, будет ли им она интересна?

Альбаро Бонилья: – Я думаю, что да.

Корр.: – Значит, это будет еще один шаг к взаимопониманию?

Альбаро Бонилья: – Безусловно. Им будет понятен даже черк ваших поэтов, ибо мы все – современники.

Корр.: – Каких ваших поэтов ты хотел бы представить советскому читателю?

Альбаро Бонилья: – Прежде всего – Октавио Пас, он считается у нас поэтом-философом.

Корр.: – Как, на твой взгляд, целесообразна была бы встреча между советскими и латиноамериканскими поэтами?

Альбаро Бонилья: – Думаю, что да, но возможно ли это? Ведь многие латиноамериканские поэты стоят на позициях, отличных от социалистической, даже тот же Октавио Пас. Пойдете

ли вы на такой контакт? Хотя раньше и происходили контакты между поэтами двух континентов: в 30-е годы к вам в Союз приезжал Сесар Вальехо. Даже два раза. Беседовал с Маяковским, причем сначала Маяковский ему понравился, а во второй приезд Вальехо назвал Маяковского «буффом».

Корр.: – А все-таки, как, по-твоему, можно увидеть общее в сопоставлении поэзии советской и латиноамериканской?

Альбаро Бонилья: – Я не ошибусь, если скажу, что общее у нас то, что и латиноамериканская, и советская поэзии сейчас как бы смотрят на себя со стороны. И если мы можем уже сейчас видеть свое лицо, то для вас это еще сложно, ибо вам только предстоит разобраться в своем прошлом, в своем культурном наследии именно советского периода и определить место для себя в сегодняшнем литературном процессе.

Сейчас вам есть что сказать.

Беседу вел Александр Бардодым

1988

КТО СКАЖЕТ НОВОЕ СЛОВО?

Беседа с молодыми латиноамериканскими поэтами Альба Торрес (Никарагуа) и Альбаро Бонилья (Коста-Рика) о проблемах в сегодняшнем творчестве

Корр.: – Оказывают ли влияние на современных молодых латиноамериканских поэтов такие мастера прошлого, как Лорка, Мачадо, или молодые ищут свой путь в литературе?

Альба Торрес: – Нет, влияние Лорки на молодежную литературу небольшое. Он расценивается нами как классик, классик – и все.

Альбаро Бонилья: – Нам он не близок по духу. Лорка – это романсеро, а нам ближе Вальехо.

Альба Торрес: – И потом, наша поэзия, наша литература ищет что-то новое по форме, по содержанию. Например, Гуарде Просема. Взять стихотворения в прозе, верлибры. Именно сейчас нам очень близка поэзия США, манера Гуидмена в частности.

Корр.: – Значит, дух Лорки уже ушел?

Альбаро Бонилья: – У вас ведь не принято писать, подражая Пушкину, в его манере?

Корр.: – Значит, у вас сейчас новые пути, а что они из себя представляют?

Альбаро Бонилья: – Нет, я не думаю, что у нас сейчас появилось что-то новое в литературе ни по форме, ни по содержанию, хотя литература в постоянном развитии.

Корр.: – А как же влияние Америки?

Альбаро Бонилья: – Но там тоже нет ничего нового. Сейчас

его нет нигде, ни в Европе, ни в Азии. Может, есть у вас, но во всяком случае оно неизвестно как явление.

Корр.: – Но бывает и воскрешение старых поэтов. Они появляются и ведут за собой новую плеяду в другой временной период.

Альбаро Бонилья: – Нет. Я думаю, что вся западная культура исчерпала себя в 40-х, 50-х, 60-х годах. А то, что создается в настоящее время, уже не содержит в себе ничего нового. Нет поэтов, на чье появление сейчас обратили бы внимание, как в свое время на появление Вальехо, Камендарильо. Правда, есть крупные поэты, но они сами по себе не являются носителями нового, основателями какой-то определенной поэтической школы, направления в литературе.

Корр.: – То есть они действуют в рамках традиций.

Альбаро Бонилья: – Традиция нашей печати – быть нужной правительству.

Альба Торрес: – У нас каждый в Никарагуа поэт имеет свой собственный голос. Октавия Пассо отличается, скажем, от Карло Мартино Риво, а Карло Мартино Риво очень не похож на Карбаналь.

Альбаро Бонилья: – Это не зависит от способностей поэта. Дело не в этом. По окончании 20 века западная культура уже насытилась тем, что она познала. Сейчас очередь за странами социализма. Это накопление страданий (войны, революции) должно способствовать рождению у вас чего-то нового. Нового в литературе, и именно у вас, в странах социализма, потому что только здесь сохранился человек страдающий, равнодушный. Такой человек – в развитии. А на Западе человек не ощущает трагедию духовно. Он выступает в роли привычного персонажа и ведет такой образ жизни, где нет корней для человека страдающего.

Корр.: – Нет духовности?

Альбаро Бонилья: – Нет, так нельзя говорить. Душа есть даже у обезьяны. Просто я говорю о духовности, не имеющей развития. Сейчас на Западе динамично развивается только НТР, а духовность остается на прежнем уровне. Такой процесс в истории человечества не первый. Вспомним падение Римской империи. Три последних века Рим не мог уже дать ничего более того, что дала мировой культуре древняя Греция. Вот и сейчас капитализм (я имею в виду не политику, а образ жизни) насыщен тем, что он создал в первой половине XX века, и вплоть до 60-х годов.

Корр.: – А Каркес? Неужели он не является чем-то новым в вашей сегодняшней литературе?

Альбаро Бонилья: – Да, он безусловно нов, но нов как открыватель нашего мировоззрения, сложившегося уже давно. Я рад за вас, если вам сейчас есть о чем говорить.

Корр.: – А у вас нет тем?

Альба Торрес: – Почему нет? В Никарагуа очень много поэтов, которые входят в открывшуюся после революции поэтическую молодежную мастерскую. До революции в Никарагуа, как и везде, были свои поэты, такие, как Эрнесто Кардиналь, Палатино, открывшие после революции мастерские для начинающих молодых поэтов, творческие семинары, как у вас в литературном институте, где молодые поэты собираются, обсуждают свои стихи. Руководят ими Эрнесто Кардиналь и Майдо Хименес из Коста-Рики. В этих мастерских очень много экспериментируют...

Корр.: – А какие советские поэты пользуются у вас популярностью?

Альба Торрес: – Очень популярными до революции и после нее были Маяковский и Есенин. Мы очень много читали Маяковского и тайно переводили его на испанский.

Корр.: – А в Коста-Рике Маяковский не пользуется такой популярностью?

Альбаро Бонилья: – Нет, у нас просто другие исторические процессы. Маяковский как поэт интересует нас не больше Блока или Пастернака. Маяковский как политический поэт более интересен для Никарагуа, для их революции.

Альба Торрес: – Он играет большую роль в культурной жизни Никарагуа. Но еще до революции мы знали ваших классиков – Толстого, Достоевского главным образом по кубинским переводам. Кубинцы издают и сейчас антологию советской поэзии, прозы, которые мы сейчас читаем, но переводы очень плохие.

Корр.: – Плохие переводы – эта проблема актуальна на всех континентах. А что вы думаете о современной советской поэзии?

Альбаро Бонилья: – Я не знаю современную советскую поэзию, потому что у вас только недавно стали печатать настоящих поэтов. Я имею в виду текущую литературу. А если брать тех, кого уже сейчас можно назвать классиками, то они известны у нас только критикам и интеллигенции. А ваши сегодняшние поэты если и есть, то мало печатаются, так что пока их у нас не знают. Но если брать ваши поэтические течения – метафористы, концептуалисты, – то это только начало. Некоторые кое-что уже печатали, но в целом о них еще трудно судить. Для нас еще не сложился облик вашего молодого поколения. Есть отдельные подборки, сборники, но где та книга, которую мы могли бы открыть и увидеть сегодняшнюю поэзию вашего поколения? Если ее нет на русском, то на испанском нет и подавно. Может, появится сейчас? На мой взгляд, теперь советская поэзия очень многообразна.

Корр.: – А какие из сегодняшних поэтических течений лично тебе ближе?

Альбаро Бонилья: – Ну, во-первых, я с ними недостаточно знаком, а, во-вторых, я никогда не доверяю никаким течениям.

У каждого поэта должен быть свой собственный цельный и неповторимый мир, где вся терминология оказывается лишней, если ты открыл книгу и читаешь настоящую поэзию.

Корр.: – И тогда уже не важно, к какой школе принадлежит автор?

Альбаро Бонилья: – Совершенно верно. Взять, скажем, ваш социалистический реализм. Здесь есть и хорошие писатели, и плохие, а есть и просто не писатели. А настоящие художники пишут прежде всего для читателя, а не для награды.

Корр.: – А у вас в стране есть сейчас молодые яркие поэты, выходящие за рамки привычного?

Альбаро Бонилья: – Мне трудно сказать. Я уже лет шесть не был в своей стране, а информация здесь о ней очень небольшая. Я не получаю газет. Единственное, что мы читаем относительно постоянно – никарагуанскую газету, которая довольно хорошо информирует о политике, но о литературе там нет почти ничего. Однако я думаю, что если называть имена, то это может быть Октавио Пасо, которого сейчас выдвигают на соискание Нобелевской премии, хотя это, конечно, не показатель, потому что Нобелевская премия не всегда объективна. Скажем, когда Неруда получил Нобелевскую премию, это было оправдано, когда ее получил Маркес, это было еще более оправдано, но когда получил Лигирандо Ласкурио, то эта награда досталась ему не по праву. И вот, возвращаясь к твоему вопросу, глядя на Советский Союз, на то, что в нем сегодня происходит (конечно, это мое субъективное мнение), мне кажется, что у вас сейчас больше места для подобных движений.

Корр.: – Альба, у вас в Никарагуа очень интересная судьба молодых поэтов. Их возраст не старше 35 лет. Кто они?

Альба Торрес: – У нас есть и старше. Карлос Мартинес, например. Но если взять антологию никарагуанских поэтов, то она до-

вольно разнообразна. Есть и женщины, скажем, Иоконто Велле очень хорошая поэтесса, Анаксе Гомес, одна из самых талантливых, только, к сожалению, мало печатается, просто такой она человек – что поделаешь? Вот и Карлос Мартинес выпустил всего одну книгу «Одинокое восстание», однако по ней уже можно судить о силе его таланта. У нас было бы теперь больше талантливых поэтов, но многие из них погибли, так и не реализовав свои способности. Лоэль Гогама был очень молодой – 20 лет. У него бы только один поэтический сборник. Редуардо Керри был убит сразу же после того, как застрелил Самосу. Тоже хороший поэт. И Овиль Кастро, который в тюрьме написал книгу «Если я не вернусь», и что интересно – в ней нет ни намека на политику. Отличные лирические стихи, посвященные жене. В Никарагуа писать стихи – это традиция. Пишут все.

Корр.: – Но ведь не все поэты, кто пишет стихи.

Альба Торрес: – В таких случаях у нас говорят: «Много желающих – мало избранных». У вас, я слышала, очень много хороших поэтов в Прибалтике. Это правда?

Корр.: – Да, там умеют следить за своей поэзией и вовремя ее издавать.

Альба Торрес: – А у нас поэзия традиционна, поэтому очень популярны слова Грацио Кардинале о том, что победа революции – это победа поэзии.

Корр.: – Однако, как я сейчас замечаю, в современной поэзии 70-х, 80-х годов очень слаба сюжетность. Развитие в основном получила ассоциативность. Не говорит ли это о том, что литераторы были растеряны, не знали, куда им идти?

Альбаро Бонилья: – Это ведет в тупик и в раннем творчестве, когда начинающий литератор попадает в подобный туман. А там, где нет ни характеров, ни персонажей – там нет и литературы.

Корр.: – А какой сюжет у вас сейчас наиболее популярен, чаще используется в литературе?

Альбаро Бонилья: – Мне кажется, что у нас сейчас много различных сюжетов, но основной мотив в каждом – это стремление автора развивать образ нашего современника, человека 20-го столетия. А если ты имеешь в виду поэзию, то представь себе Москву в прошлом, с извозчиками, куполами и звонницами. Тогда были такие поэты, как Пушкин. А теперь в Москве автобусы, метро, такси. И поэт изменился. Он теперь принадлежит иной эпохе и сейчас нужен именно он, и все его пути и поиски в поэзии закономерны. А бессюжетность лишена основ культуры прошлого, того, что человечество уже достигло. И что касается нашего столетия, то в двадцатом веке литераторы перестают быть писателями какой-то одной темы. Маркес, Фолкнер – это писатели, открывшие читателю целый маленький космос. И основное чувство сегодняшнего человека – это чувство принадлежности не к какой-то конкретной национальности, а ко всей планете, чувство причастности и взаимосвязи с другими национальностями. И любой образ поэзии – это образ конкретного времени.

Беседу вел Александр Бардодым

1988

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ «МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ»

Взрыв в латиноамериканской прозе был закономерен. «Магический реализм» пришел тогда, когда ему и полагалось придти, и Маркес, написав свои «Сто лет одиночества», был одним из немногих гениальных прозаиков, услышавший голос своей крови.

Возникнув на стыке трех культур, «мистический реализм» нес в себе гораздо меньше «классической» европейской культуры, чем это пытаются доказать некоторые критики. Это явление было исключительно языческим.

Закономерностью его появления является обращение художника непосредственно к истокам. Иными словами, переплетение мистики и реальности возвращает нас к тем временам, когда литература еще не была как таковой, а то, что мы называем «творчеством», было воплощением понятий философии человека, чувствующего себя один на один с природой. Культура в современном ее понятии (литература, живопись, кинематография и т.д.) явилась результатом развития той древней, первозданной культуры. С течением времени она менялась. То, что мы называем «цивилизация», меняло ее облик.

Сегодняшние формы и традиции литературы появились благодаря ее долгому пути во времени. Если брать европейскую литературу, то от язычества она ушла в античность, из античности в христианство. И каждый художник, воспитанный на этих традициях, не может не нести в себе каноны, заложенные классиками, творившими до него, он в любом случае чувствует за своей спиной путь, пройденный своим народом и строит новые этажи здания, идущего вверх. Но это Европа.

Литература Латинской Америки пошла по другому пути развития, перехватив инициативу у старушки Европы, благодаря слиянию генетически заложенной в своей культуре основы язычества и уже сложившихся форм современной литературы.

Европейская культура, задавившая в свое время латиноамериканскую, принесла с собой христианские традиции и реализм в литературу, вступив в борьбу с язычеством, и если и победила, то только навязав свою форму. Суть же осталась прежней, ибо корней на этой почве не имела. И вот новая литература, идущая прямо от истоков, от того, что на Руси называли «сказы», «былины», от фольклора. Абориген заговорил на языке европейца, но голосом аборигена.

Не случайно в романе и вообще в сегодняшних произведениях латиноамериканских писателей так мало места уделяется христианству. Священники Маркеса ничем не отличаются от колдунов, только гораздо ниже рангом. Взять хотя бы Пауре Ниизнора, который, дабы вселить в жителей Макондо веру христианскую, демонстрирует «чудо воскресения», что само по себе является лишь бледным подражанием великих «цыганских чудес».

Следует, однако, не путать вновь родившийся «чудесный реализм» с европейским «мистическим реализмом», существующим на основах уже сложившихся художественных образов. На мой взгляд, наиболее точно он представлен германской школой прозы, которая появилась на стыке Эдды и «Беовульфа» (рыцарские баллады, легенды о короле Артуре и скандинавские Эдды, скандинавская мистика). То есть христианская культура сменила языческую, взяв у последней мистический заряд и трансформировав его под новую религиозную поэтику.

Правда, «прорыв» языческого мировоззрения в немецкую литературу имел место (скажем, Братья Гримм, Гофман, Гауф), но дерево не может расти вниз, и христианская символика в кон-

це концов побеждает (Гете «Фауст», Шиллер «Баллады»). Но в этих произведениях бесспорно много от язычества, но на «христианской основе». Оно вторично, и не может присутствовать в чистом виде, как в латиноамериканской литературе, где ветер языческой культуры разметает жалкие стебельки христианства, ибо почва для него оказалась невозделанной.

Сейчас в Европе, на мой взгляд, можно наблюдать кризис жанра. Реализм, бывший закономерной вехой в развитии литературы, начинает явно сдавать свои позиции, все чаще сходя на откровенный натурализм. Сейчас он уже не отвечает требованиям прогрессирующей культуры человечества (я, естественно, ни в коем случае не пытаюсь сбросить натурализм с парохода современности, но на смену одному течению неизбежно приходит другое). На мой взгляд, реализм как метод себя исчерпал, и литература переходит на другой путь своего развития. Это другое – «мистический реализм». Первые шаги уже сделаны (Англия, потом Германия. Это Джойс, это Томас Манн).

Россия – Булгаков, «Мастер и Маргарита». На России я бы, пожалуй, остановился. Это один из наиболее интересных случаев развития литературы. Развиваясь ранее в классических традициях европейской литературы (XIX – начало XX века), она вслед за Европой делала шаги по пути к «мистическому реализму», опираясь на свой уже довольно большой христианский опыт, когда целый культурный пласт в развитии общества был начисто сметен революцией, а затем воинствующим атеизмом. Христианство было исключено из культуры сегодняшнего поколения. Каков же результат? Результат – литература ушла в «мажорный реализм», так называемый «социалистический», начисто лишившийся мистицизма. (Исключение – некоторые писатели-эмигранты, включившиеся в Европейский литературный процесс, например, Берберова, Саша Соколов, Набоков.)

Сейчас делаются попытки реанимации христианства в литературе, не знаю, возможно ли это. Во всяком случае сейчас советская европейская литература – это реализм без мистицизма. Хотя иногда можно наблюдать и «прорыв в Европу» (скажем, проза Окуджавы). Иное дело – зарождающаяся литература языческих народностей Союза. Это – «Латинская Америка» внутри страны.

Таким же прорывом, «первой ласточкой» языческого «чудесного реализма» явился у нас роман Анатолия Кима «Отец – лес». Написанная аборигеном Дальнего Востока, литература настолько же языческая, как и роман колумбийца Маркеса «Сто лет одиночества». Ибо благодаря однородности мировоззрений пути развития литературы так же практически идентичны. Возьмем два этих «чудесных» языческих романа. И действительно, видим множество совпадающих, я бы сказал, закономерных линий в развитии сюжета. Прежде всего неперенным условием романа подобного типа является суженность пространства – сама история рода (Маркес – Буэндиа, А. Ким – Тураевы). Пространство постоянно замыкается само в себе, несмотря на все желание героев его расширить (у Маркеса – поход Хосе Аркадио Буэндиа к морю, любовь между родственниками, возвращение всех Буэндиа обратно в Макондо и т.д.). У Кима также возвращение всех Тураевых в «лес», сцены половодья. Вторым условием является время в романах. Оно как бы «ходит кругами», благодаря чему настоящее, прошедшее и будущее едины.

Третьим условием является одиночество.

Классическое одиночество героев обоих романов распространяется на весь род. Род Буэндиа и род Тураевых заканчиваются гибелью обоих родов.

О единстве людей и природы я говорить не стану, ибо уже сама философия язычества включает в себя это понятие, но тем

не менее, это непримиримый атрибут «чудесного» языческого романа. И, наконец, условием последним является война как полюс, крайнее проявление идеи смерти. Она обязана присутствовать, дабы уравновесить идею бессмертия, лежащую на противоположной чаше весов романа такого типа.

У Маркеса – гражданская война (Аурелиано Буэндия – бессмертие Мелькиадеса), у Кима – мировая война (Николай Тураев – бессмертие Глеба Тураева, который, как и Мелькиадес, продолжает жить после смерти).

Это основные атрибуты языческого «чудесного реализма», которые в дальнейшем получают развитие и, возможно, органически перейдут в иные формы, но в основе будет лежать именно это.

В заключение хочется сказать, что мне видится еще одно развитие данного течения. Это – Абхазия. Языческие корни там более чем сильны, хотя христианство официально установлено в IV веке. Однако абхазы никогда не были настоящими христианами, равно как и мусульманами. Язычество настолько прочно вошло в их кровь, что даже сейчас, когда их литература насчитывает позади себя менее века, в ней уже сейчас наблюдаются откровенные тенденции к языческому «чудесному реализму», но это пока рассказы, новеллы, произведения «малого формата», но тем не менее это предтеча «новой прозы». Я в этом уверен (как до Маркеса был Кирога). С тем, что я изложил в данной работе, можно, естественно, и не согласиться, но это мое личное мнение, в правильности которого я не сомневаюсь.

Александр Бардодым

1989

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н. И. НЕЖЕНЦА «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»

Данная работа, на мой взгляд, является одним из наиболее полных изложений теории русского символизма, как продолжателя европейских поэтических традиций.

Приводя в книге взгляды значительных поэтов этой школы, автор стремится обобщить наиболее распространенные идеи русского символизма и воспроизводит на ее страницах концепцию русского символизма в основном ее объеме.

Автор как бы расшифровывает перед читателем язык символических образов, позволяя глубже понять истоки этого литературного течения. Скажем, в главе «Язык символической лирики» имеет место обращение как к русским классикам (Лермонтов, Тютчев, Фет) с целью проследить за развитием отечественной поэтической традиции, так и к гигантам мировой культуры (античные авторы, Гете и др.), тем самым поясняя происхождение «почвы», на которой строился храм русской «символической» мысли.

Несомненно, талантливый и профессиональный разбор поэтических текстов, с лексической и семантической точек зрения, однако несколько затрудняет усвоение текста рядовым, неподготовленным филологически читателем. Также мешает прочтению некоторая отрывистость фраз, не позволяющая плавно следить за развитием авторской мысли, и чрезмерная наукообразность первой главы данной работы.

Вне всякого сомнения, бесспорной удачей является теория продолжения идеи символизма у поэтов есенинско-клюевской

школы. Свежий взгляд, взгляд как бы «в символическом ключе» на философию Есенина и Клюева дает новое представление о нетрадиционном мировоззрении этих замечательных художников. Нетрадиционно подходя к их творчеству, автор аргументированно доказывает их причастность к мировому общелитературному процессу, в отличие от бытовавшего ранее взгляда «самоценности» и чисто национального значения философии и эстетики этих крупных мастеров, не отрывая их от основной линии мирового художественного слова, эстафету которого принял и русский символизм.

Глубоко профессионально разобрано также творчество Вл. Соловьева, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Ф. Сологуба, К. Бальмонта не только с филологической, но и с лингвистической точек зрения.

В целом, бесспорно, книга представляет интерес для читателя и заслуживает того, чтобы быть опубликованной.

А. Бардодым

1989

В. КАЛЕДИН. «СТРОЙБАТ»

Начнем с того, что, как и каждое произведение, «Стройбат» Каледина имеет свои определенные плюсы и минусы. Причем их соотношение и определяет на сегодняшний день лицо автора данного произведения.

Если брать плюсы, то к ним я бы отнес такую немаловажную удачу, как достоверность повествования и максимальную правдивость в изображении не только событийности и характеров своих героев, но и мастерски переданную атмосферу «наших армейских будней». Это достигается главным образом за счет стиля повествования и характерности речи героев В. Каледина. В повести нет случайных, а тем более лишних слов, фраз, выражений. И если сравнивать ее с еще одним «армейским» произведением, практически затрагивающим тот же круг проблем (я имею в виду «Сто дней до приказа» Б. Полякова), то, на мой взгляд, калединский «Стройбат» гораздо удачнее. И именно потому, что естественнее. Каледин погружает своего читателя в атмосферу повествования, читатель как бы заключен внутри и идет вслед за автором по всему пространству художественного произведения. Но это имеет и свои минусы. Такое подчинение себе читателя исключает иные трактовки образа героев. Здесь я бы сравнил прозу Каледина с прозой талантливого и популярного в свое время писателя чеховской поры Лейкина. Лейкин так вел читателя по пути описательства, по пути правдивого изображения действительности, его герои обладают запоминающимися характерами. Он в свое время мог составлять конкуренцию даже Чехову, но почему сейчас, когда прошло определенное время, Чехов считается классиком, а Лейкин воспринимается всего лишь как талантливый, интересный писатель?

На мой взгляд, все дело в однозначности трактовки образов, созданных Лейкиным, когда автор исключает какое-либо иное восприятие и в принципе иные взгляды на поднятый им идейно-художественный ряд. Духовный мир героев не получает того развития, какое мы видим в чеховских произведениях, нет, как принято выражаться, того «подводного течения», какое всегда присутствует в произведениях Чехова. У Чехова слово является не финалом в выражении мысли, а отправной точкой, допускающей расширение границ видимости до целого понятия, которое само уже исключает однозначность трактовки.

Поэтому у Каледина мы видим слово воплощением конкретной идеи (однозначность), а не идею, рожденную произнесенным словом.

У Полякова делаются попытки расширить круг идей, но немело и чересчур в лоб. Когда герой рассуждает о «дедовщине» во всей окружающей нас действительности, то эта идея только прибавляет еще одну мысль к уже прозвучавшим. А количество мыслей «на поверхности», на мой взгляд, не может никак влиять на состояние и глубину «подводного течения». Это будет очередное озерцо, но которым можно любоваться, можно обойти, опасаясь промочить ноги, но где твоя мысль не покатится эхом в глубину подводных пещер, чтоб потеряться затем в его лабиринтах или определить для себя пути странствования по руслу одного из глубинных фарватеров, именующих себя «идеями». Однако в той манере, в какой написан «Стройбат», нельзя не признать, что авторская идея раскрыта практически полностью. Ибо описание «машины подавления» уже предполагает в себе «механическое» начало, которому подчинено все «человеческое» в этой повести. «Механическая заданность» поступков и поведения героев предполагает только однозначные реакции на тот или иной раздражитель. И хотя внутри у героя и происходит

осмысление и осознание ненормальности происходящего, он просто вынужден идти по течению под угрозой перемалывающего все инакомыслящее механизма (драка на плацу, разговор с Фишелем и т.д.).

Другое дело, когда в повести, так мастерски решенной, нет для читателя той свободы, когда слово или образ выводят его на путь выбора для себя наиболее близкого ему решения, когда повествование делает новый виток выводя его на новую, более высокую орбиту мысли.

1990

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

Произведения Фазиля Искандера, в частности «Сандро из Чегема», многоплановы. То есть в них присутствуют как мировые, так и национальные литературные традиции. Но роман «Сандро из Чегема» (если брать конкретно какое-то произведение Ф. Искандера) нетрадиционен именно в синтезе различных жанров и средствах его воплощения. Наряду с трагедией в этом произведении могут присутствовать и острокомедийные сюжеты. Если разобраться глубже, какие именно истоки у подобного художественного приема, то первым делом вспоминаешь его фольклорные корни. В церковных мистериях, наряду с персонажами трагедийного ряда, обязательно присутствует образ черта, обязанного по своей роли нести комическую нагрузку. Этот прием особенно ярко был использован в мировой литературе Шекспиром, где наряду с королем Лиром присутствует его шут, а в «Буре» заговор против короля обставлен остротами и забавными каламбурами. Подобное переплетение жанров находит отражение и в «Сандро из Чегема», скажем, в «Рассказе мула старого Хабуга» картина репрессий пропущена через сознание старого мула, а в «Дядя Сандро и раб Хазарат» от веселого застолья автор делает резкий переход к кровавой кровной мести, а затем снова возвращает читателя к остроумной беседе сидящих на «Амре» людей. Смешение жанров у Искандера – художественный прием. Поэтому свои произведения он строит в ключе авантюрного романа, имеющего хождение в Европе еще со времени создания баллад о Робин Гуде – первом авантюрном герое в европейской литературе. В абхазском эпосе «Нарты» – центральная фигура Сасрыкwa – сотый сын Сатаней Гуаши. Вместе

с героическими качествами он обладает и зачатками героя авантюрного склада. Например, в сцене встречи с великаном.

Однако Сандро не является героем,двигающим динамику повествования. В отдельных сюжетах он просто исчезает как центральная фигура и уступает место героям, которые развивают динамику романа помимо самого Сандро. Это и мул Хабуга, и Тенеиз («Дядя Сандро и его любимец»), и Кемал («Дядя Сандро и раб Хазарат») и т.д.

Надо отметить также и языковую полифонию в повествовании романа. Роман часто, образно выражаясь, «переходит из уст в уста». Помимо Сандро и автора, события, описываемые в романе, описывают также различные его герои со своих сугубо субъективных позиций.

В этом своеобразная эпичность повествования «Сандро из Чегема». Причем голос автора редко доминирует над голосами различных героев.

1990

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТРЕХ ПЕРЕВОДАХ ОТРЫВКА ИЗ БАЛЛАДЫ Б. ШИНКУБА «АЧАРПЫН»

Начнем с того, что абхазская поэтика как таковая очень своеобразна и глубоко национальна. Поэтому для того, чтобы взяться за перевод, нужно, кроме знания языка, знать также и обычаи, традиции, историю культуры, а лучше – полную историю народа.

Еще с давних времен в традиционной абхазской поэтике господствовали такие жанры, как баллада, эпос (скажем, известный эпос «Нартаа»), боевые песни и песни-плачи («Колыбельная махаджиров», «Песня ранения»). Вот именно к жанру плача и относится отрывок из поэмы «Ачарпын». Человек, хорошо знающий песенную культуру абхазов, с первого взгляда определит, что плач старого пастуха, его своеобразные интонации построены на классическом, традиционном у абхазов жанре. Поэтому, прочтя два перевода этого плача (первый – Э. Балашова, второй – С. Липкина), я остался недоволен не только некоторыми этнографическими ошибками, допущенными этими переводчиками, но и неверно прочитанной интонационной структурой произведения.

В обоих переводах утрачен энергетический заряд «песенного плача» и именно потому, что произвольно нарушен ритмический рисунок произведения, звукопись, позволяющая составлять интонации по всей структуре текста. Скажем, в оригинале «плач» пастуха, его проклятия миру за то, что судьба обделила его сыном, наследником, ритмически выглядит так:

«Адунéиажэ цэгъа уеижьагоуп
Ёх, хаѳоу дуѳоуп;

Шьоук рзы́хэа // упсыршьагоуп,
Шьоук рзы́ // ухьянтоуп».

Интонационные акценты выделены здесь ударением, а знаком «//» – паузы при чтении. Смысловую же нагрузку несут выделенные слова. А первая фраза, если так можно выразиться, еще и «ругательная», ибо слово «адунеиажэ» содержит в себе оскорбительную интонацию. На русский язык это слово можно перевести только понятием, словарного эквивалента в русском языке нет. «Адунеиажэ» – переводится как «мир с гнильцой, с каким-то изъяном». Это слово состоит из 2-х частей: из существительного «адунеи», что значит «мир», и аффикса «ажэ», который прибавляется к вещам или понятиям с пренебрежительным оттенком, как оскорбительная вставка, а не в целях «принижения» значения слова.

Оба переводчика, естественно, ничего о специфике слова не знали и поэтому пошли по простому пути, переводя «адунеиажэ» как просто «мир», потеряв энергетическую нагрузку начальной строфы. Возьмем перевод Э. Балашова.

Во-первых, поэтически решен данный отрывок, если так можно сказать, «в мягких, спокойных тонах». Герой поэмы, вместо того, чтобы слать проклятия небу и стенать на судьбу, ведет неспешный монолог с некоторой долей философичности. К тому же, слово «адунеиажэ», являющееся в оригинале обращением, вынесено всего лишь в начало третьей строфы. У Балашова «плач» начинается с такой спокойной философской фразы:

«Все на свете приходяще.
Пусть тут враг живет – не брат.
Мир для неких – рай манящий,
Прочим – тяжкий камень-ад».

Единственное, что здесь сохранено из прежнего рисунка стиха, – это паузы в 3-й и 4-й строках, но и они не читаются оттого, что нарушена симметрия их левой части, которая достигается традиционным выражением «шьоук рзыхэа... шьоук рзы», что соответствует русскому «неких» и «прочим» не могут состоять в таком тесном языковом блоке, который бы являлся устоявшейся речевой формой. К тому же, первая и вторая строки независимы в переводе друг от друга, когда как в оригинале вторая строка логически продолжает первую, завершая проклятие пастуха, и является какбы продолжением первой, так как несет в себе традиционные речевые формы.

Фраза «пусть враг тебе (в смысле «на этом месте») находится» также употребима у абхазов, как в России, допустим, «черт бы тебя взял», и естественно дополняет первую фразу («адунеиажэ, ты очень обманчив»). К тому же, образ «камень-ад», мягко скажем, довольно сомнителен, и читатель невольно вынужден об него спотыкаться при чтении этого отрывка, что противоречит динамике песенного текста.

Далее идут две фразы, вообще не вписывающиеся в контекст произведения:

Дом мой пустотой изжеван,
В нем молчанье ткет вина...

когда в оригинале:

Радостный смех (голос)
Не раздаётся из моего дома.

Опять те же тяжеловесные образы, данные как бы «в нагрузку» к последующей фразе:

И живет, как старый жернов,
Одинокая жена.

Фраза эта наиболее удачна своей лаконичностью и понятийностью образа, не в пример «изжеванной пустоте» и вине, которая тклет молчание – абсолютно не читаемый образ, особенно в абхазской поэтике.

Задача переводчика, на мой взгляд, – не придумывание за автора нового образного ряда, а попытка сохранить и развить образный ряд, данный в произведении, что и вносит в текст так называемый «национальный колорит». Э. Балашов, напротив, очень вольно отнесся к образному ряду, вставляя неоправданное изобилие «лишних» метафор и игнорируя метафоры, существующие в контексте произведения. Это видно по началу третьей строфы. В оригинале у Шинкуба:

У кого есть ребенок, у него старость белая (светлая)...

Устойчивая образная конституция в абхазской лексике, несущая положительный заряд. В переводе почему-то акцент смещен в противоположную сторону, и белоснежная старость фигурирует уже как символ чего-то мрачного:

Нет детей – и в тягость старость,
Сединой омрачена.

Плюс ко всему, естественно, эмоциональный заряд «песни-плача» заменен на повествовательную интонацию:

(1) Дети в доме – старость в радость...
...(3) Нет детей – и в тягость старость...

Последняя строфа в переводе Э. Балашова звучит как разрядка на «объем работ», а не как ударная концовка, завершающая плач несчастного. Ключевое слово в подлиннике «напрасно», т.е. тема разочарования в жизни, лишенной смысла. Причем фраза:

...Кто как хищник будет спорить,
Нажитую соль делить?

по отношению к наследникам предполагает какую-то ссору, распрю, выставляющую абхазов в неблагоприятном свете. Естественно, ни о каком «выяснении отношений» в тексте речи не идет, а в реальной жизни подобный инцидент с «дележом наследства» покрыл бы позором не только участников, но и весь род, ибо абхазский этикет настолько же незыблем, насколько почитается и по сей день. А ради справки могу сообщить, что в случае смерти отца семейства все права переходят автоматически к старшему брату – это древний обычай. Причем старший брат обязан содержать всю семью и пользуется таким же авторитетом, как и отец.

Теперь рассмотрим перевод С. Липкина. Начнем с того, что при «сборке» стихотворения у Липкина оказались как бы «лишние детали» – это третья строфа, которую переводчик вообще не перевел, посчитав не нужной. Ну хорошо, рассмотрим то, что осталось.

Первая строфа, надо отметить, удалась, за исключением второй строчки, где стоит фраза «радостей живых». Естественно предположить, что если есть «живые» радости, то, вероятно, есть и «мертвые», что само по себе звучит странно. К тому же, следует обратить внимание на изменение размера стихотворения, на мой взгляд, ничем не оправданное.

Во второй строфе опущено слово «жернов» (метафора к образу жены пастуха). Оно заменено словом «мельница», что

придает стихотворению несколько европейский вид, когда как мельницы у абхазов – жерновые, к тому же речь идет не о мельнице, а о бытовом жернове, который имелся раньше в каждом абхазском доме и служил для изготовления малой порции кукурузной муки для мамалыги из кукурузных зерен.

Третья, или, вернее, четвертая, если считать по оригиналу, строфа наиболее приемлема.

В заключительной (4-й) строфе неожиданно появляется новый герой – какой-то «старый недруг», который якобы давно хочет отнять у несчастного пастуха его овец, и перед смертью пастух сетует на то, что некому защитить его отары. Опять получается, что пастух плачет вовсе не по поводу своего одиночества, а из-за пропадающего имущества.

Вот эти два перевода и побудили меня создать еще одну версию «плача пастуха».

Главным в своей версии я счел сохранение «плачевой интонации» и донесение до читателя образного ряда произведения. Так как слово «адунеажэ» не имеет сходного эквивалента, я перевел его как «подлый мир», сохраняя тем самым обидную интонацию. Далее я ввел в ткань стихотворения собственный образ, звучащий в контексте произведения, на мой взгляд, энергетически оправданно, т.е. заряд которого равен заряду оригинала. Далее фраза «одних... других», о которой я упоминал выше.

Так как в русском переводе вторая строфа могла проиграть из-за некоторой статичности (хотя по-абхазски статичности нет), я постарался внести в нее определенную динамику (1) голоса (2) «перенес», и жернова (3) «бросив...»), которая бы вписывалась в контекст и образный ряд «Ачырпына». Третья строфа открывается темой «очищения» – «старость белая (светлая)», что дало мне право использовать тему «искупления грехов». Далее в тре-

тней и четвертой строках идет противопоставление со строками первой и второй:

У кого есть ребенок...
...А если нет ребенка...

Далее, в четвертой строфе автором использована устоявшаяся речевая форма «чье сердце сгорит» в значении «кто меня оплачет». Не желая «упускать образ», я создал похожую конструкцию на русском языке («сердце плачем согревая»), которая является одновременно и образом, и устоявшейся речевой формой.

И, наконец, самое сложное – финал «плача». Во-первых, как я уже говорил, для меня в стихотворении был важен «дух», «интонация», смысл произведения. Поэтому я и не шел по пути буквального (точного) перевода. Во-вторых, последние строки построены в виде риторических вопросов, выражающих крайнюю степень отчаяния и одиночества, потерю смысла жизни (ключевое слово «напрасно»), поэтому я нарочно обострил конфликт данного произведения, приблизив момент гибели героя:

Неужели жил напрасно
И напрасно умираю?

Естественно, перевод не может быть идеален, наверняка в нем есть объекты для критических замечаний, но я рассказал в своей работе о поставленных перед собой задачах и думаю, что с этой точки зрения мною они решены.

* * *

Никто не знал судьбу Гудисы Смыра, никто не знал его прошлое, не смел заглянуть в настоящее и не думал о будущем этого грозного охотника и колдуна, как невозможно думать о будущем седых гор и непроходимых дебрей или ледяного ключа.

С древних пор считается Гудиса стражем и покровителем заброшенных горных святилищ и приемником великих убыхских жрецов. Убыхов, которые не знали границы между божественным и земным.

Охотник жил своей жизнью, недоступной для понимания чужеземцев, как недоступны для понимания непосвященного уводящие в будущее пещеры и ледники, отражающие свет громадного неподвижного неба.

1992

ПАМЯТЬ

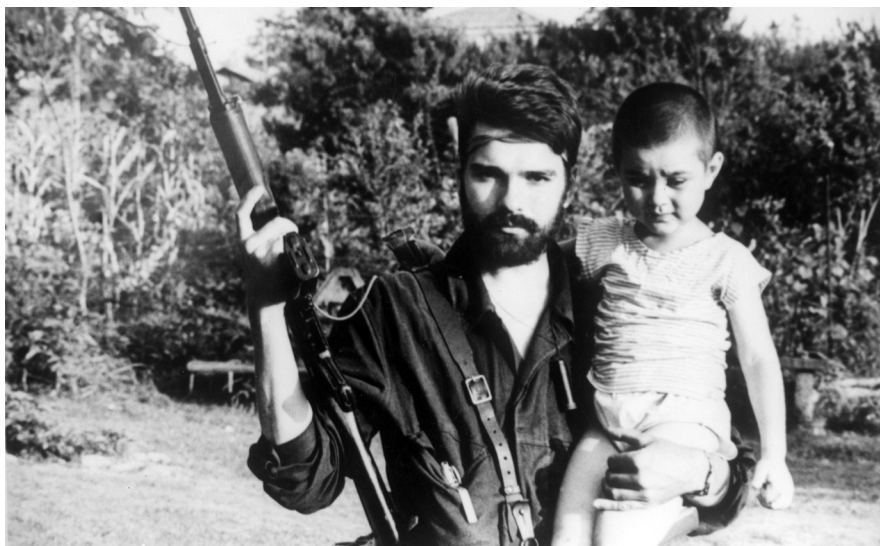
Рисунок Саши Бардодыма

Среди тех, кто способствовал нашей Победе, надо отметить Александра Бардодыма. Он хорошо знал Абхазию. Познакомился с ее историей и культурой еще тогда, когда учился в Московском литературном институте, на факультете художественного перевода (абхазская группа). Об этом говорят как его собственные стихи, среди которых «Песни бзыбских абхазов», так и «Переводы из абхазской поэзии»: Б. Шинкуба, М. Ласуриа, Т. Аджба и другие. Особой популярностью пользовались слова песни:

Над Грозным городом раскаты,
Гуляет буря между скал.
Мы заряжаем автоматы,
И переходим перевал...

Это было очень актуально в то трудное время. А. Бардодым – исключительно красивый человек, молодой московский поэт, журналист, ни на одну минуту не раздумывал – на чью сторону ему стать. Здесь же в Абхазии, в сентябре 1992 года он сложил свою голову. Лишь опубликованная книга стихов «След крыла» напоминает нам об этом замечательном человеке.

Первый Президент Республики Абхазия
ВЛАДИСЛАВ АРДЗИНБА

По черноморским пляжам Абхазии пролегла линия фронта. И эхо канонады, звучащее там, отзывается в Москве.

Казалось, после российско-грузинско-абхазского соглашения о прекращении огня выстрелы на солнечном берегу прекратятся. Но бои продолжаются. Войска Госсвета Грузии, принесшие смерть в республику, не хотят уходить: карательная экспедиция Шеварднадзе продолжается. Наш специальный корреспондент Майя Скурихина только что вернулась из Абхазии, где под пулями грузинских гвардейцев фотографировала тех, кто невольно оказался в страшном круговороте войны, развязанной тбилисским режимом. Это абхазские ополченцы, добровольцы из ближних республик РФ и русских городов, мирные люди, ставшие жертвами агрессии.

Под обстрелом грузинских войск оказались не только абхазские города и села, но и базы российских войск, расположенных в республике.

Доброволец – москвич, поэт и журналист Саша Бардодым – в составе интернационального отряда.

Газета «Правда», 3 сентября 1992 года

ПОСЛЕДНЯЯ АБХАЗСКАЯ СТРОКА МОСКОВСКОГО ПОЭТА

Вы помните это лицо? Оно должно быть вам знакомо: 3 сентября «Правда» опубликовала портрет московского поэта Александра Бардодыма, сражавшегося вместе с абхазскими ополченцами против солдат из карательного корпуса грузинского Госсовета. Мы ждали Сашу: вот вернется, принесет стихи, написанные там, на политом кровью солнечном берегу. Но вчера позвонил из Гудауты Георгий Гулиа, Сашин товарищ, и сказал: «Бардодым погиб».

Он любил Абхазию, и речь ее народа была для него понятной, родной. Саша переводил поэтов республики на русский язык, и в его собственной лирике громко звучали абхазские мотивы.

Когда началось вторжение в Абхазию, он сразу решил, где его место.

Напрасны утешения. Ни мать, ни отец не смирятся со смертью сына. Даже гневный крик: «Будьте прокляты вы, бессовестные политики, делающие карьеру на крови!» – не уймёт боль в сердце. Теперь она на годы, на все, что впереди, – навсегда.

И друзьям даны только два слова: «Прощай, прости». Книга стихов, которая выйдет, тоже будет холодна на ощупь. В ней застынет скорбь, несмотря на то, что голос, сохраненный ее страницами, будет петь о нежном ветре с гор, о ласковом морском прибое, о проникающих в долины лучах просыпающегося солнца, о росе на распускающихся в утренний час цветах.

Лишь одно явится искуплением – вырастут ребята, которые на этом снимке рядом с Сашей, и будут жить долго-долго, помня и веруя: «Этот человек спас нас». А потом имя его обрастет легендами. И показывая на портрет, сберегаемый в доме их, станут говорить: «Вот был герой».

*Газета «Правда», 11 сентября 1992
Фото Майи Скурихиной*

ДЕНИС ЧАЧХАЛИА

Радио «МАЯК», 10 сентября 1992 г.

Погиб Александр Бардодым. Все, что связано с Сашей, отныне будет упоминаться в прошедшем времени. Унизительно бессилие что-либо поправить. Единственный сын интеллигентной московской семьи, Саша сам был олицетворением интеллигентности.

В 1984 году он закончил школу. Склонность к поэзии, первые публикации открыли дорогу в Литературный институт Союза писателей. Здесь он изъявил желание учиться на руководимом мной творческом семинаре по переводу абхазской поэзии.

Саша увлеченно изучал абхазскую литературу, штудировал язык, входил в мир кавказской мифологии и эпоса, вникал в историю и этнографию полюбившейся страны, писал стихи, переводил современных абхазских поэтов. Ему не хватало каникул, а затем и отпусков. Они тратились на Абхазию. Селения, горы пещеры... друзья. Он стоял рядом на митингах и под пулями на берегу Галидзги в 1989 году.

Он был поэт. По призванию и по способу существования.

Саша посвятил Абхазии стихи. Но узнав, что его обожаемая страна горит в огне оккупации, он решил, что этого недостаточно. Он бросился ее спасать и отдал за нее последнее и единственное – жизнь.

Ему было двадцать пять. Работал корреспондентом московской газеты «Куранты». Но Саша погиб не как репортер, а как защитник. Хотя с его смертью мы потеряли и друга, и поэта, и журналиста. Семья потеряла единственного сына.

Человеческая боль умирает с человеком. Бессмертна боль Абхазии. Саша был ее любимцем и останется болью Абхазии навеки.

И. ВИРАБОВ

ДВЕ НЕДЕЛИ НАЗАД НА КАВКАЗЕ ПОГИБ ЕЩЕ ОДИН ПОЭТ

Газета «Комсомольская правда», 26 сентября 1992

1. Он был тихий, благородный, погибающий человек. Однажды, выйдя с друзьями на площадь, заметил: «Ах, как славно мы умрем!»

Но умер он в другой раз. Выпросив после Сибири себе Кавказ, отказался перевестись в другой полк, стоявший в менее горячей точке. И опять: «Мы останемся на жертву горячке». Про него ходили легенды. Он писал стихи и воевал. Евдокия Ростопчина по-женски страстно рассудила, что он заменит нам Пушкина. А он однажды, говорят, «начитался Шиллера в подлиннике на сквозном ветру через поднятые полы палатки». Заболел – и сгорел в горячке.

Друг тогда написал:

И свет не пощадил – и Бог не спас!

А он появился опять – через полтора года. И снова с тем же роковым предчувствием. И снова – рванул на Кавказ. Домой позвонил уже оттуда. А в комнате своей на машинке оставил не отпечатанный еще листок. Простым карандашом написал, уходя:

Знать о будущем и былом
Опаснейшая из затей.
Черный грач зачеркнет крылом
Образ твоих детей.
Коснется крылом твоего плеча...
Лучше не ворожить!

Пока твой ангел не заскучал,
Можешь еще пожить.
Можешь прорваться за грань – туда,
Обратно не проскочить...
Ангел скучает. Летит звезда
Птицей слепой в ночи.

С Кавказа он не вернулся. Зачем поэт пошел воевать? Здесь все его так любили!

Странная такая оптическая иллюзия. Или действительно все повторяется? Две судьбы – или одна и та же? Первого поэта звали Александром Одоевским. Из Рюриковичей. Второй – Александр Бардодым. Из простых советских. Оба немного успели написать, немного успели пожить. Имеет ли какой-то смысл их роковое родство душ, странное сходство судеб и... это ожидание, желание своей смерти там, на Кавказе?

2. Саша Бардодым был мальчиком московским. Учился в филологической школе на Кутузовском проспекте, потом в литинституте. Судьба: без трудового стажа принимали только на отделение переводчиков. А там только две группы – таджикская и абхазская. Саша пошел в абхазскую.

И с тех пор, как он впервые попал в Абхазию, окунулся в ее поэзию, появилась эта, его, тайна. Любовь, или уж пиитически, роковая страсть к Кавказу.

Он жил нормальной столичной жизнью. Со второго курса забрали в бронетанковые войска, вернулся, имел уйму друзей. Вместе с ними основал Орден куртуазных маньеристов, где вступил в должность «маньериста веселого Бандитизма, Черного Гранд-Коннетабля». Такая эстетская игра для узкого круга посвященных. А может, форма существования. Орден выпустил два изящных сборника мизерным тиражом, снялся на ТВ в фильме «За брызгами алмазных струй». Им самим нравился

этот их маньеризм, и некоторые вокруг поговаривали, что появление их ордена – знак приближающегося нового серебряного века поэзии.

...Но Маргарита Александровна, мама Саши Бардодыма, говорит: как жаль, что не поехала ни разу с сыном в Абхазию. Он столько раз звал – а попала туда только на похороны. Саша уезжал в Абхазию часто, подолгу там пропадал, излазил горы, пещеры. Знал там, кажется, всех и все. Говорят, если подходил к продавцу чебуреков – тот насыпал целую гору бесплатно. Может, тоже легенда. Как с Александром Одоевским – тысяча легенд. Там земля такая. «Я только теперь поняла сына...»

Когда начались грузино-абхазские бои, Бардодым не находил себе места. Там его друзья, там все родное. Над письменным столом в комнате – и то напоминание об Абхазии: по стене распластаны карты, на полке книги из истории той страны. А теперь – слухи доходят самые невероятные... Тут появилась возможность, и Саша, не сказав ничего дома, уехал.

Ему было двадцать пять. Он оставил талантливые стихи. И больше домой не вернулся. Девятого сентября убит. Родители согласились с просьбами абхазского правительства – Сашу похоронили неподалеку от Новоафонского монастыря. «Его душа там»...

Дамы шепчут нежно:
«Слава Коннетаблю!»
Он стоит, небрежно
Опершись на саблю.
Дерзкий на дуэли,
Храбрый на войне...
А и в самом деле
Слава, слава мне!

3. Что за нелегкая их всех туда несла?

Пушкину ездить на Кавказ не велели. Царь долго будет напоминать, что тот ускакал без позволения и ведома... А зачем?

В общем-то, у каждого на этот счет были свои отговорки. Одни попадали на Кавказ по причине ссылки, другие по делам службы, третьи – так, сами по себе. Но было во всем этом и что-то такое непонятное.

Пушкин думал о чем-то своем. Декабристы туда же. Ощущение важности, значительности происходящего, живые противоречия времени. И за спиной – «немытая Россия». Вяземский назовет это «сшибкой антитез» – пересечения, столкновения эпох, цивилизаций помогают разгадать себя самих и «тайну века».

Кавказ для русских поэтов был метафорой. Идеалы – там, «за хребтом Кавказа». Но Кавказ оставался реальностью. Мало кто оттуда вернулся.

4. Саша Бардодым не поехать туда не мог. Хотите – будет рок, судьба. Или это вопрос чести. Руководитель его по литинституту Лев Озеров – рикошетом: «А за что Лермонтов Пушкина «невольником чести» назвал?»

Но поэт и война – особая тема. Должно ли брать в руки АКМ?

А то, что Саша Бардодым взял в руки автомат, – нельзя ни судить ни славить. Просто факт: он – иначе не мог. Хотя – о чем не писали патриотические источники – поехал в Абхазию не в качестве бойца, а как корреспондент. Лез в самую бучу – и передавал на радио, что видел. Разыскивал документальные подтверждения того, что грузинские войска используют запрещенное международными соглашениями оружие в борьбе с абхазскими отрядами...

Море плачет от бессилья,
Обжигая ночь волною.

И парит, раскинув крылья,
Черный парус надо мною.

У Бардодыма парус одинокий не белеет. Черный грач, черный парус, вестник судьбы.

Он хотел защитить то, что любил. Он боялся за свою загадочную страну Абхазию. И делал, что мог, честно.

Грибоедовский, пушкинский, лермонтовский, декабристский Кавказ... Саша Бардодым не последний, кто отправился искать «за хребтом Кавказа» ответы на важнейшие для людей вопросы... Только ответы они уносят с собою.

ВИТАЛИЙ ШАРИЯ

ПОГИБ ПОЭТ

«Герои Абхазии», сборник очерков, выпуск I, Сухум, 1995

«Погиб поэт»... Сколько раз в истории человечества эти слова звучали как выстрел, летящий в сердце народа, как набат. Байрон, Пушкин, Лермонтов, Петефи... Александр Бардодым, 25-летний выпускник Московского литературного института им. Горького, не успел прославить свое имя, чтобы числиться среди знаменитостей: смерть, которая настигла его, была «смертью на взлете», но исходя из всего, что составляет нравственное содержание понятия «поэт», здесь случай, который позволяет с полным правом ввести его имя в этот ряд высоких имен.

...Когда в последних числах августа я увидел его – с автоматом, гранатами за поясом – в пресс-службе Верховного Совета Абхазии, принесшего свои стихи «Дух нации» и «Обращение к князьям-махаджирам» (они потом были опубликованы в «Боевом листке»), у меня словно в каком-то предчувствии сжалось сердце: «Тебе-то зачем сюда, в самое пекло?». То, что абхазы воюют, – это их святой патриотический долг, то, что наши братья с Северного Кавказа с оружием в руках пришли нам на помощь, – легко понять, учитывая тот порыв, которым охвачены родственные народы, но что заставило молодого московского интеллигента, литератора пойти на передовую, чтобы ежедневно и ежедневно подвергать себя смертельной опасности? Неужели только то, что когда-то в 1984 году «волею судеб» он начал учиться в абхазской переводческой группе Литинститута? Я, наверно, все

же слишком мало общался до этого с Сашей, потому что иначе знал бы: для него Абхазия за эти годы давно стала не просто объектом профессиональных интересов, а второй родиной.

И еще. Почему великий английский поэт Байрон погиб в Греции, сражаясь за освобождение этой страны от османского ига? Потому что он был Поэт, потому что он был Романтик – в лучшем, наивысшем понимании этого слова.

Рассказывают, когда Саша впервые появился в пресс-службе – в какой-то самодельной военной форме, в абхазском башлыке («Он меня греет и вселяет в меня силы») – наши девушки заплакали... От матери скрывали, что он на передовой, объясняли в телефонных разговорах с Москвой: работает корреспондентом...

...Саша, по отзывам тех, кто сражался с ним плечом к плечу, воевал прекрасно. Немногословный и бесстрашный... Помню, встречая его – обычно вечером на турбазе, которая для всех нас, и бойцов ополчения, и журналистов, стала временным жилищем, я тщетно пытался добиться от него «красочных» рассказов об увиденном и пережитом во время очередного задания. Помню, увидел его как-то стоящим в холле перед телевизором... босиком. «Ты чего это разулся?» – обратился к нему шуточно. И тут же осекся, увидев кровь на обильно смазанных облепиховым маслом ступнях Саши. «Три дня по горам ходил, – как всегда немногословно, чуть заикаясь, ответил он. – Ущелье оказалось «запертым», вот и пришлось кружным путем выбираться».

Не забыть последний наш разговор, вечером накануне того дня, когда подлая пуля навсегда оборвала его жизнь. Саша сидел перед телевизором в том же холле, и я, подсев рядом, хлопнул его по плечу: «Не думаешь ли после войны переквалифицироваться из поэтов в прозаики? Ведь проза больше подходит для описания всего того, что здесь увидел...» «Да, есть кое-какие задумки,

– кивнул Саша. – Попробую, может, написать для английского журнала «Гардиан»...

Он никогда уже не напишет для «Гардиан». Кровь на нем запеклась сургучом, навеки запечатавшим, скрывшим от нас неродившиеся поэмы, несостоявшиеся прозрения... Но напишут еще, и не раз, о нем самом. Напишут, конечно, больше и лучше меня – те, кто ближе меня знал Сашу и его творчество.

Его тело с согласия его родных ныне покоится в абхазской земле, которую он так любил, в Новом Афоне. Его имя будет увековечено в Абхазии. Абхазия никогда не забудет его, я уверен в этом. Залогом тому – ее свобода, за которую он отдал жизнь.

Сентябрь 1992

ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БАРДОДЫМА

Литературный институт им. А. М. Горького, 1992

ПОЭТ ЛЕВ ОЗЕРОВ

То, что я собираюсь сказать, ни в коем случае не является ни некрологом, ни даже воспоминанием. Я хочу вместе с вами вдуматься в судьбу, личность, слово, дело Саши Бардодыма. Это не просто потому, что еще прошло мало времени для того, чтобы обращаться к нему не «ты», не «вы», а «он», в третьем лице. Это всегда во всех случаях трудный процесс, проходящий в каждой душе по-разному. Я думаю о нем вот уже 50-й день. Есть люди, живущие и пишущие на уровне слов. Они могут клясться, признаваться в любви, скабресничать все на уровне слов и все не гарантированно жизнью и судьбой. Умение орудовать славами. Это обычно стихотворцы, среди них есть большие мастера.

Но есть ПОЭТ, ПОЭТ – это СУДЬБА. Поэты, которые если предскажут, то это исполняется. «Я рано начал, кончу рано» – Лермонтов. Гумилев предсказал в стихотворении «Рабочий», что пуля, которую отливает этот человек, уже ищет его грудь. И это было в 1921 году – он погиб. Маяковский, совсем молодой еще, красивый, 22-летний, пишет о том, что не поставить ли точку-пулю в своем конце? Как его друзья ни укрывали от этого, как слава, казалось бы, ни гарантировала ему жизнь, все равно это случилось, поэтому клясться в стихах и не выполнять могли только стихотворцы.

Поэты произносят судьбинное слово, и представьте себе, что здесь видим в стихах Саши.

Где по степи носило
Нас от края до края,
Я сверкну над Россией,
Пролетая, сгорая.

Или в грохоте боя
Рухну срезанный влет,
Если острой стрелою
Горло прошьет.

Если полночь раскрашу,
Брызнув кровь на стремя,
Поднесите мне в чаше
Раскаленное время!

В другом месте, уже в стихах, которые Саша писал перед отъездом, писал в ночь на 15 августа этого года. Он говорил:

Чувствую: скоро настанет последний день...
Знать о будущем и былом
Опаснейшая из затей...
Черный грач зачеркнет крылом
Образ твоих детей.

Коснется крылом твоего плеча...
Лучше не ворожить!
Пока твой ангел не заскучал,
Можешь еще пожить.

Можешь прорваться за грань – туда.
Обратно не проскочить...

Ангел скучает. Летит звезда
Птицей слепой в ночи.

Эти строчки – «Чувствую: скоро настанет последний день» и «Можешь прорваться за грань – туда. Обратно не проскочить» – это судьбинные строчки. Саша записал их от руки карандашом и не напечатал их на машинке, чтобы не будить родителей, потому что он уезжал, таинственно приняв решение.

Один журналист спросил меня: «Как Вы объясните то, что он рискнул поехать и почему он поехал?». Я сказала: «Я отвечаю вам вопросом на вопрос: ответьте мне, почему Лермонтов назвал Пушкина «невольником чести»? Поэты и есть невольники чести. Вот у него было ощущение того, что традиционная для русских поэтов позиция – это позиция чести и достоинства. И надо сказать, что это качество традиционно воспитывалось в нашем институте. Здесь давалось всегда романтическое понятие о поэзии, и стих, и поэтика, но поступки наших лучших студентов и преподавателей – это были поступки чести и достоинства. Именно отсюда пошли на ту незначительную финскую войну Николай Отрада и Арон Капштейн, и оба погибли. Отсюда в Отечественную войну ушли многие наши студенты и преподаватели. Здесь я боюсь не упомянуть кого-либо, это будет святотатственно, но многие из здесь присутствующих преподавателей были там и скажут, что семинар Сельвинского ушел вместе со своим преподавателем, и это передалось новейшему поколению, по крайней мере оно об этом знало, потому что об этом упоминалось, об этом писалось, и Саша об этом знал. Не знаю, какова доля участия в формировании его личности этими знаниями, но так или иначе он был человеком, который все это воспринимал. Я помню, как наши разговоры помимо семинарских шли вокруг раннего Тихонова. Я помню, как мы вместе: я начинал стихи

Владимира Луговского: «Итак, начинается песня о ветре...» в два голоса вместе с Сашей «А ветер окутал солдатские гетры. О гетрах, идущих дорогой войны, о войнах, которым стихи не нужны. Идет эта песня, ногам помогая, качая штыки...»

Он очень увлекался вот этой романтической поэзией, которая теперь многими безумными людьми, бесшабашными, все перечеркивающими, все оплевывающими, предана забвению. Но были и поэты иного склада, поэты, которые формировали нашу молодежь, много ее поколений, в т.ч. и Александра Бардодыма. Я хочу указать на такую, как философы говорят, антимонию. Для характера очень важен взрывной момент, когда он, с одной стороны, был очень застенчив до робости и был очень решителен до смелости, и это уживалось в одном человеке. Застенчивость, деликатность и смелость. Он был, конечно, по натуре смельчак, и это проявлялось всячески в его отношении к женщине, и в отношении к природе, к поэзии, к старшему поколению. В этом смысле он был, с одной стороны, потомственный русский интеллигент, а с другой стороны... от Запорожской сечи. Фамилия отсюда, Бардодым. Это давали казаки друг другу такие замысловатые фамилии: Добрый вечер, Перекати поле, Бардодым, вот эта такая звучная фамилия, которая сама по себе пейзажна, сама по себе портретна, вот он был носителем этого имени, и он воспитывал себя, с одной стороны, на почтительном отношении не только к старшим, к классике, он, между прочим, с самого начала любил называть поэтов не по фамилии, а по имени-отчеству «Александр Сергеевич», «Сергей Александрович» (о Есенине) «Александр Александрович» (о Блоке), и о новейших поэтах «Николай Семенович» (о Тихонове), «Борис Леонидович» (о Пастернаке). Дело в том, что это было не словесно. У него действительно было ощущение старшинства, и это было очень выигрышно. Он никогда не спешил высказываться, никогда так

заискивающе, как первый ученик, не поднимал руку, но чувствовалось, что слово уже закипает на губах его – вот-вот сейчас скажет. Я это всегда чувствовал и угадывал, и тогда объявлял: «В путь-дорогу молодым выступает Бардодым». И иногда, так сказать, вразвалочку, не всегда сразу, а несколько подумав, начинал говорить, и даже если говорил остро и критически – никогда не было обидно для того студента, которого обсуждали. Есть люди, которые могут похвалить так, что как по голове ударят, а вот он критиковал так, всегда у него было чувство товарищества, отрастали крылья за спиной. Вот этот талант дружелюбия всегда был ему свойствен и всегда это чувствовалось. Конечно, здесь и родительское воспитание, и школа, и наставничество, и «История» Карамзина, которую он цитировал какими-то кусками, положениями наизусть – все это было очень важно. И вот как-то раз заговорили мы о поэте, в поэзию которого я так не очень всегда вчитывался – об Александре Прокофьеве, и Саша мне говорит: «Знаете, у него есть колорит». И потом через некоторое время я уже получил от Маргариты Александровны, матери Саши, рукопись, русскую песню:

Сарафан синий,
Сама бела.
Не была красива,
Была мила.

Приворожила,
Любила всласть,
Но закружила
И унеслась.

А ветер ленты
На плечи бросил.
Так волны летом
Летят от весел.

Так чья-то воля
Уносит стаю.
И роща в поле
Стоит пустая.

Лес обреченный
Опережая,
Такая черная
И чужая.

Вот видите, он пробовал разные регистры, он и сюда, и туда, и все пробовал не умозрительно, как многие, а на бумаге, пробовал своими стихами, своим пытливым разумом и талантом, который не удовлетворялся тем, что он делал, а жил будущими свершениями, хотя не очень любил о будущем распространяться. Как мы видим из его стихов.

Он был человеком с виду лихим даже, с виду был человеком обаяния и располагал к себе, хотелось с ним разговаривать. А вместе с тем в душе была очень глубокая работа, и среди его заметок многие высказывания можно привести, но я приведу только такую философскую фразу, такой абзац, который меня очень заинтересовал:

«Человек конечен, но, окруженный понятиями бесконечными (природой), он сам содержит в себе качества бесконечные, которые находятся в постоянном сплетении, борьбе с его конечной сущностью, поэтому человек – огромный химиче-

ский процесс, идущий с переменным успехом и бесконечно формирующийся».

Ему было 20–22 года, трудно сказать, но, во всяком случае, это написано без мнимого глубокомыслия, но как результат какого-то длительного рассуждения над существом жизни, над нашим мгновением, который каждому из нас отпущен. И вот весной этого года меня позвали в клуб МГУ, где выступали куртуазные маньеристы, которые тоже родились в этом институте: Вадим Степанцов, который ко мне часто захаживал, он присматривался к людям, ему страшно понравился Саша, но так как формировался ансамбль, то Саше дан был кавказский акцент. Он должен был в этом ансамбле разных стихотворцев иметь свою роль, и Саша подошел под эту роль.

Я смотрел его тогда, и телевидение его снимало, и помню, Булат Окуджава тоже был позван туда, смотрел и говорил:

«Смотри, говорит, очень примечательный какой малый, но стихи у него не подходят, не совсем соответствуют его кавказскому одеянию». Потому что слог, интонация стихов выдавала человека, воспитанного на русской поэзии, причем без всяких вывихов, без такого псевдоавангардизма. Он собирался серьезно писать, не просто поражать и завоевывать симпатии девушек. Дело в том, что он говорил о своих планах с неохотой, очевидно, потому, что верил не в строку предлагаемую, а в строку реальную, в ту строку, которая вылилась, которая является, как бы сказать, результатом какой-то большой душевной работы. Сейчас появляются в разных местах журналистские отклики разного характера, но они еще, на мой взгляд, не дают существа дела.

Все идут от этого страшного для нас события, от этой совершенно невозможной для души утраты, ну и поэтому не вдумываются в характер деятельности и натуру, личность этого человека. И вот я хочу думать, что нынешняя наша встреча здесь яв-

ляется первой серьезной попыткой понять нашего выпускника, и, конечно, оплакав его, пойти дальше, потому что он сам, как я только что прочитал, говорил о конечности бытия. Но есть то, что каким-то образом больше, чем быт и бытие. Он иногда задумывался над тем, что важно. Не просто как спортсмены бросают ядро на огромную дистанцию, уже потом исчисляемую миллиметрами, важно это ядро, поэтому так запустить, чтобы оно ушло за горизонт. У него были дерзновенные порывы. Вот этот дерзновенный порыв поэта, который не довольствуется тем, что он написал, а является сам по себе личностью, который несет в себе огромный поэтический космос – вот это сейчас я хочу понять вместе с вами, вдуматься в это, и думаю, что он продолжится, потому что если вы заметили, я старался говорить сейчас не в прошедшем времени.

Я не знаю, удалось ли мне это, но я хочу продолжить о нем думать в настоящем времени. Вот так мы с ним, не прощаясь, встречаемся и продолжаем думать.

ЛАРИСА РИХТЕР

Я хочу сказать несколько слов как человек, который учился с ним на одном семинаре на протяжении нескольких лет, хотя мы были в разных национальных переводческих группах. Мне почему-то помнится именно первое обсуждение сашиных стихов на семинаре, когда он принес свою поэму «Движение ветра в уснувшем городе». Тогда были разные мнения его однокурсников, его товарищей, но мне показалось, что в этой поэме есть тот порыв творческой энергии и такое эмоционально-образное восприятие мира, которое было присуще ему и как человеку, и как поэту, и во мне как будто вспыхнуло озарение. Вот о чем Лев Адольфович нам всегда говорил: «Задумывайте свою творче-

скую судьбу ярко!» И вот мне показалось, что это было то начало в Сашином творчестве, которое было яркой такой задуманной творческой судьбой. И вообще-то в Саше всегда сочеталось как в стихах, так и в жизни романтизм и чувство юмора, лиризм и экспрессия. Он так искренне воспринимал все окружающее, так искренне смеялся, что заражал своим смехом всех на семинаре, и таким он остался в моей памяти. А сейчас мне бы хотелось исполнить песню, которую я написала на одно из его стихотворений.

Молоком разлилось небо.
Так устало и степенно,
Как скользит по гладким волнам
Пышко брошенная пена.

Я смотрел – я видел пристань
И бродил в густых приливах,
Стал волною серебристой,
Разбиваюсь на обрывах.

«Жизнь уходит, – мне кричали –
Промелькнет в прозрачной бездне!
В море Черное отчалит,
Легким парусом исчезнет...»

Только ветер, словно птица,
То вернется, то растает.
То устало, как страницы,
Волны свежие листает...

ПОЭТ ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

Я перед тем, как войти в этот зал, зашел в тот наш корпус, где на его фронтоне имена Мандельштама, Платонова, а внутри как бы его сердечная часть – 37 имен наших студентов, погибших в условиях той или иной войны. Но не в том дело, что на войне, а в том, что они были устремлены с самого начала своего пути быть вместе с народом, так вот оно и получилось. Странная вещь, очень странная вещь: с первого того семинара, где я был, с первого семинара погиб абхазский студент Леварсан Квицинция, один из прекрасных абхазских поэтов, который считается там сейчас справедливо одним из классиков Абхазии, поэт, которого уважают и сейчас. Вот этот страшный список. Вы знаете, у меня такое ощущение, что мы имеем моральное право, право поэтов, право воинов вписать туда и имя Александра Бардодыма, и надо будет это сделать, и это будет справедливо. Не потому, кто был там сейчас прав, кто и с какой стороны. Дело в том, что он был в самый острый момент вместе с народом. Вот это – поэт, это – поэзия. Вы знаете, я думаю об этих людях, в списки которых мы его впишем. Начинали список еще в 40-е годы, а на той войне участвовал маленький взвод, и здесь были товарищи первого курса, второго и т.д. Каждый из этих поэтов – это великая традиция русской поэзии, которая была взята в сердечный обиход.

Почему убивали так много поэтов? Потому что они очень открыты, они мишени. И такой мишенью был Саша. Ведь это такой поэт, то, на чем мы созидали, чем мы живем. Какие люди... Причем интересно. Взять Багрицкого. Это уже и продолжение его поэзии. Сын Луначарского, это уже продолжение его политической борьбы уже в условиях войны. Очень много поэтов мы потеряли на фронтах. Именно потому, что они были поэтами, сердцами, подставленными под огонь. Когда мы отправились

отсюда в выездной батальон, там были Наровчатов, Луконин, Коля Отрада, Капштейн – они погибли, оба в одном бою, сперва Отрада потом Капштейн, он еще писал стихи до утра, потом пополз по ледяному озеру доставать своего товарища, уже мертвого, после обстрела. А стихи, которые он написал за час до того, как пуля его сразила. Я думаю, что под этими стихами спустя полвека мог бы подписаться и Саша Бардодым: «Пусть я буду вертким и летучим, пусть в боях я буду невредным, пусть я буду после смерти самым...»

ДАУР ЗАНТАРИЯ

ДУША ХРАБРОГО НЕ ПРИНИМАЕТ СЛЕЗ

Памяти Александра Бардодыма

Саша погиб и стал для меня Александром. Первая мысль при этом ужасном известии была: не уберегли. Но в том-то и отвратная сущность войны, что никого и ничего уберечь невозможно.

Он погиб и окончательно стал абхазом. Даже успенье он нашел под Анакопийской крепостью, в Новом Афоне, в древней столице Абхазии, неподалеку от успения Святого Апостола Симона Кананита.

В Абхазии был герой Золотой Шабат. «Не успевший напиться из своего родника» – поется о нем в песне. Генерал Колюбакин, записывая на старости лет мемуары и описывая гибель Золотого Шабата, перешел на вдохновенный тон и сказал: «Из множества предоставлявшихся ему путей князь Шабат выбрал поприще крови, по которому он шел упорно, радостно и в конце которого нашел смерть». Эти слова удивительно применимы к Александру Бардодыму. Песни Александра, положив на нехитрую музыку, сыновья Кавказа поют, идя в бой. Завидная смерть для поэта. На Кавказе его точно не забудут.

Помню смутное чувство, которое я испытал, когда его увидел впервые. Это был юноша с горящим взглядом, какие бывают только в романтических книгах. Но он был реален и слишком опасно открыт. Это смутное чувство с горечью расшифровываю только теперь: все в его облике кричало, что он – не жилец!

Как-то отец Александра, художник Виктор Григорьевич Бардодым рассказал, как возник замысел картины, которая висит в их квартире в Ясенево. Он увидел однажды в небе ноги Бога и Богородицы, а внизу, у ног их, белого дракона. Картина в конце концов была написана, но совсем не так, как задумал ее художник, как будто чья-то рука водила кистью художника.

Но как естественно это объясняется в свете нартской мифологии абхазов. Ведь это отзвуки древней кавказской символики. Зрительное восприятие Верховного божества: человеку дано созерцать только его золотую пятую! Абхазы называют это Ахияргуца. Дракон же охраняет родник (иногда огонь). Может быть, в этом видении отразилась генетическая память о предке-черкесе из Запорожской Сечи, которым Александр так гордился. Этот черкес, а черкесами издавна на Руси правильно называли всех горцев Кавказа, неведомыми путями попал в Сечь но, очевидно, держался там с достоинством, коли ему удалось породниться со славным родом атаманов Бардодымов.

На родине этого предка Александр искал самого себя, верил, что его предок был именно абхаз.

Он не успел напиться из своего родника. У каждого человека свой родник. Именно этот, твой собственный, тебе предназначенный родник способен утолить жажду. Для одного родником может быть слава, для другого семья, для третьего – одна-единственная книга. А для редких людей, наподобие Александра Бардодыма, поиск своего родника есть поиск самого себя. Один находит себя сразу, поэтому его жизненный путь не хитер и прост. А другой, угнетенно ли, радостно и вдохновенно ли – будет искать всю жизнь. Александр искал свой родник в Абхазии на Кавказе.

В Абхазию Александр приезжал не в курортный сезон, когда тут бывало много гостей, я говорю «бывало», потому что война,

по всей видимости, там предстоит долгая и нескоро еще на этом побережье воцарится спокойствие. Он приезжал сюда постоянно и не как гость. И здесь его считали своим.

Александр обычно останавливался у Гиви Смыра, знаменитого художника и спелеолога, первооткрывателя Новоафонской пещеры, или у моего двоюродного брата Аслана, своего однокурсника по Литинституту. Первый воюет сейчас на сухумском фронте, второй командует партизанским отрядом в Очамчире. Приехав в Абхазию, Александр долго на одном месте не сидел. Или он отправлялся с Гиви в его бесконечные походы по горам, или ходил по селам, где шокировал контрастом своей русской внешности и знанием сложнейшего абхазского языка, в котором 82 фонемы. Повсюду у него были друзья. Шлейф приключений следовал, не поспевая.

Когда Александра впервые привел ко мне Аслан, он был семнадцатилетний, совершенно юный. Влюбленный в Есенина, он декламировал «Инонию».

С творчеством куртуазных маньеристов познакомил меня он. Но его собственные стихи тогда были иные.

Завтра абхазец, нахмутив брови,
В сумерках брызнет вашей кровью.
Головы ваши под пышным стягом
Сгинут, порубанные по оврагам.

Я не очень хорошо знаю маньеристов, но по прочитанному одному сборнику «Любимый шут принцессы Грозы» могу судить, что Александр в своем образе гусара в черкеске играл того, кем был на самом деле. Это выдавание сущности за игру долго не могло продолжаться, должен был произойти или разрыв с кружком, или что-то иное.

Началась война в Абхазии. Сотни бойцов из Северного Кавказа бросились в Абхазию. Война способствовала консолидации искусственно разъединенных последнее столетие горских народов Кавказа. И как бы всемогущие политики ни пытались представить этот стихийный порыв как усилие некой организации, рано или поздно мир поймет, что совершился подвиг, что горец не оставил в беде своего брата, что жив еще старый Кавказ. Мог ли усидеть в Москве потомок черкеса из Сечи! Сняв ногу с пьедестала настоящей славы, Александр Бардодым немедленно отправился на Северный Кавказ, откуда с группой смельчаков-добровольцев, перейдя Главный кавказский хребет, добрался до Абхазии. И вступил в бой. По дороге он сочинил стихи, которые положил на музыку чеченский парень Хамзат Ханкаров, и эта песня ныне является гимном бойцов, воюющих за независимость Абхазии. Так начался и прервался третий период творчества этого неугомонного поэта-война.

1992

КОНСТАНТИН ЕЛГЕШИН

СЛОВО О ЧЕРНОМ КОННЕТАБЛЕ

«Русский рок», № 1, 1993

Пуля, как известно, дура. И, как ей положено, она не выбирает – кого оставить в этом, прямом скажем, не самом счастливом мире, а кого и перевести в другую орбиту бытия. В случае с Сашей Бардодымом – в бессмертие и легенду.

Обидно, когда убивают двадцатипятилетних людей. Еще гаже, когда убивают красавца, умницу и, что называется, душу общества.

Саша Бардодым был именно таким: красив, а в его случае именно так и было, заикающийся мужчина в извечных сапогах и башлыке, очень напоминающий своими повадками традиционного гусарского офицера или горского князя из прошлого века – именно таким Саша поднимал на дыбы Москву. Все вокруг него оживало и на ушах перекачивалось с одной московской квартиры на другую – и везде вокруг него закручивался буйный водоворот жизни. Стихи, громкий смех и благородные поступки – все это лилось нескончаемой шумной рекой, источником которой был московский поэт Александр Бардодым, в 25 лет получивший в Абхазии пулю от грузинского головореза.

Абхазия для Саши была настоящей страной его души, его второй Родиной. Ее гордый и благородный народ, чей красивый язык Саша выбрал для своей специализации переводчика в Литературном институте, стал ему братом. Бардодым просто не мог не оказаться там, где бесчестно убивают его друзей. Он уе-

хал в Абхазию добровольцем и погиб там почти в самом начале этой неравной войны с грузинскими оккупантами...

Казалось, он сам чувствовал, что свою жизнь ему до спокойного конца дожить не удастся, – но он шутил над судьбой, играя словами своих стихов и с судьбой, и самую смертью.

Последний год своей жизни Бардодым провел бок о бок с товарищами по Ордену куртуазных маньеристов, где он с гордостью носил звание коннетабля. Эпитет «черный» он получил позднее, когда удивление при виде его полувоенной черной одежды преобразовалось в убеждение, что только так и не иначе следует одеваться такому человеку, как Саша Бардодым...

Кроме своих переводов прекрасных абхазских стихов, Саша любил писать в стиле японских танки; очень многое в его творчестве по духу напоминало знаменитые «разгульные» стихи гусарского генерала Дениса Давыдова – и весь он, его творчество так плотно вписывалось в гармонический строй куртуазного маньеризма, что буквально с первых же дней Саши в Ордене его невозможно было отделить от маньеризма.

В Ордене он был настоящим мотором, который заводится с пол-оборота и делает жизнь окружающих его людей радостным калейдоскопом. Но судьба распорядилась иначе, и это символично: еще один русский поэт сложил свою гордую голову на Кавказе, но в этот раз не на глупой дуэли или в войне с аборигенами: добровольно пойти под пули за чужую Родину – удел только личностей уровня Байрона или команданте Че.

Саша умер. Но только физически. Духовной смерти его не будет: нет ни одного человека, который, хоть однажды пообщавшийся с Бардодыном, не запомнил его.

АННА БРОЙДО

АБХАЗСКАЯ ГРУСТЬ САШИ БАРДОДЫМА

«Герои Абхазии», сборник очерков, выпуск I, Сухум, 1995

– Мы очень хотели похоронить его здесь, но когда из Москвы за телом приехали родители, мы сначала боялись им это сказать, а потом сказали, и они согласились, потому что тоже хотели, чтобы он остался здесь, в Абхазии, которую так любил. Вместе с матерью прошли по городу, выбрали место, и вот здесь, в парке, похоронили его, бедного, весь город проститься пришел. А когда кончится война, обязательно поставим Саше красивый памятник...

К могиле поэта Александра Бардодыма нас привел Виссарион Аргун, а мог привести и любой житель Нового Афона, потому что ее здесь знают все. На деревянный крест и невысокий холмик, выложенный морской галькой, медленно, как шаги бесшумного караула, падают бело-розовые лепестки магнолий, а вокруг свет, какого не бывает, и понимаешь, откуда у московского хлопца абхазская грусть...

– Я Сашу еще до войны знал, он часто приезжал, и все его любили, он был такой деликатный, настоящий аристократ, и в то же время очень простой: вот я – сын крестьянина, но он со мной говорил так, что мы друг друга понимали, он с каждым умел найти свой язык. Он в Москве носил папаху, черкеску, это так нас радовало, ведь даже наши ребята стеснялись носить национальную одежду. А когда началась война, он пришел через перевал с добровольцами из Чечни, был в диверсионном отряде

Шамя, они ходили к противнику в тыл. И ребята-чеченцы, которые с ним воевали, просто изумлялись, говорили: это необыкновенный человек – он совсем не знает страха!

По старинному абхазскому обычаю, погибших в бою не оплакивают, а слагают о них песни и легенды, и сложена уже Легенда о Бардодыме, не знавшем страха, который не просто легенда, а символ России и надежды на Россию. Но все-таки и плачут – потому что жалко, да и кто сейчас соблюдает старые обычаи, и завуч пицундской школы Светлана Масовна Тарба говорит, что племянников убили, и то она так не горевала, и если б можно было умереть, чтоб Саша жил, то с радостью согласилась бы, потому что такой необыкновенный мальчик был, а легенда не тает, и в передаче Абхазского радио ее подхватывает молодой бард из Чечни Имам Атисултанов:

– Весть о смерти московского поэта Александра Бардодыма ускорила мой приезд сюда и усилила боль в моем сердце. Я написал песню на стихи Бардодыма, русского парня, который умер за свободу Абхазии. Мне не хотелось бы, чтобы плакали матери всех народов, абхазские матери, грузинские матери, и поэтому я сегодня здесь, с гитарой, иначе мне грош цена:

Над грозным городом раскаты,
Гуляет буря между скал.
Мы заряжаем автоматы
И переходим перевал.
В страну, где зверствуют бандиты,
Горит свободная земля,
Приходят мстители-джигиты
Тропой имама Шамя.
Врага отвага поражала
В лихих, отчаянных делах.

В бою на лезвии кинжала
Напишем кровью: «Мой Аллах».
Помянем тех, кто были с нами.
Кого судьба не сберегла.
Их души тают над горами.
Как след орлиного крыла...

И теперь эту песню поет вся Абхазия, а поэт Игорь Хварцкия вспоминает, как предложил простуженному Саше отлежаться у него дома, а он бы тем временем воевал с его автоматом, и тот ни за что не согласился: ты, говорит, еще не обстрелян. Как перевел Саша его стихи «Судьба» про растение агаву, которое живет 25 лет, цветет раз в жизни и, оставив семена, умирает:

Пускай на нем лежит проклятье
И гибельно его цветенье,
Весна приходит, и опять он
Живет надеждой на спасенье.
Живет среди других, страдая,
Когда весна вокруг ликует,
Своей судьбы не принимая,
На светлом празднике тоскует.
Но он дышал весной безбрежной,
Когда однажды, на рассвете,
Оделся в траур белоснежный
И умер, смерти не заметив.
Он был рожден, годами мучась,
Соединить в одно мгновенье
Свою немислимую участь –
Печаль могилы и цветенье.

– И теперь я понял, что он их выбрал не случайно, а потому, что, наверное, предчувствовал, что его судьба – как метеор: вспыхнув, пролетел в небе над Абхазией и сгорел. И думаю, что именно здесь, а не в Москве, начнется его путь к бессмертию, к славе, к которой он никогда не стремился, но жизнь делает свое, обычно это так и бывает. Русский поэт погиб в Абхазии – как будто все очень просто. Но это все не так просто...

Конечно, не просто – просто умирать за идею, но только поэтам дано умереть за любовь. И мне бы жить и жить, сквозь годы мчась, но встретить я хочу свой смертный час так, как встретил его Саша Бардодым. И не надо памятников, милый Виссарион, нет лучше памятника для Саши, чем деревянный крест в весеннем парке, и восковые магнолии, потому что мы идем сквозь револьверный и минометный лай, чтобы никто не тужил о песне, потому что эту песню поет вся его Абхазия...

ЛЕЙЛА ПАЧУЛИА

ПОМИНАЛЬНАЯ СВЕЧА

«Герои Абхазии», сборник очерков, выпуск I, Сухум, 1995

Говорят, чудо пребывания поэта на земле недолговечно. Никогда не думала, что придется писать о тебе так, Саша, никогда не думала. Воспоминания... Нам, твоим друзьям, теперь только и остались они – воспоминания и стихи – прекрасные знаки твоей недолгой жизни.

Мелькают лица, события, выплывают обрывки фраз. Загорается горькая свеча воспоминаний.

Москва. Тверской бульвар. Аллеи, которые словно прислушиваются к дыханию листьев, влажная земля и мы – на пути к притихшему на площади задумчивому, кудрявому Пушкину, мы – абхазская переводческая группа, студенты Литературного института, пока еще приглядывающиеся друг к другу, пока еще на пути к своему лицейскому братству.

Впереди – первые прогулки по замерзшим старинным московским улочкам. Семинары Льва Озерова и Дениса Чачхалиа. Обсуждение стихов, переводов из абхазской поэзии и прозы, рождение пародий на произведения друзей. Совместные литературные вечера, концерты. И еще – белоснежная скатерть, расписной дымящийся самовар, аромат свежезаваренного чая, незабываемый вкус пирогов, испеченных Сашиной мамой.

Саша. Александр Бардодым. Каким он был? Человеком чести. Из года в год он приезжал в Абхазию не просто провести друзей, а познать ее культуру, обычаи, природу. А в Москве с его уст

не сходили рассказы о новоафонце художнике и краеведе Гиви Смыре, путешествиях по горным тропам, об Апсны, которая магически притягивала к себе, словно он знал, что здесь обретет покой, здесь его последний дом.

Помню вечер абхазской поэзии в Москве, в книжном магазине на улице Кирова. Голос Саши, его стихи, притягивающие недосказанностью, глубокой философичностью, колдовством древнего абхазского язычества. И – неожиданную реплику: «Этот парень сеет рознь между нашими народами». Я посмотрела на странного человека, который с каждой прочитанной Сашей строфой уменьшался прямо на глазах, вдавливался в кресло и нервно поправлял очки. Неужели воспевать Абхазию – это значит сеять рознь между абхазским и грузинским народами? Странная логика.

Помню Сашин смех. Это что-то необыкновенное. Бывало, на творческих семинарах произойдет какой-нибудь казус. Все отсмеялись – тишина. Вот уже начинают говорить на другие серьезные темы. И вдруг новый неожиданный взрыв смеха – и такой жизнерадостный, неудержимый. Это снова смеется Саша. И все студенты смеются вместе с ним. (При всей своей строгости не выдерживали серьезного тона и руководители семинара.) Смех как будто бы медленно нарастал в нем и не мог не выплеснуться, не поделиться радостью со всем окружающим миром.

На семинарах во время обсуждения стихов Саша никогда не изощрялся в красноречии, был предельно искрещен в своих суждениях. Поэтому, думаю, многие дорожили мнением Саши.

Иногда он напоминал гусара, хотя вряд ли был повесой. Он напоминал гусара скорее жестами, в которых сквозила игра, галантностью, бравадой, но самое главное – способностью при всей своей скромности на бесшабашную удаль.

Впрочем, в разные минуты своей жизни он мог напоминать и рыцаря, и казака, и декабриста – потомственного дворянина пушкинских времен.

– Я казак. А казаки – те же абхазы, – часто с гордостью говорил Саша.

Помню. Поздний вечер. Последний автобус, движущийся в очамчырском направлении. Саша, Гунда Сакания и я примостились на задних сиденьях. Перед нами, подбоченьсь, стояла группа молодчиков, которые, по-видимому, возвращались с митинга. На грубый окрик: «Кто ты?» Саша невозмутимо ответил: «Я абхаз».

– Они имеют поддержку в Москве, поэтому так много выступают, – раздраженно сказал наиболее взвинченный из них, готовый броситься на Сашу с кулаками. Обстановка накалялась. Саша и не думал уступать в словесной дуэли. На наше счастье, «Икарус» остановился. Мы вышли и постарались вытащить Сашу из автобуса, но на последней ступеньке он задержался. «И все-таки, ребята, эта земля абхазская», – спокойно и убежденно сказал он.

В автобусе взревели. Мы обмерли. Но дверцы захлопнулись. «Икарус» покатыл дальше, оставив нас в Гулрыпше... Это была наша последняя встреча с Сашей. Кто думал тогда, что будет ему всего 25 лет, и будет могила в Новом Афоне, и станет он героем Абхазии? Почетное и горькое звание.

Никогда не думала, что придется писать о тебе так, Саша, никогда не думала. Воспоминания... Перебирала бумаги и нашла в записной книжке номер твоего телефона. Она еще хранит адреса тех, кто ушел. Хранит воспоминания.

Сегодня, когда небо пречистое и безмятежное раскинулось над печальными дорогами с еще не залеченными шрамами, над полупустыми селами с искалеченными, обугленными домами,

над сожженными судьбами, над погостами без памятников и крестов, над братскими могилами, я ставлю свою горькую поминальную свечу – это небольшое воспоминание о тебе. Как безмерна скорбь, как бледны слова! И все же я верю, что и твой голос доносится к нам с запредельных высот, из тайны тайн, растворяясь в шорохе волн, сказах камней...

Июнь 1994

М. ВАСИЛЬЕВА

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО БАРДА

«Литературное обозрение», № 5,6, 1994

*...А еще не будете как дети, не внидите
в царство Божие.*

Вспоминаю о нем – какое-то вечное детское и талантливое дуракаваляние. Постоянно новый «прикид». Широкополая серая шляпа, белый вязаный шарф, длинный плащ, развевающийся на ветру, небрежное сдергивание перчатки с руки (супермен 50-х), потом черный комбинезон, перетянутый ремнями. Трофейный антикварный орден, офицерская шинель без знаков отличия (белогвардеец, галилиполиец) и еще позже, через год, – бурка, черкеска, газыри (джигит, абрек, Черный Гранд-Коннетабль).

Сашка, бард, Бардодым... С ним всегда было легко. И легкость походки – необычайная. Он никогда не пыжился, не натягивал маски чревоушателя и старика. Наоборот, главная его черта – абсолютная детскость – черта, отличающая дарование от всезнающей посредственности.

Как-то осенью 92-го года раздался телефонный звонок. «Ты уже знаешь?» – звонила моя знакомая. «Что?» – «Бардодым погиб...»

Он каждые полгода уезжал в Абхазию, его тянуло туда. Московский студент, сын потомственных интеллигентов, в последний год – завсегда тай поэтической богемы... Почему Абхазия? Он срывался туда в секунду, и отговорить ехать было просто невозможно. В 92-м году, летом, там началась гражданская война.

Потом, много позже, на панихиде в Литературном институте, в спокойной, серенькой, дождливой Москве, мы вспоминали Сашу, и его руководитель Лев Адольфович Озеров сравнивал Бардодыма с теми, кто ушел когда-то в 41-м и не вернулся. А мы, ровесники, молчали. Нам было не с чем сравнивать, мы не пережили войн. И не понять, не объяснить, где, как и в чем заплутало наше безликое, наше невыносимое, ни на что не похожее в своей жестокости время. Саша нас поставил перед растерянностью, как перед фактом. Да, наверное, он что-то преодолел, наверное, что-то понял в этом безвременье, которому все мы так боимся заглянуть в глаза. Может быть, надо было обладать этой удивительной легкостью походки, чтобы быть с нашим тяжеловесным временем на «ты»? И я до сих пор пытаюсь что-то понять и объяснить себе: все в Саше казалось когда-то таким ясным и легким, все как на ладони... Да, был «прикид», был и супермен, и белогвардеец, и маньерист московской литературной богемы... Но я чувствую, что был еще другой Александр Бардодым, какая-то тайна – я благоговею перед этой тайной...

...Вспоминаю, как когда-то читала переписку Лермонтова. Вот письма Александру Лопухину, другу, одно из них помечено июнем 40-го года, в нем Лермонтов безудержно по-гусарски балагурит, сыплет анекдотами, но ответ не приходит, – то ли почта затеряла, то ли другу ответить недосуг. И снова с Кавказа письмо, грустное и лаконично-суровое в своем сжатом описании кровавого похода. И опять нет ответа. Третье письмо, следом, удивительное, проникновенное, – о том, как, дай Бог, вернется с войны в Москву, всех увидит – и Лопухина, и его жену, и их маленького сына посадит к себе на колени. И вдруг прорывается детская обида: «Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что ли?» Переворачиваешь еще одну страницу, еще... Переписка обрывается. Какое реальное, какое зримое чувство утраты!

Александр Бардодым погиб в 25 лет. Четверть века. Это даже не лермонтовские двадцать семь. Я листаю тоненькую книжечку. «Прорваться за грань» – строка из стихотворения. Вырванная из контекста, она звучит уже по-другому, в ней есть усилие. А в стихотворении – тайна и легкость. Снова легкость! Хотя строки исполнены трагизма:

Знать о будущем и былом
Опаснейшая из затей.
Черный грач зачеркнет крылом
Образ твоих детей.
Коснется крылом твоего плеча...
Лучше не ворожить!
Пока твой ангел не заскучал,
Можешь еще пожить.
Можешь прорваться за грань – туда,
Обратно не проскочить...
Ангел скучает. Летит звезда
Птицей слепой в ночи.

Это самое последнее стихотворение в сборнике, оно завершает цикл «Триптих». Первое отмечено 82-м годом. Десять лет судьбы поэта.

Первые стихи. Удачи и неудачи, все рядом, все попеременно. Поначалу удивляет это вольное соседство хорошего и банального, свободы и шероховатости. Неожиданно, как откровение, всплывают удивительные строчки: «А в стакане для бурь // Гневно дышит январь» («Есть ли»); «Тишину поцелую в усталые губы» («Светлое утро»); «Нынче снежные лохмотья на себя напялил ветер»; «Дом наклонился желтым вперед» («Городской этюд»). В свои 15–16 лет надо обладать бесстрашием, чтобы не бояться пи-

сать с промахами, иногда даже плохо, но взять разбег. Не гладко, не ровно, а с какими-то отчаянными взлетами и падениями. Но ни доли «вундеркиндства», обреченного на постепенное истощение, ни доли самонадеянности, все из ранней лирики – еще только готовность для роста. Есть строки, неудача которых очевидна: «Меня посетила муза. Она блондинка». Включил бы Саша, если когда-нибудь пришлось самому составлять свою книгу, весь этот ворох ученических стихов? Не знаю, может быть, и выкинул бы их из сборника, как это делали почти все писатели, считая свои первые шаги неудачей. И, сделав это, совершил бы ошибку.

Я помню, как Бардодым пригласил меня на семинар, мы тогда оба были студентами Литературного института. Шло обсуждение его стихов, и Саша читал много, все подряд. Кое-что из ранней лирики. На обсуждении каждый считал своим долгом, независимо от возраста и дарования, проявить зубастость. Потом выступил Сашин руководитель: «У тебя стремление к лаконичности. Иногда просто-таки сводка с поля боя: точка-тире, тире-точка». Саша тогда на эти слова Озерова ответил взрывом смеха. «Но я чувствую большую тягу к своему стилю, к непохожести. Ты постепенно подходишь к своей, индивидуальной, ни на кого не похожей балладной лирике и поэзии».

Саша пишет в 84–85-м годах поэму «Движение ветра в уснувшем городе». И снова краткость, лаконичность, прерывистость. И снова удачи мимолетны, а поэма в целом оставляет ощущение недосказанности. Но вот стихотворение «Сырость», и я вижу, чувствую ощутимо, как Александр Бардодым, поэт, словно схватил на бегу тот стиль, который так долго не давался. Стихотворение наполнено дыханием, оно все – полет и порыв, само движение ветра. И поэт берет на себя смелость поставить отточия в том месте, где возникло стихотворное пустое пространство, но избежать его заполнения неживыми словами:

Метелью годов
Залетают опять
Хлопья слов
В пустую тетрадь.

Летят незримо.
Не слышна поступь.
Я вспомнил зиму
И снега россыпь.

Как, рассыпаясь,
Искрясь, навстречу
Хрустит слипаясь,
Молочный вечер.

Умрет, мерцая,
В костре заката....

Я тоже, тая,
Лечу куда-то...

В 1984 году Саша поступил в Литературный институт на факультет художественного перевода, в абхазскую группу. Влюбился в перевод, в абхазский язык, в Абхазию. Это было какое-то редкое уважение к каждой минуте, которую дает судьба, – не было ошибок, была полноценность.

Одно время я думала, что постоянные «срывы» в Абхазию для Саши – легкодоступное курортное времяпрепровождение и заполнение пустого пространства одновременно, потому что «дело и смысл жизни» часто придумываются человеком от внутреннего провисания в воздухе. Однажды Саша пришел в гости

и снова стал рассказывать про Абхазию. И вдруг я стала ловить себя на мысли, что его знания об истории, языке, культуре уникальны. Влюбленность в Абхазию Бардодыма была не от пустоты, а от какой-то необъяснимой прапамяти.

Время все меняет местами. Теперь на Сашины стихи поют гимн абхазские партизаны, его именем назван парк в Новом Афоне, где похоронен Саша. Там Александр Бардодым стал национальным героем. Все воздается, возвращается, несколько лет назад именно он, Саша, воспевал Абхазию.

Я листаю тоненькую книжечку «Прорваться за грань». С 86-го по 92-й стихи, стихи, стихи об Абхазии: «Песни бзыбских абхазов», «Снежный всадник», «Девушки из селений и «Ажвейпш», «Обращение к махаджирам», «Песня гениехов», «Письмо абхазским друзьям»... Тот самый, ни на кого не похожий, прерывистый, балладный стиль, который резко выделил еще студента-первокурсника:

Звери, прочь! Охота!

Кровь на снегу читая,

Самый грамотный из людей знает –

позади стоя.

Уходя по снегу – беги,

даже лист рыжий

Дрожит, когда человек подойдет ближе...

А когда крик тревожный птиц мы с собой

приносим,

Он сорвется, ляжет и ждет осень.

Гибель осени

И снова вспоминается тот неожиданный разговор про Абхазию, когда показалось, что плохо знаю настоящего Бардодыма.

В последний год Александра приняли в Орден «Куртуазных маньеристов». Во всех газетах, когда он погиб, написали потом: «Поэт, член Ордена Куртуазных маньеристов», – как будто этим хотели определить всю его поэзию. Честно говоря, плохо понимаю, что Орден создали те, кому хорошо за тридцать, наверное, время стало предъявлять свои счета, гусарить было уже как-то не к лицу. Орден оказался блестящим выходом из положения. Не просто «тусовка», больше – оправдание своего инфантильного образа жизни, шанс не опоздать на поезд, превратиться в явление. И они вписались в это время. Великовозрастные гусары. Вечера, банкеты, вернисажи, их песни стали попсой (вершина успеха), их поэзия превратилась в меньеризм. Кто-то придумал каламбур «манерный карьеризм», и каламбур «попал в десятку». Для Саши гусарство не было игрой, и шутовское дуракаваляние было слишком искренним – а это не входило в программу Ордена. В конечном счете Черный Гранд-Коннетабль – повод еще больше, еще ощутимей вернуть тот облик, к которому всегда стремился (черкеска, газыри). В обыденной жизни это было невозможно. Но постоянная игра Ордена в куртуазную старину, в смокинги и эполеты давала Саше уникальную возможность приблизить прапамять. Он принадлежал на полном серьезе к разным временам и мог жить в разных состояниях. Не играть, а жить, – абрек, джигит, гусар.

«Уничтожить банду,
Всю одним ударом», –
Он дает команду
Преданным гусарам.

На большое дело,
За простой народ

Полетели смело
Всадники вперед.

Пусто поле боя,
Враг бежит разбитый,
Вот они, герои!
Вот они, джигиты!

Дамы шепчут нежно:
«Слава Коннетаблю!»
Он стоит небрежно,
Опершись на саблю.

Дерзкий на дуэли,
Грозный на войне...
А и в самом деле –
Слава, слава мне!

*Из стихотворения «Второй сон
Черного Гранд-Коннетабля»*

Так получилось, что и увлек куртуазным маньеризмом Сашу самый талантливый из Ордена – Вадим Степанцов. И все-таки Бардодым в его мохнатой бурке, с его взрывным смехом, с его жизнью напропалую, раскованной детской легкостью походки, – он вылезал из развязно-благочестивого семейного портрета маньеристов явной непоправимостью. В семье не без урода.

Стихи для Ордена – всего лишь часть Бардодыма. Но в том-то и тайна его таланта – он гордился своей причастностью к Ордену. Стихи Черного Гранд-Коннетабля по-настоящему смешны – он и здесь жил, не сдерживая тормоза... Я вспоминаю его безум-

ные рок-н-роллы и буги-вуги, где не было ни одного движения, напоминающего хоть сколько-нибудь эти танцы, я вспоминаю бесконечные поездки, когда тащил с собой целую компанию. Он притягивал к себе людей. А когда погиб – все как-то посерели, поникли. Общность распалась.

И вдруг встает в памяти неожиданный разговор о XIX веке. Саша цитирует несколько четверостиший из «Сцены из Фауста» Пушкина и ждет выжидательно, что я подхвачу и продолжу. Но я молчу. «Ты не помнишь?» – «Наизусть? Нет». И тогда Саша цитирует по памяти всю «Сцену из Фауста» и потом целые фрагменты из «Маленьких трагедий». И мне снова тогда показалось, что я не знаю настоящего Бардодыма. В последний год он будет воспевать, как бы отдавая дань Ордену, Жаклин, Чичолину и Нелли...

Но вот – как будто совсем другой рукой написано:

Прогремела гроза над пустой равниной.
Она зимой укутана шубою соболиной.
Она зимой румяная и молодая
И звенит бубенцами от Питера до Валдая.
А теперь где Валдай? Близко ли,
далеко ли?
Только гром прогремит гулко в пустом поле,
Да в сухом ковыле как ребра торчат овраги.
Даже волки в степи не хищники,
а бродяги.
Значит, сам виноват, что степь называл
страною.
По степи гроза никогда не пройдет
стороною.

И написано тоже в 92-м.

Может, он и вправду родился не вовремя? Пришел из вчера? Даже в «прикиде» все больше уходил в прошлое: супермен, белогвардеец, гусар... Время сейчас какое-то странное. Герои ему не нужны. То ли жизнь, то ли какая-то серая возня...

Я раскрываю книгу на последней странице.

Сердце осенью очистив,
Понимаешь год от года
По полету мертвых листьев
Равнодушие природы.

Все равно исчезнет слово.
Осень рыжая растает.
Станет лес печален, словно
Колыбель ее пустая.

Но полет листве не страшен,
Время бурь и революций
Тае. Только души наши
Эхом чистым остаются.

И дальше, еще:

Все! Ударили по тормозам.
Стану бесчувственен, холоден, неподвижен.
И хотя ослепнут мои глаза,
Я буду видеть то, что сейчас не вижу.
Мне пространство и время
не будут уже мешать.
Я останусь здесь и одновременно
исчезну,

Потому что движение, гармония
и душа
Сольются и вновь
образуют бездну.

Я перечитываю еще раз и думаю о той мере дара, которая была отпущена Саше Богом – и вдруг так ярко сверкнула в этих последних стихах. Они – как гумилевский заблудившийся трамвай, который вдруг выскакивает на тебя из листаемых страниц, как из-за поворота, и освещает строчки, проносится с гулом, со всем своим наваждением, пророчеством и прошивает тебя насквозь непостижимостью. И главное в «Триптихе» – не только провиденье судьбы, а снова и снова – мера таланта, которая отпущена была Богом. Ни одной строчки в пустоту, каждая – мудрость, полет и горение. «Саша, это бесконечно, безмерно талантливо», – думаю я. Я знаю и верю, что Саша эти слова слышит, но почему-то именно сейчас снова вспоминается лермонтовское: «Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что ли?» Что потом думал этот Александр Лопухин? Что друзья не успевают сказать самого сокровенного и самого главного?

«Написано в ночь перед отъездом в Абхазию. 15 августа 1992 г.» Последняя строчка. Он написал стихи карандашом и не стал перепечатывать, чтобы не будить родителей. Потом собрался и, почти никого не предупредив, снова уехал в Абхазию, в Апсны, – так он называл эту страну, потому что Апсны в переводе с абхазского – страна души. Он ехал туда журналистом, долго пробирался с действующим отрядом через горные перевалы, пока не достиг тех мест, которым всегда признавался в любви.

ИННА РОСТОВЦЕВА

критик

«Литературная газета», № 35, 1–7 сентября 1999

Семь лет назад молодой московский поэт Саша Бардодым ушел из дома на войну в Абхазию и не вернулся. Он погиб как воин, герой, поэт. Остались не услышанные миром его слова, которые он написал в 18 лет: «Я просто поэт – не стреляйте в меня». Осталась лежать невостребованной рекомендация в Союз писателей, которую он попросил незадолго до отъезда, да так и не нашел времени забрать... Выход посмертной книги «След крыла» (Сухум: «Алашара», 1999; составление и художественное оформление матери поэта Маргариты Бардодым), достойно изданной фондом Президента Республики Абхазия, где со всеми почестями похоронен Александр, – это личное для меня событие, из тех, что входят во внутреннюю жизнь. Но это и событие для отечественной литературы, быстро стареющей и легко забывающей, что такое путь юного поэта, в котором все так воедино сплелось – романтизм, «куртуазный маньеризм», Блок и Лорка, русская осень и абхазская легенда, сохраняющие неповторимый оттенок его «крыла».

ИННА РОСТОВЦЕВА

ЖИВ ПО ПРИБЫТИИ

О поэзии Александра Бардодыма

«Книжное обозрение», № 41, 11 октября 1999

Бывают странные сближения... В дни, как прибыли вести о посмертной книге Александра Бардодыма (1966–1992), по TV показали иностранный фильм «Мертв по прибытии», где герой, которому предстоит умереть через несколько часов, и он знает об этом, говорит: «Я думал, что смерть – это с другими. Умирают старики, а оказалось, это случилось со мной. Никогда не бываешь таким живым, как на пороге смерти...»

Эти слова, возможно, могли бы быть и последними мыслями поэта перед тем, как его убили; только в отличие от киношного героя, сумевшего вычислить своего убийцу, имя убийцы Бардодыма останется неизвестным и называется одним словом – Война. Как – «Раскаленное время», из чаши которого ему довелось пригубить смертельный глоток...

Бардодым оказался хорошим пророком. Он видит своей книгой. Но и мы, всматриваясь в «След крыла», им оставленный, видим, в свою очередь, какая это все-таки бесценная величина в искусстве – молодой талантливый поэт.

Неудивительно, что по «прибытии» к нам, после 7 лет отсутствия, он оказывается столь живым. Книга вместила не просто 10 лет творческой жизни (первый стих помечен 1981 годом, последний написан 15 августа 1992-го, в ночь перед отъездом на войну в Абхазию). Она показала творческий путь поэта от 16 до 26 лет.

Что мы знаем об этом возрасте?

После книги стихов Бардодыма понимаешь: привыкшие к «умным старикам», которые в свои 30 и 40 все еще числятся у нас молодыми, мы постепенно теряем вектор развития современной поэзии.

У Бардодыма была хорошая классическая школа: Пушкин и Лермонтов – первые учителя.

Увлечение Есениным – это постижение души русского лиризма, скрещение цвета и звука: «Алый октябрь в сумерках серых», «голубым и прозрачным льдом затянуто небо», «посеребренный лунный жемчуг из мешка голубых озер». Знакомство с Гумилевым – это Восток, не столько следование элементам поэтики и стиля автора «Романтических цветов», сколько открытие для себя его темы – мужества и страха, героизма и предательства, победы и поражения.

Уроки у Лорки – это вкус к метафизическому, чувственно-отстраненному, выбор в пользу «глотка горячего» красного цвета.

За всем этим по-юношески жадным, переимчивым интересом к не своему, чужому видна попытка созидания поэтом именно художественного мира – не публицистически декларированного и риторически абстрактного, а пластичного в первую очередь. Достаточно посмотреть на его «Черный хлеб», написанный на «зеленом теплом фоне»: «растворяется в огромном черный хлеб».

Удивительнее другое: сегодня, когда мы открыли и прочитали Серебряный век русской поэзии, строки, сочиненные Бардодымом в его «серебряный год» (1982), 18 лет назад, не кажутся более ни книжными, ни детскими: «Зазвенел и неслышно разбился свет», «Желтеют и падают листья лицом на сырой тротуар»...

Трудно сказать, как сложился бы путь поэта, если бы не произошла его встреча с Абхазией. С ее природой, культурой, людь-

ми. Абхазия для него стала всем тем, что он так мучительно и страстно искал.

И переводы из абхазской поэзии, которые он рассматривал как попытку создания своей антологии абхазской поэзии, субъективной антологии, «собрания стихов полюбившихся поэтов», к которой он написал замечательное предисловие «Пастушеская свирель», воспринимаются как органическое продолжение собственного оригинального творчества.

Бардодым внушает нам, что «время бурь и революций тает, только души наши эхом чистым остаются».

Его вторая посмертная книга, с любовью изданная в Абхазии (составитель и художник – мать поэта), по сути стала первой настоящей книгой, с которой начинается открытие поэта. Как точно заметил в предисловии Денис Чачхалиа, Александр Бардодым – это «имя собственное из русской поэзии XX века. Яркое, самобытное».

Таким оно и останется.

АННА БРОЙДО

ФЕНОМЕН АЛЕКСАНДРА БАРДОДЫМА И ПРОЦЕСС ЭТНОГЕНЕЗА АБХАЗОВ

Анна Бройдо,

*руководитель проекта Национального
института региональных исследований
и политических технологий «Экспертное
сообщество» (г. Москва),
кандидат исторических наук*

Журнал «Гражданское общество», № 95, 2010

Абхазская традиционная культура апсуара, как и культура других военизированных традиционных обществ, характеризуется наличием развитого культа героизма – афырхацара. Единственная экзистенциальная из абхазских традиционных ценностей, она обладает ярко выраженной альтруистической окраской – легендарными героями, персонажами эпических песен неизменно становились те, чей подвиг был связан не с удачным набегом, но с самоотверженной защитой родины и народа от внешней угрозы. О ее древности и укорененности в культуре свидетельствует наличие в языке наряду с термином «афырхаца» – «герой-мужчина», термина «афырпхюс» – «героиня-женщина».

Между тем, наши исследования фиксируют заметные изменения сути этой категории с начала 90-х XX века. Если раньше почитаемыми в народе становились только этнические абхазы, то в ряду легендарных героев войны 1992–1993 годов впервые

появилось значительное количество мужчин и женщин иной этнической и конфессиональной принадлежности: как воинов-добровольцев, так и уроженцев Абхазии. Их деятельность оказала существенное влияние не только на непосредственный исход сражений, но и на моральный дух абхазов, укрепление позитивной этнической доминанты: «Свободная и независимая Абхазия».

Столь примечательное обстоятельство позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, это подтверждает, что вооруженный конфликт 1992–1993 годов, вопреки некомпетентным или злонамеренным утверждениям, не носил ни этнического, ни религиозного характера. Но главное – активная поддержка со стороны, на первый взгляд, незаинтересованных этносов, привела к глубокой трансформации абхазской национальной ментальности, к осознанию себя не просто народом, но государствообразующим народом. Следствием начатого во время войны процесса стало образование новой надэтнической общности – многонациональный народ Республики Абхазия – где этносы, сохраняя свои языковые и культурные особенности, обладают элементами общего самосознания.

Особое место среди этих незаурядных личностей занимает московский поэт Александр Бардодым, чье имя стало фактически одной из формулировок вышеупомянутой этнической доминанты. Впервые посетив Абхазию подростком, он полюбил ее людей, природу и культуры. Осознанным стал и выбор им специальности – уже как студента Литературного института (под руководством Д. К. Чачхалиа) – переводчик с абхазского, и занятая им позиция в еще почти бескровном абхазо-грузинском противостоянии. Столь же последовательным было его решение с оружием в руках сражаться за свободу Абхазии. Погибший в неполные 26 лет, Александр Бардодым похоронен в Абхазии, в городе Новый Афон.

За месяц активного участия в боевых действиях Александр Бардодым успел прославиться мужеством и отвагой. Вместе с тем, очевидно, что воинский подвиг – не определяющая, но завершающая черта его образа. Характерная черта абхазской ментальности – перенос положительных качеств одного представителя народа на весь народ обусловила ситуацию, когда молодой человек стал для сражающейся Абхазии символом России и символом надежды на Россию.

Действительно, свойственные Александру Бардодыму стремление к идеалам, негромкая мужественность, верность в дружбе, последовательность в словах и поступках, решительность и отвага, самоотверженная готовность защищать слабого, скромность, деликатность, немногословность, строгая внешняя красота – являются воплощением традиционных ценностей русской культуры. Столь высокая их концентрация в одной личности, яркость проявлений, делают Александра Бардодыма носителем национального нравственного идеала. «Мы народ не бизнесменов, а поэтов. Саша ушел, как «невольник чести», как человек не только слова, но и поступка, то есть поэт. Поэт на то и поэт, что осуществляет народное представление о чести и достоинстве... Это был характер, в котором сочетаются черты казака из Запорожской Сечи (таков род Бардодымов) с чертами русского потомственного интеллигента», – подчеркивал его литературный учитель, поэт Лев Озеров.

Вместе с тем особенность ситуации заключается в том, что обладающий подобным комплексом нравственных качеств русский юноша одновременно выступил выразителем идеального стереотипа жизни и поведения мужчины-абхаза. Про таких редких людей абхазы говорят: «Апсуара илсны дыкоуп», – «в него проник дух Апсуара».

Не случайно стихи Александра Бардодыма «Дух нации», «Над грозным городом раскаты», «Кавказ седоглавый», написанные уже в ходе боевых действий, печатались в боевых листках, становились любимыми фронтовыми, а потом и народными песнями. Классически русские по форме, они вместе с тем продолжают традиции абхазских народных эпических песен – не только по образному строю, но и по выполняемой ими социальной функции. Такую же социальную функцию по сей день в Абхазии выполняет и сам образ поэта, где не только его жизнь, но и смерть стали частью легенды. Характерен факт нежелания абхазов раскрывать трагическую нелепость подлинных обстоятельств гибели юноши: повинувшись закону фольклорного жанра, молва единодушно приписывает герою гордую гибель в бою.

Слияние идеалов двух культур в столь высокой точке и сделало Александра Бардодыма человеком-символом. Учитывая его многолетнее стремление к постижению национальной культуры и духовности Абхазии, здесь не приходится говорить о случайности. Густав Шпет отмечает, что человек способен «войти в состав и дух другого народа... путем долгого и упорного труда, пересоздания детерминирующего его духовного уклада». Между тем Александр Бардодым сумел стать идеальным абхазом, оставшись идеальным русским, что дает возможность говорить о подлинной биэтничности этой уникальной личности.

Таким образом, в ходе войны 1992–1993 годов, которая по праву получила название Отечественной войны народа Абхазии, наблюдался феномен, когда представители другого этноса становились символами этнического самоутверждения абхазов. Их пассионарность, сочетаясь с высоким уровнем пассионарного напряжения общества, стимулировала ход процесса этногенеза абхазов, став фактором, способствующим переходу этноса к его высшей форме – нации.

Не будет преувеличением сказать, что все русские люди доброй воли, которые, вопреки политике высшего руководства страны, пришли на помощь Абхазии в критический момент, спасли честь России. Многие – ценой собственной жизни. Именно так это было воспринято абхазами и другими народами Кавказа. И новый этап абхазо-российской дружбы, о котором мы говорим сегодня, был бы невозможен без их жизненного подвига. В этом достойном строю и Александр Бардодым – русский поэт и солдат Абхазии.

ЛЕЙЛА ПАЧУЛИА

ЕГО ОБРАЗ ЖИВЕТ В НАШИХ СЕРДЦАХ

Памяти Александра Бардодыма

«Республика Абхазия», № 114, 13–14 октября, 2011

Тяжело терять близких, тяжело терять друзей. Говорят, время лечит, но жизнь показывает, что это не так. В этом году 13 октября нашему другу Александру Викторовичу Бардодыму – московскому поэту, журналисту, погибшему в Абхазии в сентябре 1992 года, исполнилось бы 45 лет. Он учился в абхазской группе в Литературном институте, на факультете художественного перевода, горячо любил Абхазию, ее народ, культуру, традиции, приобрел здесь много друзей. По сути Абхазия стала для него второй Родиной, и покоится он здесь, в Новом Афоне, на дорогой сердцу земле, за которую отдал жизнь. Когда мы, его друзья, собираемся вместе и вспоминаем Сашу, нам кажется, что он не ушел в мир иной, а живет рядом, так живо, так зримо всплывает его образ. Саша всегда будет жить в сердце каждого из нас. Вот каким помнит Сашу поэтесса Гунда Сакания: «Когда Саша приезжал в Абхазию, мы часто устраивали поэтические вечера в кафе «Амра», «Адуней», театральном кафе. Помню, на «Амре» я впервые услышала его переводы стихов Баграта Шинкуба. Это кафе обычно шумное, но многоголосье смолкало, когда Саша читал свои стихи или переводы, ведь в этот момент на него невозможно было не обратить внимания, у него была особая, завораживающая слушателя, обладающая

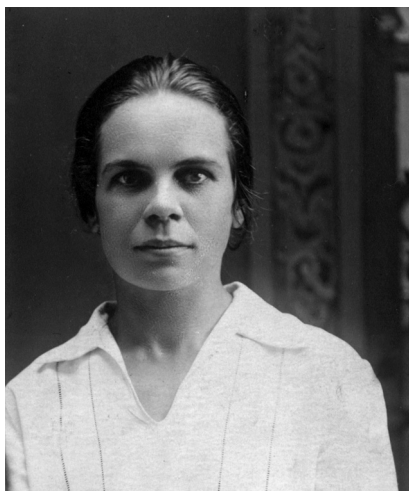
особым магнетизмом дикция. Он в кругу друзей как бы создавал свой поэтический оазис».

Запомнилась и часовая морская прогулка. Здесь на катере у нас получился импровизированный вечер поэзии. Со слезами на глазах Саида Делба читала свои стихи о Родине, о тяжелой поре для нашего народа – махаджирстве. И здесь Саша впервые прочитал «Киараз», передавая своим чтением мировосприятие горца, его понимание войны, смерти.

Часто мы – Саша, Саида, Роин Агрба, Алина Ачба, Ира Завьялова – собирались и у Гиви Смыр в Новом Афоне. В доме у Гиви Саша чувствовал себя, как хозяин, любил ухаживать за нами, угощать нас. Вместе с Гиви мы поднимались и на «Орлиное гнездо», оставались на ночь в доме, пили чай. И здесь, в горах, читали свои стихи. Помню, как однажды Саида Делба предложила, совершить ритуал изгнания злых духов, чтобы они не навредили нам. Мы отнеслись к этому несерьезно, подсмеивались (все, кроме Саши), а она взяла совком угли из костра, пронесла его вокруг нас, читая молитву, совершила древний обряд. Тогда нам казались предчувствия, видения Саиды чем-то нереальным, но впоследствии многое сбылось. Помню, небо было ясное, звездное, звезды висели над нами как крупные яблоки, и вдруг начался звездопад. Саида сказала, что произойдет что-то плохое и много ярких людей погибнет, потому что яркие звезды падают с неба, не дай Бог, как бы не началась война. И к этому мы тогда не отнеслись серьезно, ибо война казалась чем-то таким далеким, нереальным. А вышло так, как было предсказано, и из нас, видевших этот звездопад, погибли двое: Саида Делба и Александр Бардодым. Светлая память всем погибшим!»

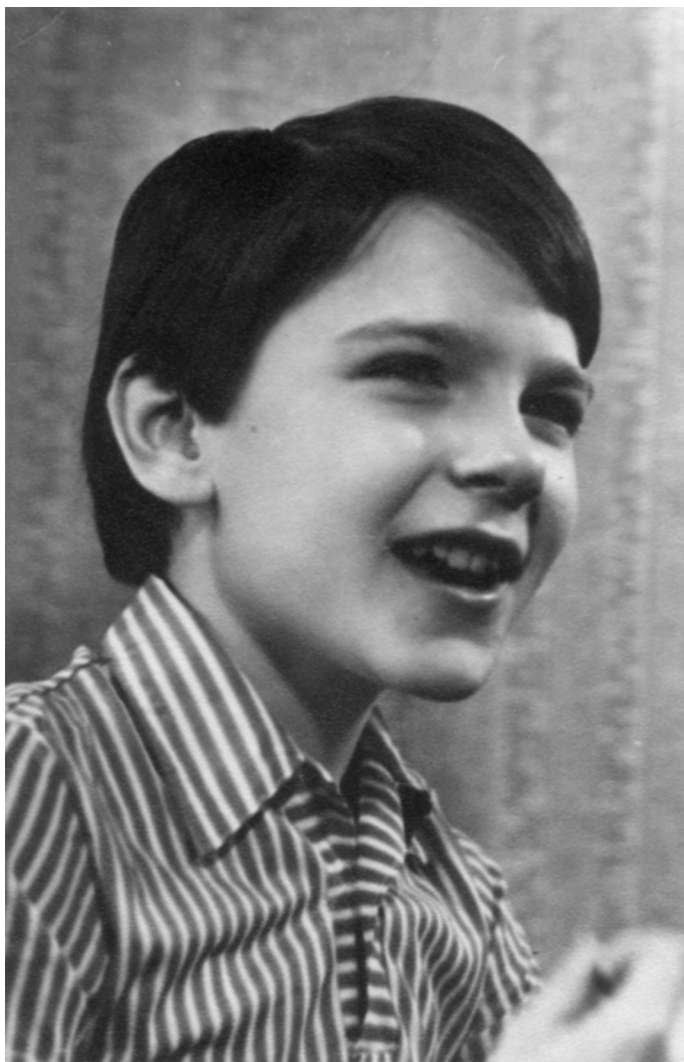
Бардодым
Григорий Никифорович,
дед Александра

Бардодым
Таисия Александровна,
бабушка Александра

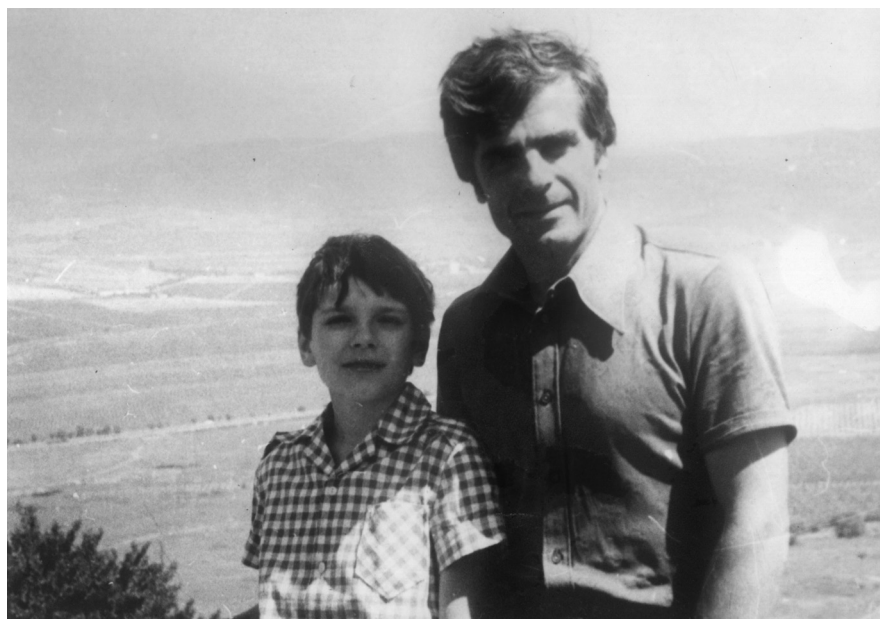
Гусев Александр Васильевич,
дед Александра. 1942 г. Фронт
Гусева Нина Николаевна,
бабушка Александра, с дочерью
Риммой

Саша Бардодым, апрель 1977 г.

Саша с отцом Бардодымом Виктором
Григорьевичем. Крым, 1977 г.

Саша с мамой Маргаритой Александровной.
Пушкинский заповедник, Михайловское, 1979 г.

Восьмой Всесоюзный
семинар молодых
писателей и поэтов.
Москва, май 1984 г.
Александр Бардодым –
второй справа

Саша Бардодым.
Поленово, май 1984 г.

Литературный институт им. Горького Союза писателей СССР.
Москва, 1984 г. В нижнем ряду (слева направо): Аслан Зантария,
Георгий Лескис, Диана Гумба, Денис Чачхалиа, Лейла Пачулиа.
В верхнем ряду: Омар Сангулиа, Аслан Агумаа, Мадина Тыркба,
Александр Бардодым, Батакуа Тарба, Даур Аршба

Московская область, сентябрь 1984 г.
Студенты Литинститута на уборке картофеля.
Крайний слева – Александр Бардодым

Армия. г. Бердичев,
март 1986 г.
Александр Бардодым
читает свои новые
стихи

Александр Бардодым.
Армия,
г. Житомир,
1 мая 1987 г.

Армия, г. Житомир, 1 мая 1987 г.

Армия, 1987 г. Крайний справа – Александр Бардодем

Литинститут, 1987 г.
Студенты семинара Д. Чачхалиа после литературных чтений,
посвященных 70-летию Баграта Шинкуба. Слева направо: Омар
Сангулиа, Батакуа Тарба, Александр Бардодым, Аслан Агумаа

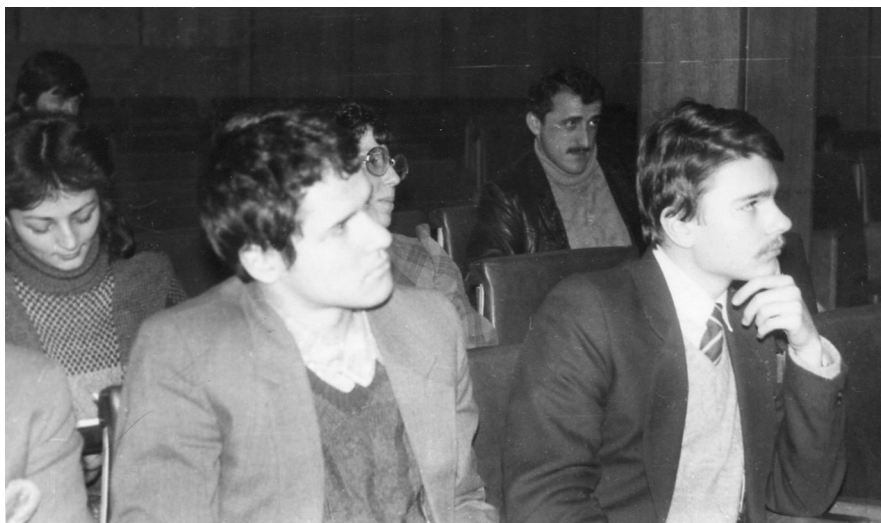

Литературный институт (Москва). 1989 г.
 Абхазская переводческая группа. Создана в 1984 году по инициативе
 председателя Союза писателей Абхазии Мушни Ласуриа.
 В первом ряду (справа налево): руководитель творческого семинара
 Денис Чачхалиа, студенты – Георгий Лесскис, Марина Кетиа,
 Наала Картозиа.
 Во втором ряду: Мадина Тыркба, Александр Бардодым,
 Аслан Агумаа, Илья Гуниа.
 В последнем ряду: Даур Аршба, Лейла Пачулиа, Диана Гумба,
 Алхас Аргун, Омар Сангулиа

Москва. Литинститут, 1988 г.

В верхнем ряду (слева направо): А. Агумаа, М. Чачхалиа, Д. Табулова,
 М. Тыркба, Н. Картозиа, М. Гицба, Пола Гарб, Д. Гумба, Л. Пачулиа,
 А. Аргун, А. Бардодым, Г. Аламиа, Г. Лесскис;
 В нижнем ряду: И. Гуниа, Б. Тарба, О. Сангулиа, М. Маршан,
 Д. Аршба

Литинститут, Москва, 1984 г.

Слева направо: Д. Гумба, И. Абанаидзе, Л. Пачулиа, А. Зантариа,
А. Бардодым на лекции

Литинститут, Москва, 1989 г.

Слева направо: Д. Аршба, А. Агумаа, О. Сангулиа,
И. Басариа, Г. Аламиа, А. Аргун, А. Бардодым, Б. Тарба

Литинститут, Москва, 1989 г.

Слева направо: О. Сангулиа, Б. Тарба, А. Аргун, А. Агумаа, Г. Аламиа,
А. Бардодым, И. Басариа, Д. Аршба

Александр Бардодым выступает на вечере абхазской поэзии в
книжном магазине «Библио-Глобус». Москва, 1989 г.

Киргизия. Тахт-и-Сулейнак, 1989 г.
Саша с мамой Маргаритой
Александровной

По Киргизии. 1989 г.
Второй справа – Александр

Абхазия, г. Сухум.

31 мая 1991 г. в день памяти махаджиров. Слева направо: М. Барцыц, Г. Квициния, Д. Гумба, М. Кациа, М. Агрба, Г. Сакания, А. Бардодым, Э. Когониа

Москва. Сашина комната

Александр Бардодым. 1992 г.
Кадр из фильма «За брызгами алмазных струй»

Москва, 1992 г.
На съемках фильма «За брызгами алмазных струй».
Группа «Куртуазных маньеристов».

Слева направо:
Вадим Степанцов,
Виктор Пеленягрэ,
Андрей Добрынин,
Константэн Григорьев,
Дмитрий Быков,
Александр Бардодым

Москва.
«Центр досуга и
творчества»,
1991 г.
Саша читает свои стихи

Абхазия, сентябрь 1992 г.
Справа: Даур Аршба, Александр Бардодым. Слева: Гиви Смыр

Новый Афон. Школьники читают стихи Александра Бардодыма

Абхазия. Новый Афон.
Виктор Григорьевич Бардодым и
Маргарита Александровна Бардодым
у могилы сына

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

7	«Ни сжечь, ни потушить...»
8	«Кружатся в водовороте звуки...»
9	Вечер в деревне
10	Отчаянье
11	«Почему же белый свет таков...»
12	Шотландская песня
13	Вакханалия
15	Песня богамских корсаров
17	«На черном коне арабских кровей...»
18	Бред
19	«Когда услышишь, что пустые...»
20	«На свете много барахла...»
21	«Как-то Том искал свой дом...»
22	Поучительные куплеты
24	Отрывки из неоконченной баллады
24	О Тедди Джейле
29	«И льется кровь краснее губ...»
30	Долби нас гром
31	Апокалипсис
33	Буря
34	«Ночь, как пепел, повсюду...»
35	Слова
36	Куликовская битва
37	Расстрига
38	«Дождь лил из сумрачных небес...»
39	Одна минута
40	«Земля станет плакать...»
41	Легенда
42	Серебряный год
43	«Все дышит покоем...»
44	«Покидаю страну...»

45 «Я живу, зря никого не трогая...»
46 Восточный вечер
47 Ужас перед бурей
48 Осенняя Москва
49 «Ой, куда же он летит...»
50 Баллада
51 «Сегодня лев в лесу сердит...»
53 Голубая фея
55 «Небо – как синий храм...»
56 «Здесь россыпь созвездий...»
57 «Бой часов скользнул...»
58 «Увидал я однажды дорогою...»
59 «За спину заката...»
60 «Отчего так прозрачны дни...»
61 «В этот тревожный час...»
62 Есть ли
64 Стихотворение как заключение
65 «Посерел стольный град...»
66 «Когда я смотрю на тебя...»
67 Одиноко
68 Безумная фея
69 Полено
70 Эпитафия
71 Новый Иегудиил
73 Пришествие
74 Сумерки
75 «В облаках растворился гром...»
76 «Если выпадет нам – на прощанье...»
78 Ведьмы
80 Черная кошка
81 «Серое сукно...»
82 Выбор
83 Золотые кони
84 Вечерок
85 «Вы коней не загоните...»
86 «Брошу лиру и среди бродяг...»
87 Гарольд

89	«Здесь солнце багрово...»
91	«Расплескалась заря по небу...»
92	Ворон
93	Зимняя фантазия
94	Арабески
95	«Останови, прохожий, караван...»
96	«Тихий стих любимой ради...»
97	Солдаты эмира
98	Минарет
99	«Кроет паутиной...»
100	«Над полями тает...»
101	Гунн
102	Из Шиллера «Мне тебя уж больше...»
103	Песня пунша
105	«Нынче снежные лохмотья...»
106	Будда
107	Плясовая накануне
108	Лира
109	Retro
110	«В окон осовелость...»
111	Визирь
112	Светлое утро
113	Три дороги
114	Жестяной снег
115	Хозяин дома
116	Солнечная Москва
117	Sake – тино
119	Этюд
120	«Солнце режет клыками...»
121	«Предо мною сняли шапки...»
123	Пристани
124	«Я ушел далеко...»
125	«Как посмел не поверить...»
126	«Там, где смерти нет...»
127	«Я же вижу, я вижу...»
128	«Где ты? Одно лишь слово! Грозу...»
129	«Постойте, леди! Вы куда спешите...»

-
- 130 Сырость
131 Узоры на стене
132 Полдень в каньоне
133 В вагоне
134 Прозрачный троллейбус
135 В меня льются красные цветы
136 Зверь и начало осени
137 Не так!
138 Городской этюд
139 «Все свои надежды, все свои желанья...»
141 Парус
142 «Ставки готовы...»
145 Чернокнижник
146 «Где тает пламя былой агонии...»
147 Песнь о Роланде
151 Движение ветра
151 В уснувшем городе
161 Черный хлеб
162 У моря...
163 «Тихо. Пусто. Дождь стучится...»
164 Островитянке
165 Этюд уходящего лета
166 «Я думал, провожая взглядом...»
167 «Вспомнил, как сверкает снег
московский...»
168 «Льются россыпи дней...»
169 «Вечер застыл...»
170 «На морозе ступени...»
171 «Волчья стая...»

ПЕСНИ БЗЫБСКИХ АБХАЗОВ

- 173 Ночь белого волка – 1
175 Ночь белого волка – 2
177 Девушки из селений и Ажвейпш
179 Снежный всадник

181	«Верю...»
182	«Звереют волны...»
183	Латиноамериканские партизаны
185	«Что – человек? Лишь только...»
186	К ней
187	«Твоя победа так легка...»
188	«Наступает вечер...»
189	«Горели огни в витринах...»
190	«Я из окна дорогу увидел...»
191	«А судьба удила...»
192	Московским художникам
193	«Я стою на причале...»
195	«Ножны путали стремя...»
197	«Белый цвет – это цвет...»
199	Капитан
200	Песня леса
201	«Мы летим...»
202	«День прошел...»
203	«Холодны ваши речи...»
204	«Я дурак. Я поверил в любовь надолго...»
205	«Обожженный свежим ядом...»
206	«А ночь искрилась серебром...»
207	Памяти «Киараза» и Нестора Лакобы
210	«Постарел Урызмаг, пролетели года...»
211	Плач на смерть Бура-Батона
212	Обращение к махаджирам
214	«Только ветер прощаться не будет...»
215	«Тихо, в травах рассыпаясь...»
216	«Звезды гроздью винограда...»
217	«Дух нации должен быть хищен и мудр...»
218	«А в каждой капле горной воды...»
219	«Тихо опустит руки...»
220	«А на земле прекращают спать...»
221	«Путник, прошедший рядом...»
222	«Вышел к реке и подумал вдруг...»
223	«Прощаясь...»
224	«Воин домой вернулся...»
225	«Ветер. И легкой тенью...»

- 226 «Как галька, скрипят на зубах слова...»
227 «Солнце звенит, словно щит: «Боль!...»
230 «Сейчас изменишь все то, что есть...»
231 «Там ночью созвездья...»
232 Песня гениехов
234 Ангел
236 Скрипичный концерт для диктатора
238 Зачем ты построил храм
240 Ловчий
242 «Сегодня жизнь, как игра...»
243 «Нам такое проклятие дарят ночные...»
244 Гибель осени
246 «Сижу в квартире, скучаю один...»
247 Последнее rendez-vous
248 «Простите, леди, я совсем...»
249 Шутнику-инквизитору
251 Дерзкий вызов
253 Мой image
254 Смуглый эмиссар
256 Милый шабаш
259 «За то, что ты опять со мной...»
260 «В моей постели черный коннетабль...»
262 «И уже я на чужбине...»
265 Полковнику никто не пишет
267 «Ямагути-гуми – это я могу...»
268 Итальянскому парламентария Иллоне
Сталлер, или прекрасной Чичолине
270 Аннет
272 Русская песня
273 Письмо абхазским друзьям
274 Voila – Жаклин
276 «Звук африканского напева...»
278 Дикий ужин

СНЫ ЧЕРНОГО ГРАНД-КОННЕТАБЛЯ

- 281 Первый сон черного гранд-коннетабля
283 Второй сон черного гранд-коннетабля

- 286 Неоконченный перевод с немецкого.
Вильгельм Буш, Макс и Мориц
293 «Мне приносит этим летом...»
294 «Прогремела гроза над пустой равниной...»
295 «Все меняется в этом мире...»
296 Триптих
298 «Спешу на рассвете к вершинам в тумане...»
299 Песня батальона Шамиля

ПЕРЕВОДЫ ИЗ АБХАЗСКОЙ ПОЭЗИИ

- 300 Пастушеская свирель
302 Баграт Шинкуба. «Ачарпын»
310 Анатолий Аджинджал. «Стук копыт до нас
донесся утром рано...»
311 Мушни Ласуриа. «Батакуа»
314 Таиф Аджба. «Сон»
316 Анатолий Лагулаа. «Думая о махаджирах»
317 Игорь Хварцкия. «Цена молчания»
318 Судьба

РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 321 Понятие истины по Евангелию у Толстого
и Достоевского
324 «Вечность...»
325 «Смысл жизни...»
326 «Вся деятельность человека...»
327 «Человек весь состоит из чувств...»
329 «Слитность революции...»
330 Духовные истоки творчества Есенина
332 Из письма к Виоле Винокан
334 «Ажвейпшаа» из Ачандары
336 Поэты-фронтовики
337 Бунин
338 А. С. Пушкин. «Медный всадник»
339 Пушкин и Шарль Нодье
343 Одно мнение о современной латино-
американской поэзии

- 350 Кто скажет новое слово?
357 Латиноамериканский «Магический реализм»
362 Рецензия на книгу Н. И. Неженца «Русские
символисты»
364 В. Каледин. «Стройбат»
367 Фазиль Искандер
369 Несколько слов о трех переводах отрывка
из баллады Б. Шинкуба «Ачарпын»
376 «Никто не знал судьбу Гудисы Смыра...»

ПАМЯТЬ

- 379 Первый президент Республики Абхазия
Владислав Ардзинба
380 Газета «Правда», 3 сентября 1992 года
381 Последняя абхазская строка московского
поэта
383 Денис Чачхалиа
384 И. Вирабов. «Две недели назад на Кавказе
погиб еще один поэт»
389 Виталий Шария. «Погиб поэт»
392 Вечер, посвященный памяти Александра
Бардодыма
403 Даур Зантария. «Душа храброго не
принимает слез»
407 Константин Елгешин. «Слово о черном
коннетабле»
409 Анна Бройдо. «Абхазская грусть Саши
Бардодыма»
413 Лейла Пачулиа. «Поминальная свеча»
417 М. Васильева. «Последнее слово барда»
428 Инна Ростовцева
429 Инна Ростовцева. «Жив по прибытии»
432 Анна Бройдо. «Феномен Александра
Бардодыма и процесс этногенеза абхазов»
437 Лейла Пачулиа. «Его образ живет в наших
сердцах»

Александр Викторович Бардодым

РАСКАЛЕННОЕ ВРЕМЯ

Стихи

Размышления

Редактор Татьяна Алексеева

Корректор Светлана Лаз-оглы

Компьютерная верстка Асиды Гицба

Формат 60х84/16.

Физ. печ. лист 29. Усл. печ. лист 26,97.

Тираж 1000.

Заказ №

Отпечатано в ООО «Флер-1»

350058, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2